

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный технический университет»
(ТвГТУ)

**ВЕСТНИК
ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки»

Научный рецензируемый журнал

№ 2 (21), 2020

Тверь 2020

Вестник Тверского государственного технического университета: научный журнал. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». Тверь: Тверской государственный технический университет, 2020. № 2 (21). 130 с.

Включает научные статьи, подготовленные на основе результатов исследований по группам научных специальностей «Философия», «Психология» и «Экономика», выполненных научно-педагогическими работниками Тверского государственного технического университета и учеными других научных и образовательных учреждений.

Содержание журнала представляет интерес для преподавателей социально-гуманитарных дисциплин, научных работников, аспирантов, магистрантов и студентов.

ТЕМАТИКА ЖУРНАЛА

- *Философская мысль*
- *Психологическое знание*
- *Проблемы экономики и управления*

Информацию о журнале можно найти в сети Интернет по адресу:
http://www.tstu.tver.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2831:2019-01-21-07-26-34&catid=41:seriyatechnauki&Itemid=292

Журнал включен в систему Российского индекса цитирования
(адрес: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=52841).

ВЕСТНИК ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки»

Научный рецензируемый журнал

№ 2 (21), 2020

Редактор М.Б. Юдина
Корректор А.В. Смирнов

Содержание

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ.....	5
Масленников И.О. Хайдеггер как возможность русской философии.....	5
Потамская В.П. Введение в спекулятивную философию истории (статья 1)	13
Соболева Н.А. Философия истории Гегеля в интерпретации Н.И. Кареева.....	20
Занегина Н.В. «Умыкание» как свадебный обряд	27
Новожилова И.В., Долгова Т.В., Гефеле О.Ф. Роль СМИ в формировании политической культуры.....	35
Торгованова О.Н. Социальный капитал как условие успешной социальной интеграции	40
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ	45
Чечурова Ю.Ю. Индивидуальные ресурсы психологической адаптивности менеджеров промышленной организации	45
Милюкова О.В. Соотношение внутренней картины здоровья и внутренней картины болезни в структуре личности.....	56
Сизова В.В., Шабанова А.Е. Влияние возраста на стили управления конфликтами в педагогических коллективах	65
Литвинова Т.И. Развитие творческой активности студенческой молодежи: опыт внеучебной деятельности	69
Сизова В.В., Блохина М.В. Профессиональный стресс как предмет научного анализа: теоретические и прикладные аспекты.....	76
Жителева Е.А. Комиксы как средство мотивации и инструмент обучения студентов русскому языку как иностранному	83
ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ.....	89
Кохно П.А. Риски муниципальных хозяйствующих субъектов: классификация и определяющие факторы	89
Лазарева О.С., Зайцева Е.А., Головин П.Н. Современные изменения площади сельскохозяйственных земель и их использования в Тверской области	107
Бородулин А.Н. Перспективы цифровой трансформации банковского сектора России в условиях пандемии.....	112
Лазарева О.С. Нормативно-правовое обеспечение использования и охраны земель	117
Яконовская Т.Б., Жигульская А.И. Проблемы теории, методологии и практики налогообложения предприятий торфодобывающей отрасли Тверского региона	121
ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ	128

Contents

PHILOSOPHICAL THOUGHT	5
Maslennikov I.O. Heidegger as a possibility of Russian philosophy.....	5
Potamskaya V.P. Introduction to the speculative philosophy of history (part 1)	13
Soboleva N.A. Hegel's philosophy of history as interpreted by N.I. Kareev	20
Zanegina N.V. The «Abduction» as a wedding ritual	27
Novozhilova I.V., Dolgova T.V., Gefele O.F. The Role of the Media in shaping political culture.....	35
Torgovanova O.N. Social capital as a criterion for success social integration.....	40
PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE	45
Chechurova Yu.Yu. Individual Resources of psychological adaptivity of managers of industrial organization	45
Milyukova O.V. Relationship of internal health picture to internal disease picture in personality structure.....	56
Sizova V.V., Shabanova A.E. Age influence on teaching staff conflict management styles.....	65
Litvinova T.I. Development of creative activity of students: experience of extracurricular activities.....	69
Sizova V.V., Blokhina M.V. Professional stress as a subject of scientific analysis: theoretical and applied aspects	76
Zhiteleva E.A. Comics as a means of motivation and a tool for teaching students Russian as a foreign language	83
PROBLEMS OF ECONOMICS AND MANAGEMENT	89
Kokhno P.A. Risks of municipal economic entities: classification and determining factors.....	89
Lazareva O.S., Zaitseva E.A., Golovin P.N. Modern changes in area of agricultural lands and their use in the Tver region	107
Borodulin A.N. Prospects for digital transformation of the Russian banking sector in the context of the pandemic.....	112
Lazareva O.S. Legal support of land use and protection.....	117
Yakonovskaya T.B., Zhigulskaya A.I. Problems of theory, methodology and practice of taxation of enterprises of the piat industry of the Tver region	121
ARTICLE RULES FOR JOURNAL PUBLISHING	128

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

УДК 1 (091)

ХАЙДЕГГЕР КАК ВОЗМОЖНОСТЬ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

И.О. Масленников

Обнинский институт атомной энергетики – филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», г. Обнинск, Калужская область

© Масленников И.О., 2020

Мартин Хайдеггер – один из самых известных и влиятельных философов XX века, сделавший проблему бытия центром своих размышлений. В статье анализируется идея современного русского философа А.Г. Дугина о том, что на основе учения о бытии Хайдеггера и его реконструкции истории европейской философии возможно создание актуальной и современной философии в России. Изучение материала по истории русской философии дает ему основание утверждать, что русская философская мысль устарела и нуждается в придании ей нового импульса для развития.

Ключевые слова: М. Хайдеггер, бытие, сущее, история философии, русская философия, западноевропейская философия.

Мартин Хайдеггер, безусловно, один из важнейших мыслителей XX в., если не самый главный. Его актуальность и востребованность, которые он, кстати, предчувствовал (правда, ошибся со сроками, считая, что время его идей наступит через несколько столетий), подтверждаются как непрекращающимся изучением его наследия, так и тем, что далеко не все из его рукописей опубликовано. Так, например, в настоящее время продолжают выходить его так называемые «Черные тетради», интерес к которым достаточно велик, поскольку они позволяют четко проследить эволюцию и специфику взглядов этого незаурядного и крайне неоднозначного философа. Поэтому обращение к нему А.Г. Дугина, одного из самых ярких философов современной России (как бы к нему ни относиться) выглядит вполне закономерно. И закономерность эта не в сходстве или даже родстве конкретных философских идей, что было бы слишком просто и, скорее всего, неинтересно, а в общей направленности их мысли, одинаковости стратегических установок и интуиций, определяемых неприятием современной европейской цивилизации. Впрочем, еще важнее то, что взгляды Хайдеггера Дугин попытался представить как определяющие для построения базиса самостоятельной и самобытной русской философии. Попробуем разобраться, что у него из этого вышло.

Начать, наверное, следует с того, что Хайдеггер, в представлении Дугина, крайне философоцентричен, его формулировку можно отлить в металл: «Для Хайдеггера история Запада есть история западной философии. То есть философия выражает в себе глубинное содержание всего исторического процесса» [2, с. 226]. Чуть далее он выражается более развернуто: «...история человечества сводится к истории западноевропейского человечества, которая,

в свою очередь, сводится к истории западноевропейской философии и далее – к *точке конца* западноевропейской философии» (курсив А.Д.) [2, с. 227]. Это верно, но нуждается в пояснении.

В «Черных тетрадах» (1931–1938) мы читаем: «Философия и есть наука... “Наука” – не родовое понятие для философии; но философия есть понятие науки» [4, с. 40]. Итак, философия и есть наука. Более того, только она и является настоящей наукой, ибо «сущность бытия есть истина (ἀλήθεια)» [4, с. 62], и только философия как наука занята ее постижением, тогда как «науки», в силу самой своей природы, озабочены инструментально-утилитарным знанием и игнорируют истину. Естественно, речь здесь идет об истине бытия, «ибо сущность истины разворачивается только как Da-sein» [4, с. 291], и экзистенциальной сущности человека, которая есть «уполномочивающее внедрение в свершение бытия» (курсив М.Х.) [4, с. 69]. А поскольку мы помним, что ситуацию современности Хайдеггер описывал как забвение человеком истины бытия и все время хотел ее переломить, предполагая возврат к истокам и нахождение человеком своей сути, это уже история. Причем история в своем настоящем смысле, а не история профессиональных историков, называемая им историографией и являющаяся одной из «наук». Следовательно, философия – это также и история. Наконец, Хайдеггер пишет: «Поборание Бога – приготовление к <занятию> его места – в существовании (Dasein) творчества и мышления. Только так осуществляется истина» [4, с. 189], что недвусмысленно указывает нам, что сфера традиционных интересов религии – это тоже сфера философии.

Итак, философия – это действительно все для Хайдеггера, поэтому ее история – это история европейской цивилизации, клонящейся к своему закату. Этот момент принципиально важен: «Если нам довериться Хайдеггеру, мы получим именно то, что нам необходимо в качестве предпосылки для живого философского мышления. Мы получим не просто момент философии Запада, но алгоритм этой философии, причем приближенный к ее концу, что, в данной интерпретации, означает приобщение к самому существенному в этой философии... Хайдеггер в этом случае и становится искомой возможностью русской философии, позволяя нам соотнестись с ее схематически описанным целым» [2, с. 227].

Дугин, кстати, признает вопрос о характере русской философии дискуссионным. Правда, оговаривается: русская философия, или что под этим термином понимается. Здесь возможны разные варианты – от симулякра как псевдовещи, заменяющей собой почти уже отсутствующую реальность, или псевдоморфозы, как оригинального феномена, запредельно искаженного чужой и чуждой ему культурной формой, до явления по-настоящему самобытного, шансы на что невелики, ибо русская философия (та, что была и есть) связана с западной отношениями нетранзитивной референтности. Поэтому всерьез можно рассматривать лишь четыре случая: первый – русская философия как необычный побег общеевропейского философского древа; второй – как некая разновидность духовного порабощения «через инсталляцию своего рационального культурного кода» [2, с. 222], третий – как результат развития не соответствующих друг другу формы и содержания, четвертый – как особая оборонительная реакция на

действия, которые нельзя игнорировать. Нетрудно заметить, что все эти варианты носят характер девиации, на полноценную философию – детально и систематично разработанную, специфически оригинальную, завершенную и самостоятельную – они не тянут.

В связи с этим не удивительно, что когда речь заходила о каких-то конкретных результатах отечественного философского творчества, то даже самые благожелательно настроенные авторы удрученно разводили руками. Так, например, А.Ф. Лосев в очерке «Русская философия» отмечал, что русской философии «чуждо стремление к абстрактной, чисто интеллектуальной систематизации взглядов», сочувственно цитировал Льва Лопатина, писавшего об отсутствии философской системы даже у Вл. Соловьева, и призывал искать философов среди фельетонистов и литературных критиков. А.И. Введенский в «Судьбах философии в России» подчеркивал: «Конечно, наша философия, как и вся наша образованность, заимствованная» [1, с. 27], а после констатации улучшения дел с преподаванием философии в университетах вопрошал: «Почему же русская философия не дала еще больших результатов?» [1, с. 53], очевидно, полагая, что преподавание философии и развитие философии это практически одно и то же. Наконец, Г.Г. Шпет в «Очерке развития русской философии» упрекал отечественную философскую мысль в излишней утилитарности и донаучности и говорил о философствовании вместо философии [1].

Дугин твердо убежден, что потенциал самостоятельного русского философского творчества может раскрыться лишь в соотнесении со всей западноевропейской философской традицией. Отдельные школы и направления тут не годятся, это неизбежно вырождается в подражание или заимствование. Поэтому речь может идти только об истории философии в целом: «Когда русские захотели (захотят) войти в процесс философии, они вынуждены были (будут) входить не в философию, а в историю философии, и им был (будет) необходим не только ее момент (конкретная школа, концепция, идея), но и краткое изложение предшествующих фаз процесса, причем именно философское, концептуальное его изложение. Осмыслив весь историко-философский процесс целиком, можно соучаствовать в нем» [2, с. 223–224]. Самое важное здесь, конечно, то, что требуемая история западноевропейской философии обязательно должна быть концептуальной.

Что же это значит – концептуальная история философии? Можно сказать, что концептуальная значит не дескриптивная; в них-то как раз недостатка не наблюдается. Ведь в дескриптивной истории философии смысл смещается с философии на историю, и она превращается в хронологическую фиксацию фактов – имен, школ, направлений, разницы между ними и т. д. Такая история философии лишается связности и цельности, а значит – и смысла, а это очень важно. Зато в концептуальной истории философии все как раз наоборот. Развитие философии, взятое через призму какого-либо философского концепта, идеи, теории, позволяет по-иному взглянуть как на отдельные факты, так и на их интерпретацию, причем это процесс обоюдный: факты меняют восприятие целого, но и новое целое дает иное видение фактов. Все это, в общем-то, хорошо известно под названием герменевтического

круга, но здесь этот прием применяется уже не к тексту, а к истории философии – т. е. к совокупностям текстов, идей, обществ, индивидов, взаимоотношений между ними – короче, не только к тому, что каким-либо образом связано с философией на определенном историческом этапе (сами этапы, соответственно, тоже соотносятся и взаимоопределяют друг друга), но и ко всему, что, хотя бы в перспективе, потенциально может иметь к ней какое-либо отношение, поскольку никогда нельзя знать заранее, где и когда эти связи обнаружатся и станут заметными. Сам Дугин называет такую конструкцию истории философии голографической и указывает, что к ней обычно склонялись те, кто считал свою философскую систему результатом и итогом всего предшествующего развития философской мысли; характерные примеры – Аристотель и Гегель. И вот как раз у Мартина Хайдеггера мы такую концептуальную историю философии и находим.

Началом философии, по Хайдеггеру, являются великие досократики – Анаксимандр, Гераклит и Парменид, заложившие фундамент ее здания, предопределившие особенности конструкции, тематику и методологическую парадигму. Особенно велика здесь роль Гераклита, который наиболее радикально решил онтологическую проблематику, рассматриваемую Хайдеггером как важнейшую в философской мысли. Именно он отождествил бытие с сущим, т. е. фюзисом. Бытие как то, что имеется в наличии, являясь кроме этого еще и своей собственной причиной, вышло, по мнению Хайдеггера, совершенно ущербным в том плане, что проигнорировало свою исключительно значимую составляющую – небытие. Закреплено это было Парменидом, отождествившим бытие с мышлением и отчеканившим: «небытия нет». Излюбленные хайдеггеровские словосочетания, такие как «забвение бытия», «утрата бытия», основаны на концептах, впервые актуализированных еще тогда, в досократический период. И это понятно, так как вычитание небытия из бытия умалило сущность последнего, сформировало неполное, искаженное его понимание, поставив на место целого лишь его часть.

Логос тоже начинает постепенно выводиться за пределы бытия, где, как мы помним, уже находилось небытие. Таким образом, их встреча была предопределена. «Хайдеггер идентифицирует работу логоса в процедуре “τέχνη”, или в том, что позже он назовет “Gestelle”. Если бытие мира начинает мыслиться как преимущественно *позитивное наличие*, то *ничто* все более концентрируется на стороне познания и его дуальной топики. Познание как процесс есть корень “технэ”, в котором происходит жесткое расщепление бытия на *фюзис* и *логос*, на познаваемое и познающего, что в дальнейшем приводит к постановке в центре именно познающего, носителя логоса, развертывающего свою ничтожащую мощь на сферу фюзиса, покоряющего бытие и, в конце концов, воспроизводящего бытие как искусственный продукт. В этом пределе развития технического начала проявляется триумф нигилизма» (курсив А.Д.) [2, с. 233]. Вот, собственно, и все; главное уже сказано, остается лишь конкретика исторического процесса.

Платон и Аристотель закрывают пути альтернативного осмысления бытия и отдают истину в безраздельное подчинение логосу, тем самым подводя итог всей досократической философии. Средние века определяются очень точно

Ницше («христианство есть платонизм для народа») и консервируют платоновско-аристотелевскую традицию. А вот в Новое время движение по предначертанному ранее маршруту развития начинает ускоряться все больше и больше. Декарт окончательно закрепляет в гносеологии жесткое разделение субъекта и объекта, отождествив субъект с логосом, точнее, поставив субъекта на его место. Усиливающаяся рационализация приводит к отказу от идей в платоновском смысле, все школы и направления – от Декарта и до Канта – свидетельствуют одно: «это начало явной доминации технического отношения к миру и человеку; человек становится техником в отношении к природе-объекту, и *Gestelle*, завуалированный ранее, обнажает свою историко-философскую мощь. Сама философия становится все более и более техническим занятием, техникой мышления, сводящейся к методикам исчисления и оценки. Иными словами, в Новое время нигилизм как сущность западноевропейской философии обнаруживается в полной мере» [2, с. 235]. Завершается Новое время Гегелем и Ницше, причем оба они, несмотря на грандиозность их построений и усилий, по-прежнему остаются в пространстве западноевропейской метафизики, одновременно завершая ее, а в случае Ницше – еще и ожесточенно критикуя.

А ведь развитие философии, а значит и всей европейской цивилизации могло пойти и иначе. Хайдеггер много размышлял над этим в так называемый средний период своего творчества (1930-е – начало 1940-х гг.). Забвение истины бытия вряд ли было бы возможным в случае включения небытия в его состав и содержание. Собственно, это было бы справедливо и истинно в самом прямом смысле, ведь сущее становится небытием прямо здесь, у нас под носом, перед глазами. Небытие, в определенном смысле, хотя и невидимо, но не совсем уж скрыто от человека. Тем более что примерные аналогии подыскать несложно, взять хотя бы брахман и атман в индийской философии или философскую мысль Древнего Китая.

Если с историей философии Хайдеггера, по мнению Дугина, становится возможной «вторая попытка русских вступить в философию», то необходимо знать, что же случилось с «первой попыткой», насколько она была удачной или неудачной. И здесь его приговор категоричен и краток: «...мы имеем русских философов, но не имеем русской философии» [2, с. 248]. Имеется в виду, что русской философии как явления не существует, она не сложилась, и это не противоречит тому, что отдельные мыслители, связанные с Россией (хотя бы по факту своего происхождения), были. «Если отнестись к трудам “русских философов” именно как к разрозненным *фрагментам*, причем написанным на языке, до конца не расшифрованном, в котором можно опознать лишь отдельные знаки, и то предположительно, вот тогда-то они обретут *подлинную ценность* и обнаружат свой созидательный потенциал для будущего» [2, с. 249]. Русская философия, по Дугину, это постройка, которая еще толком не начиналась; некий потенциал с почвой под ногами, но пока еще без роста; возможность будущего с туманными перспективами. Хотя надо признать, что иногда его приговор слишком суров.

Причину незрелости русской философии он видит в историческом опыте русского народа и его государственности, специфику которых определяет термином «археомодерн», что, по сути, аналогично псевдоморфозе

О. Шпенглера. В силу необходимости сохранения национальной независимости и суверенитета модернизация русского общества шла крайне неорганично, через государственное насилие и давление, что привело в итоге к расколу на практически автономные друг от друга европеизированную элиту и продолжающую жить в архаике традиции народную массу. Социальные связи между ними принимали все более формализованный характер, выхолащивалось их глубоко интимное человеческое содержание. Центральной фигурой археомодерна Дугину видится образ лакея Смердякова, искренне ненавидящего собственную культурную идентичность и желающего от нее избавиться путем приобщения, причем любой ценой, к господской культуре власти и элиты; и культура эта, понятно, западноевропейская. Это и порождает особенности философии археомодерна.

Собственно говоря, русские мыслители периода археомодерна и разделились в основном по вопросу отношения к Западу, который и был взят элитой России за образец модернизации, поэтому очень условно их можно поделить на западников и антизападников, хотя не лишне повторить еще раз: это деление очень приблизительно и не совсем точно отражает действительное положение дел. Так, например, П.Я. Чаадаева Дугин записывает в откровенные западники и русофобы, что, мягко говоря, не совсем так. Очевидно, что мысль Чаадаева эволюционировала, его историософия слишком сложна и не может быть истолкована по первому «Философическому письму», единственному, которое было напечатано и вызвало большой скандал и разделение на западников и славянофилов. Именно у Чаадаева в «Отрывках и разных мыслях» можно прочитать: «Русский либерал – бессмысленная мошка, толкущаяся в солнечном луче; солнце это – солнце запада» [5, с. 469]. Или же не менее красноречивое: «С того дня, как мы произнесли слово “Запад” по отношению к самим себе, – мы себя потеряли» [5, с. 499], и это отнюдь не единственные подобные его высказывания. Короче, Чаадаев как безоговорочный западник – это Чаадаев, прочитанный без остальных семи «Философических писем», без «Апологии сумасшедшего»; это, конечно, упрощение и, соответственно, искажение подлинной чаадаевской мысли.

И ведь нельзя сказать, что Дугин совсем не понимает всей сложности ситуации с расставлением столь однозначных оценок, в иных случаях ему успешно удается этого избежать. Например, абсолютно точно характеризуя изначальный марксизм как радикальное западничество, он верно указывает на его эволюцию в 1920-е гг.: «с философской точки зрения в русском контексте мы имеем дело с *“антизападничеством западничества”* – с идеологией, которая одновременно утверждает Запад как нечто универсальное и тем же жестом эту западную универсальность преодолевает, снимает, заявляя, что *“завтра уже наступило”*, что *“Запад в России закончился”* (так и не успев толком начаться)» (курсив А.Д.) [2, с. 306]. В качестве других примеров неприяженно-тенденциозного отношения можно привести его характеристики таких известных мыслителей, как Владимир Соловьев и родоначальник «философии общего дела» Н.Ф. Федоров. Если Соловьева он разбирает достаточно подробно, не упуская случая назвать его «маргиналом европейского дискурса», уличить в синкретизме заимствований и анахронизме проблематики,

подробно сообщить о его психической ненормальности и определить стремление к всеединству как бегство от философии, объясняя все это попытками бессознательного пробиться наружу сквозь структуры рационального логоса, то Федорову повезло меньше – ему вообще отказано в работе мысли («он не столько мыслит, сколько бредит»), и его состояние прямо и откровенно названо психопатологией.

Еще больше удивления вызывает его трактовка советской философии как «токсических отходов» и «невразумительной ахиней», которая могла привести к левацкому коммунизму или к совсем уж устаревшей архаике вроде «русского космизма». «В худшем же случае горы написанных книг не несли в себе вообще никакого содержания, являясь образцами недешифруемого мыслеподражания» [2, с. 311]. Это, конечно, совершенно неверно фактически. В.А. Лекторский отмечает: «Когда говорят о “советской философии”, то в действительности под этим словом скрываются очень разные вещи... Картина философской жизни России в советские годы была гораздо сложнее и интересней. В нашей философии в эти годы наряду с догматиками и приспособленцами творили выдающиеся умы, яркие личности, связанные с культурой России и культурой мировой, с гуманитарным и естественнонаучным знанием. Мы только сегодня начинаем понимать и ценить то, что было сделано в эти годы и что сегодня оказывается актуальным» [3, с. 23–24]. И действительно: в советский период плодотворно работали такие мыслители, как Э.В. Ильенков, М.М. Бахтин, А.Ф. Лосев, Мераб Мамардашвили, Александр Зиновьев, Г.П. Щедровицкий. Во второй половине XX в. возник интерес к работам марксиста и эмпириомониста Александра Богданова. Нельзя не упомянуть и «русский формализм» Б. Эйхенбаума и В. Шкловского, структурную лингвистику, которую активно разрабатывали Вяч. Вс. Иванов и В.А. Успенский. Все вышеуказанные авторы получили широкое признание как в России, так и за рубежом.

В какой-то степени такая бросающаяся в глаза тенденциозность компенсируется пристальной доброжелательностью к другим мыслителям. Так, славянофилы, по мнению Дугина, первыми почувствовали саму возможность построения русской философии. Подробно описана религиозная философия С. Булгакова и П. Флоренского, в позитивном ключе отмечено значение Константина Леонтьева и Н.Я. Данилевского, евразийцев и В.В. Розанова.

Впрочем, столь углубленный экскурс в историю отечественной мысли и широко представленная галерея ее представителей не отменяют главного тезиса: русские философы есть, а русской философии как явления – нет. Конечно, с этим можно и не соглашаться (хотя определенный резон здесь есть), но нельзя не признать другого, а именно: марксистско-гегелевская схема историко-философской модели после 1991 г. безнадежно устарела и не учитывает богатейший философский опыт XX в., накопленный в рамках таких школ и направлений, как аналитическая философия, экзистенциализм, структурализм и т. д. А раз так, то гипотеза Дугина о том, что философия Мартина Хайдеггера может послужить своего рода фундаментом, основой для очередного приобщения России к мировому философскому опыту и способна придать новый импульс собственному философскому творчеству как минимум не лишена оснований и выглядит весьма привлекательно. Окончательную точку в

проверке этой гипотезы может поставить только время и целенаправленная работа, но в любом случае более углубленное изучение философского наследия одного из интереснейших немецких философов недавнего прошлого лишним точно не будет.

Библиографический список

1. Очерки истории русской философии / А.И. Введенский [и др.]; сост., вступит. ст., примеч. Б.В. Емельянова, К.Н. Любутина. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 592 с.
2. Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер. Последний бог. М.: Академический проект, 2014. 846 с.
3. Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд / под ред. В.А. Лекторского. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 470 с.
4. Хайдеггер М. Размышления II–IV (Черные тетради 1931–1938). М.: Институт Гайдара, 2016. 584 с.
5. Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избранные письма. М.: Наука, 1991. Т. 1. 809 с.

HEIDEGGER AS A POSSIBILITY OF RUSSIAN PHILOSOPHY

I.O. Maslennikov

Obninsk Institute for Nuclear Power Engineering

Martin Heidegger is one of the most famous and influential philosophers of the 20th century, who made the problem of being the center of his thoughts. The article analyzes the idea of the modern Russian philosopher Dugin, which, based on the teachings on the being of Heidegger and his reconstruction of the history of European philosophy, it is possible to create relevant and modern philosophy in Russia. Studying a great deal of material on the history of Russian philosophy gives him reason to assert that Russian philosophical thought is outdated and needs to give it some new impetus for development.

Keywords: *M. Heidegger, being, existence, history of philosophy, Russian philosophy, Western European philosophy.*

Об авторе:

МАСЛЕННИКОВ Игорь Олегович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных наук, Обнинский институт атомной энергетики – филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», г. Обнинск, Калужская область. E-mail: igo9444@yandex.ru

About the author:

Maslennikov Igor Olegovich – PhD, assoc. prof. of the Dept. of Philosophy and Social sciences, Obninsk Institute for Nuclear Power Engineering – Obninsk chapter of Moscow State Physical Institute, Obninsk, Kaluga region. E-mail: igo9444@yandex.ru

УДК 1 (091)

ВВЕДЕНИЕ В СПЕКУЛЯТИВНУЮ ФИЛОСОФИЮ ИСТОРИИ (статья 1)

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Потамская В.П., 2020

Статья посвящена формированию спекулятивной философии истории. Рассматриваются основные характеристики линейных и циклических умозрительных субстанциалистских схем истории.

Ключевые слова: история, законы, телеология, историзм.

Проблема постижения истории исследовалась в философской мысли на протяжении всего времени ее развития. Человек постоянно стремился сделать осмысленным свое существование в универсуме и истории, относя себя к единству мироздания, культурной традиции [5, с. 6]. Следует выделить две основные модели объяснения философии истории – критическую и спекулятивную. В рамках первой основное внимание уделяется мышлению историка, исследующего исторические события. Вторая модель предусматривает интерпретацию течения исторического процесса, при которой спекулятивно ориентированный философ стремится обнаружить скрытый смысл, исторические законы. История в этом случае онтологизируется, предстает как постижимая реальность, подчиненная единой цели развития. Поиск субстанциональных основ истории выражается в наделении истории каким-либо смыслом, «усматриваемом в реализации определенных принципов, идей, сущностей или ценностей» [7, с. 6].

Философ, создающий спекулятивную концептуализацию, руководствуется закономерностями различного вида: теологическими, социальными, культурными, географическими, биологическими. История упорядочивается, разделяется на эпохи, этапы, стадии, представляется в виде процесса, «каждый отрезок времени которого обусловлен в значительной мере предыдущими и в свою очередь играет известную, а то и определяющую роль в том, какими будут последующие времена, каким будет будущее» [6, с. 6].

Каждая эпоха исторического развития накладывала определенные характерные черты и представления о мире, человеке, обществе на процесс исторического мышления. Античное мирозерцание космоцентрично, опирается в понимании развития на идею циклического ритма, «вечного возвращения», определяющего ход событий природного и социального плана. Оно, по сути, не знает «всемирности» как измерения истории, сфокусировано на отдельных историях, повествующих о деяниях людей. В отличие от античного, христианское мировосприятие теоцентрично, выдержано в духе провиденциализма и эсхатологизма [2, с. 78]. Провиденциализм предполагает три основополагающие установки: идею зависимости истории от воли Бога, представление о линейном

ходе исторического развития и его обязательном завершении, дихотомию мира божественного и мира земного.

Одним из основоположников телеологической концепции истории является Аврелий Августин. Философ отрицал циклическую модель развития, рассматривая ее как «насмешку над бессмертной душой» [1]. Августин преобразовал Бога в форме провидения в движущую силу истории, и это подразумевало, что исторический процесс является внешним по отношению к человеку, манифестацией воли божества. Началом истории становится грехопадение, окончанием – Страшный суд, а в историческом процессе выделяется несколько эпох: от Адама до Великого потопа; от Ноя до Авраама; от Авраама до Давида; от Давида до вавилонского пленения; от вавилонского пленения до рождения Христа; от рождения Христа до Страшного суда [1]. Движение, которое происходило в ходе исторического развития, рассматривалось как движение к нравственному совершенству, сама история являлась эсхатологической по своему характеру.

Несколько иные взгляды предлагал Й. Флорский. Он разделял мировую историю на три этапа, соотносящихся с манифестацией ипостасей христианского Бога [11, с. 26]. Дохристианская эра – эпоха царствования Бога-отца, христианская эра – царствование Бога-сына, будущее – царствование Святого Духа. Признавая благость земной истории, в отличие от Августина, он отмечал, что человек будет становиться все совершеннее, проникаясь божественной благодатью [11, с. 77].

В целом внедрение христианских идей оказало существенное влияние на формирование спекулятивной философии. В созданной концептуальной картине истории человечества историческое развитие предстало как манифестация божественной воли, предполагающая следующие черты. Во-первых, появилось новое отношение к истории, в соответствии с которым исторический процесс рассматривался как реализация божественных целей. Подобная телеологичность предполагала определенную цель – достижение окончания истории. Во-вторых, смысл истории может быть раскрыт из происходящих событий, которые характеризует обусловленность свыше, провиденциализм [7, с. 53]. В-третьих, для христианского отношения к истории был свойственен универсализм, поскольку все люди являлись равными перед Богом. В-четвертых, разделение сакральной и профанной истории, появление датировок (до рождения Христа и после) привнесло универсальное чувство времени [13, р. 39]. Подобное датирование также несет в себе элементы телеологического взгляда на историю, сохранившееся и после секуляризационных процессов.

Эпоха Возрождения являла собой перелом в общественном развитии Европы, выразившийся в создании новой культуры. Ключевым для эпохи Возрождения стал интерес к античной культуре, антропоцентризм и гуманизм, соединенный с идеей божественного начала в человеке. Несмотря на сохранение сакральных оснований, исследователи стали обращаться к поиску причинности внутри самой эмпирически прослеживаемой истории, что способствовало

секуляризации ее истолкования. Посредством включения человека в универсальный порядок природы и подчинения его неизменному естественному закону гуманисты обратились к истории деяний, призванной служить практическим целям [2, с. 243]. Время в восприятии гуманистов представлялось не как линейное, а скорее как циклическое. Категория круговорота носила феноменальный, а не сущностный характер, т. е. повторялось событие как феномен, а не сущность как субстанция [2, с. 253].

Достижения в области естествознания в XVII–XVIII вв., универсальные законы, выявленные в природе, позволяющие объяснить и предсказать природные процессы, поставили вопрос: возможно ли обнаружить подобные закономерности в истории? Эпоха Просвещения, во многом подготовленная Ренессансом, Реформацией и развитием естествознания, объединила эмпирический и гуманистический подходы, предложив первые линейные нетеологические концепции исторического развития. Просветители были убеждены в возможности человеческого разума постичь объективную сторону мира и истории. История человечества сводилась к исследованию естественных законов прогресса. Все исторические катаклизмы рассматривались и как следствие временного отхода человека от законов природы, и как результат влияния на него тирании и суеверий [2, с. 326]. Возникновение нового исторического сознания в Европе раннего Нового времени было обусловлено появлением механистической метафоры. В границах познания истории механицизм реализовался в сведении исследования истории к процессу проникновения в сущее [12, р. 11].

Не предлагая теории исторического развития, Вольтер, по сути, разрушил христианские компоненты исторической картины, в том числе разделение христианских и нехристианских народов, секуляризовав всю историю [13, р. 109]. По его мнению, прогресс осуществляется в специфических областях, в определенные моменты времени, а движущей силой истории являются идеи, формирующиеся в процессе обработки разумом социального и культурного опыта людей.

Вольтер, как представитель деизма, рассматривал разумное целое лишь как творение сознательного разума, некую машину, созданную Богом и функционирующую по универсальным законам. Человеку при этом не дано понять, почему Бог-инженер именно так сконструировал мировой механизм и «оснастил» человеческую жизнь таким количеством страданий и зла [10, с. 67].

В отличие от Вольтера, Ш. Монтескье более четко развил идею причинности. Он ссылаясь на влияние климата, качество почвы, демографию, коммерцию, описывая типы республики, монархии и деспотизма в «Духе законов», выясняя тем самым законы, управляющие историей. Но Монтескье не связывал данные типы в единую развивающуюся схему исторического, они не являлись прогрессивными стадиями истории. История, тем самым, выступала как часть естественнонаучной картины мира, в которой социальные институты оказываются не продуктами свободного творчества человеческого разума, но необходимыми следствиями естественных физических причин [7, с. 77].

В трудах антиклерикально настроенного Ж.А. Кондорсе роль божественного провидения исполняет чистый естественный закон прогресса, который «почти так же надежен, как и закон природы» и выражается в вере в неограниченную способность человека к совершенствованию [10, с. 144]. Кондорсе впервые предложил концепцию прогрессивного развития истории, подчиненную тем же общим законам, которые прослеживаются в развитии индивидуальных способностей людей. Тем самым исторический процесс являлся обусловленным прогрессом человеческого разума [8, с. 159–160]. Кондорсе писал о существовании единой цивилизации, поскольку все народы проходят в своем развитии ряд последовательных стадий. Первая представлена обществом, занимающимся охотой, собирательством и владеющим членораздельной речью [8, с. 6]. Наука на данном этапе только зарождалась. Вторая эпоха представлена пастушескими народами и постепенным переходом к оседлому земледелию. Третья эпоха непосредственным образом связана с дальнейшим развитием земледельческих народов. Прогресс был чрезвычайно незначителен, но сохранению знаний способствовали его трансляция в кастах и появление письменности [8, с. 44]. Четвертая эпоха представлена историей греческого общества. Развитие софистики и философии подготовили прогресс человеческого разума, придавая уму «утонченность и гибкость» [8, с. 52–57], что подготовило появление культуры теоретизирования. Пятая эпоха была обусловлена прогрессивным развитием науки и дифференциацией научного знания, появлением скептицизма. Шестая эпоха соотносится с упадком культуры во время Средневековья и распространением влияния христианства на все сферы жизни [8, с. 94–100].

Седьмая эпоха связывалась с первым прогрессом науки. В это время начинается постепенное освобождение сознания и ума от власти веры. Восьмая эпоха продолжалась «от изобретения книгопечатания до времени, когда науки и философия сбросили иго авторитета» [8, с. 128–129]. Свобода начала рассматриваться как неотчуждаемое свойство человека. Девятая эпоха представлена историей, хронологически относящейся к XVIII в. В данное время человеческий разум окончательно становится свободным. В обществе начинают действовать законы, гарантирующие свободу, и ее следствием является гуманизм, исследование истории всего человечества [8, с. 181]. Кондорсе также обращался к будущему совершенствованию человеческого разума, соотнося его с десятой эпохой: «настанет, таким образом, момент, когда солнце будет освещать землю, населенную только свободными людьми, не признающими другого господина, кроме своего разума» [8, с. 222–228].

И.Г. Гердер – представитель немецкого Просвещения, внесший значительный вклад в развитие идей историзма, – сосредотачивался на двух основных составляющих его идеях – индивидуальности и развития [10, с. 284]. Философия истории, по мнению Гердера, имеет своим предметом всю историю человечества в целом. Гердеровский пантеизм выразился в исследовании манифестации бога в природе, ассоциации бога и природы в ее целостности [4, с. 10].

Философия истории представляется Гердеру подлинной историей людей, поскольку основывается на традиции и развитии. Божество создало вечные и неизменные законы, основывающиеся на принципе гармонии и управляющие Вселенной независимо от масштабов событий и явлений. В развитии необходимы перевороты и кризисы, поскольку они стимулируют дальнейшее движение вперед [4, с. 233–234]. Человек обладает как земной, так и божественной природой, он вписан в существующий, установленный божественной силой порядок. Разум измеряет и сопоставляет взаимосвязь вещей, чтобы упорядочить ее и превратить в постоянную соразмерность. Гердер констатирует единство человеческого рода, говоря в то же время о наличии множества народов: «ибо каждый народ – это народ, и у него есть и язык, и особое, присущее только ему строение» [4, с. 172]. Тем самым исторический процесс развивается в соответствии с природными и культурными особенностями, реализуясь в различных формах. Активно исследуя неевропейские народы, он стремился отобразить вклад всех культур в единый исторический процесс, обосновывал принципы плюральности и многовариантности развития. В то же время, сравнивая различные государства и народы (например, население Африки, Америки, Китая), Гердер утверждал, что Европа отличается от других частей света не только своей многогранностью, но и степенью влияния на другие народы. Величие Европы основывается на знании, неутомимой деятельности, изобретательности, всеобщем старании и соревновании [4, с. 608].

Гердера отличает телеологический взгляд на природу, в котором каждая стадия эволюционного развития спроектирована природой таким образом, чтобы подготовить следующую [7, с. 87]. Цель исторического развития заключается в «воспитании гуманности, которой подчинены все жизненные потребности: разумная способность должна стать разумом, тонкие чувства – искусством, влечения – благородной свободой и красотой, побудительные силы – человеколюбием» [7, с. 131]. Подобная биологически-вегетативная идея развития одновременно представляла собой развитие теологической идеи [10, с. 294].

Несколько иной, отличный от магистральной просвещенческой линии характер носило понимание истории Дж. Вико. По своему образу мысли он отличается от деятелей эпохи Просвещения и скорее замыкает собой более раннюю эпоху Возрождения, «медленное умирание которой еще продолжалось под жесткой корой метафизики XVII столетия» [9, с. X]. Философия Вико основана на «примирении с действительностью», в которой он открывает разумный ход и неотвратимые законы развития, отличаясь тем самым от просветителей, рассматривающих окружающий мир с позиции рационализма.

Стремясь получить знание исключительно от вещей, которые обязаны своим существованием человеку, Вико рассуждал, что только Бог может постичь естественный мир, поскольку Он его создал. Общественный мир создается людьми, поэтому способ его реализации укоренен в модификациях сознания человека [3, с. 118]. Тем самым история выступает как нечто созданное

человеческим духом, и, следовательно, может выступать в качестве объекта познания. Центральной для философии Вико является идея того, что нации или государства проходят определенные стадии развития. При этом история мыслится как обладающая двойственной природой. С одной стороны, люди сами творят все происходящее: «Человек вследствие бесконечной природы человеческого ума делает самого себя правилом Вселенной там, где ум теряется от незнания» [3, с. 73], а с другой – Провидение организует деятельность людей незаметно для них самих [3, с. 470].

Вико обращался к античной идее круговорота, постоянного возвращения к одной и той же исходной точке, формируя циклическую концепцию истории. По мнению Вико, человечество в своем развитии проходит три этапа, по завершении последнего из которых процесс начинается сначала: «Новая Наука, т. е. Метафизика в свете Божественного Провидения, размышляя об общей природе наций... строит на них систему естественного права народов, которое проходит совершенно одинаково и с полным постоянством через три Века... а именно: Век Богов, когда языческие люди думали, что живут под божественным управлением... Век Героев, когда последние повсюду царствовали в Аристократических Республиках... Век Людей, когда все признали, что они равны по человеческой природе; потому в этот век сначала процветали Народные Республики, а под конец – Монархии» [3, с. 31]. После монархии вновь происходит возвращение к варварству, и цикл исторических изменений повторяется. Определенные периоды в истории имеют общие черты и повторяются в другие моменты, так что два различных периода могут оказаться тождественными по своей природе.

Итак, спекулятивная философия истории основывается на европейской философской традиции, которая получила свое начало из философии Августина, выразившейся в христианской концепции единой человеческой истории, основанной на Ветхом и Новом Заветах. В Средневековье сформировалось понимание истории как целостного процесса развития, имеющего линейную направленность и реализующегося в соответствии с принципом провиденциализма. Начиная с XVIII в. осмысление исторического процесса было секуляризовано, и провиденциализм был смещен верой в прогресс и силу Разума.

Библиографический список

1. Августин Аврелий. О Граде Божиим. URL: http://az.lib.ru/a/awgustin_a/text_0427_de_civitate_dei-1.shtml (дата обращения: 19.12.2019).
2. Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987. 354 с.
3. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. М.: Ирис; REFL-book, 1994. 637 с.
4. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 703 с.
5. Губман Б.Л. Смысл истории: очерки современных западных концепций. М.: Наука, 1991. 192 с.
6. Кимелев Ю.А. Философия истории: Систематический очерк. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2010/03/29/1210354037/x2581torii_vstupitel_naya_statya_3-19.pdf (дата обращения: 12.01.2020).

7. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. М.: Наука, 1980. 486 с.
8. Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. 265 с.
9. Лифшиц М.А. Джамбаттисто Вико // Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. М.: Ирис; REFL-book, 1994. С. V–XXVII.
10. Мейнеке Ф. Возникновение историзма. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 480 с.
11. Флорский Й. Книга о согласии Нового и Ветхого Заветов // Философия истории: Антология / сост., ред. и вступ. ст. Ю. А. Кимелева. М.: Аспект-Пресс, 1995. С. 25–30.
12. Berger S., Feldner H., Passmore K. Writing history: Theory and Practice. L.: HodderArnoldH&S, 2003. 337 p.
13. Hunt L. Measuring Time, Making History. Budapest: Central European University Press, 2008. 144 p.

INTRODUCTION TO THE SPECULATIVE PHILOSOPHY OF HISTORY (PART 1)

V.P. Potamskaya

Tver State Technical University, Tver

The article is devoted to the formation of a speculative philosophy of history. The basic characteristics of linear and cyclic speculative schemes of history are considered.

Keywords: *history, laws, teleology, historicism.*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru

About the author:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – PhD, Senior Lecturer of the Dept. of Media Technologies and Public Relations, Tver State Technical University, Tver. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru

УДК 1 (091)

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ ГЕГЕЛЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Н.И. КАРЕЕВА

Н.А. Соболева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Соболева Н.А., 2020

Статья посвящена сравнению двух подходов к пониманию истории – метафизического и позитивного. Новизна подачи материала заключается в том, что сравнение осуществлено через призму критики Н.И. Кареевым историософских воззрений Гегеля. Выявлено, что русский позитивист дал биполярную оценку всемирной истории Гегеля, выделив в ней актуальные характеристики (прогрессивность, преемственность, культурное различие и т. д.) и спекулятивные построения (логика развития всемирного духа, линейность, исторические / неисторические народы и т. д.).

Ключевые слова: философия, история, Восток, Запад, Г.В.Ф. Гегель, Н.И. Кареев.

Панорама всеобщей истории, нарисованная в свое время Гегелем, сегодня представляет скорее историографический интерес. Однако бесперспективно полностью отрицать метафизику Гегеля, поскольку человек в принципе так устроен, что не может обойтись без обобщающих конструкций, постоянно рождающихся в его голове. Поэтому корректно говорить о преодолении метафизического подхода к пониманию философии истории, что, собственно, и наблюдается вот уже почти два столетия в интеллектуальной среде.

Особое место в ряду исследователей философии истории Гегеля занимает российский мыслитель-позитивист, автор научного курса всеобщей истории Николай Иванович Кареев (1850–1931). Кареев как интерпретатор философии истории Гегеля – такая постановка вопроса достаточно хорошо проработана исследователями. Например, Ю.А. Васильев пишет, что Кареев узрел искусственность в попытке Гегеля подогнать логические деяния «всемирного духа» под эмпирическую схему всемирной истории [1, с. 121–123]. Е.С. Косарская отмечает увиденную Кареевым дискурсивную натяжку в гегелевской типологизации всемирной культурной истории с ее тремя мирами – восточным, греко-римским и европейским [5, с. 30]. Е.Е. Михайлова выявляет противоречивость оценки Кареева: критикуя гегелевские «главные нации», свой курс всеобщей истории он также выстраивает на материале не всех, а только нескольких стран, в частности, Франции, Германии, Англии [6, с. 93].

Ценностно-критическому осмыслению Кареевым философии истории Гегеля посвящена и данная статья. В частности, под особым углом зрения рассматривается вопрос о том, какой инструмент взаимообогащения Востока и Запада предлагается Гегелем и как это расценивается Кареевым.

Проблемы философии истории поднимаются в таких работах Кареева, как «Основные вопросы философии истории» (1883), «Общий ход всемирной истории: Очерки главнейших исторических эпох» (1903), «Историология. Теория

исторического процесса» (1915) и «Историка. Теория исторического знания: из лекций по общей теории и истории» (1913).

В работе Гегеля «Философия истории», как известно, главной константой исторического процесса выступает «всемирный дух», который перемещается от одного народа к другому, причем только в том случае, когда народ готов стать носителем новой идеи, составляющей «новый момент в развитии абсолютной идеи» [4, с. 13]. Кареев отмечает, что всемирный дух у Гегеля, переходя от народа к народу, «никогда не находится дважды в одном месте или в двух местах одновременно: на какую ступень развития он поднимает ту или другую нацию, на той она и остается, когда тот ее покидает» [4, с. 48]. Присутствие всемирного духа делает историю народа в этот период достоянием всемирной истории человечества. Гегелевское видение всемирно-исторического процесса Кареев именует метафизическим, усматривая тесную связь последнего с теологическим, с той лишь разницей, что воля Верховного Существа, управляющего историей, заменяется на «чисто логическое сцепление отдельных моментов» [4, с. 12].

Систему и метод Гегеля Кареев называет «диалектическим монизмом», предполагающим логическое развитие отдельных идей в стройное целое. Диалектический монизм предполагает признание внутреннего единства и плана в эмпирически разрозненном и хаотичном ходе истории [4, с. 46]. Кареев считает, что никакого общего плана нет, так же как нет и общего неизменного и постоянного единства, а история – «это совокупность массы явлений духовной и общественной жизни, для каждого рода которых существуют свои специальные законы и которые находятся в самом сложном взаимодействии» [4, с. 12]. По мнению Кареева, если можно говорить об исторических законах, то «не в смысле законов по которым совершалась вся история, а в смысле единообразий, наблюдаемых в жизни отдельных народов» [4, с. 14].

Сравнивая точку зрения на единство всемирно-исторического процесса Гегеля и Кондорсе, Кареев отмечает, что Кондорсе заведомо гипотетически предлагает соединять значимые для всего человечества факты из истории отдельных народов в единую историю человечества, поэтому «в этом смысле концепция Гегеля вернее» [3, с. 12]. Гегель в своей версии всемирной истории стремится подняться выше механического соединения частных историй и установления их простой связи, он хочет познать смысл единства человечества, представленного разными народами. Однако, подмечает Кареев, справедливо подняв вопрос о преемственности народов, Гегель придает ей характер исключительно линейного и восходящего развития (и восточных, и западных культур), упуская из виду возможность параллельного, особенного и, тем более, случайного взаимодействия культур.

Вслед за Гегелем Кареев ратует за единство всеобщей истории человечества. «Как области одного государства, живя местною жизнью, участвуют и в жизни общей, так и несколько народов могут составить высшую единицу, особый исторический мир, вроде греко-римского, христианского, мусульманского и т. п.» [3, с. 13]. Однако для сцепления всех моментов, повторяющихся единожды в истории, Кареев предлагает использовать другой подход. У Гегеля инструментом взаимосвязи истории является логика развития всемирного духа, посещающего те или иные народы по только ему понятному

плану-замыслу. Кареев изменяет такой подход и вместо логической взаимосвязи народов выдвигает культурное заимствование в процессе коммуникаций.

Положение о культурном заимствовании лежит в основе теории Кареева о национальных типах. В его замыслах, каждый народ вырабатывает свои культурные формы, которые воспринимаются потом другими народами и таким образом делаются общими для всех. В качестве примера Кареев приводит Западную Европу, народы которой, со временем обособившись, все равно развивались в тесном взаимодействии, попеременно оказывая друг на друга определенное влияние. Так, феодализм, гуманизм, романтизм, католицизм, зародившись в рамках одной культуры, распространялись на другие территории в процессе культурного заимствования. Кареев приходит к выводу, что вследствие взаимовлияния отдельных народов друг на друга «и возможна некоторая общая история западноевропейских народов, как бы история “единичного народа”, как бы история некоторого “духа”, переходящего от одного народа к другому, – с гуманизмом из Италии в Германию, с протестантизмом из Германии в другие страны и т. д.» [3, с. 13–14].

Критикуя Гегеля за всеобщность истории, связанной логикой развития мирового духа, Кареев тем не менее использует гегелевскую терминологию применительно к выделению национальных типов, объясняя их развитие. Он также выделяет группу стран или культурных миров, по которой можно судить о всеобщей истории. Это национальные типы, состоящие из единичных элементов, которым, в силу их тесного постоянного взаимовлияния, присущи схожие черты. На деле, различия этих народов в философии истории Гегеля и Кареева касаются только обоснования их выбора. У Гегеля это избранные народы, наделенные всемирным духом развития, у Кареева – народы, тесно взаимодействующие между собой и погруженные в общую органическую и культурную среду.

Общая формула развития, работающая в метафизике Гегеля, не является всемогущей. Например, пригодная для средневековой или новой Европы и позволяющая, по мнению Кареева, говорить о возможности выделения некоторой общей линии развития, эта формула не может быть применена в неизменном виде к объяснению развития народов древнего Востока, так как «здесь не было такой тесной и общей жизни» [3, с. 14]. Однако, как он сам себя поправляет, и развитие самой Европы не отличается правильностью, оно шло с разной степенью интенсивности. Так, «народы древнего Востока, за полтора с лишком тысячелетия до Р. Х., тоже ведь начали сближаться между собою, испытывать общую судьбу, меняться друг с другом идеями, знаниями, искусствами и т. п.» [3, с. 14]. Кареев находит ряд общих существенных черт в развитии ранних цивилизаций, что позволяет ему выделить не только особый культурный мир древнего Востока, но и говорить об особом древневосточном культурном типе, который можно наблюдать во времена всех царств Древнего Египта и культурах Передней Азии. Такими чертами для него являются религия, философия и наука, формы государства и общественные отношения.

Таким образом, Кареев выделяет некие культурные, или национальные, типы, которые складываются естественным образом под влиянием множества факторов. Исследователь находит много преимуществ в работе не с отдельными

культурами, а с западным и восточным культурными типами. Он считает, что можно использовать сравнительный метод, позволяющий находить общие черты, которые наблюдаются в истории отдельных народов.

Отдавая должное умению Гегеля создавать стройные логические конструкции с использованием эмпирического исторического материала, Кареев все же показывает их нежизнеспособность. Каждый народ в истории, который «посещает», развиваясь, всемирный дух, становится носителем какого-либо принципа и осуществляет устройство своего мира в соответствии с ним. Так «всемирный дух» переходит от одного народа к другому, пока не доходит до Европы и находит здесь свое окончательное местопребывание, свою зрелость, в которой он возвращается к единству. Если это так, то получается, что с этого времени «всемирной истории приходит конец», – пишет Кареев [4, с. 49].

Цитата, характеризующая отношение Кареева к философии истории Гегеля, артикулируется практическими всеми исследователями. Не останемся в стороне и мы, повторив, что метафизическое видение истории есть «диалектика развития всемирного духа, втиснутая в эмпирическую историю отдельных наций» [4, с. 46] или результат «умозрения с опытом» [4, с. 47]. Такой повтор нужен для того, чтобы акцентировать внимание на схеме всемирной истории, нарисованной Гегелем. Кареев считает, что в ее основе лежит план, искусственно вытянутый в одну линию; план, под который подгоняется вся хронология эмпирического материала.

Рассмотрим линию всемирной истории, проведенную Гегелем. Всемирная история начинается у него на Востоке и заканчивается на Западе. История имеет прогрессивный характер, который выражается в осознании мировым духом своей свободы. Представления о свободе духа зарождаются на Древнем Востоке, однако деспотия мешает им в полной мере развиваться. Здесь присутствует, как отмечает Гегель, «субстанциальная духовность, к которой субъективная воля относится, прежде всего, как вера, доверие, повиновение» [2, с. 148]. В дальнейшем история переходит в Среднюю Азию, ассоциируясь у Гегеля с отроческим периодом жизни человека. Юношескому возрасту соответствует греческий мир, «так как в нем формируются индивидуальности» [2, с. 150]. «Царством абстрактной всеобщности» называет Гегель римское государство – следующий момент в развитии мирового духа. В сравнении с жизнью человека это возраст возмужалости. На этом этапе совершается внутреннее духовное примирение, благодаря тому, что индивидуальная личность очищается и преображается, возвышаясь до всеобщности [2, с. 151]. Здесь реализуется вторая форма свободы мирового духа – демократия и аристократия. Вершиной развития мирового духа видится Гегелю последний, четвертый этап – германское государство, которое соответствует зрелому или старческому возрасту. Это государство начинается с борьбы противоположностей: духовных религиозных принципов и варварской действительности. Их примирение происходит на почве христианства. На этом этапе рождается третья совершенная, как считает Гегель, форма свободы «мирового духа» – монархия. В ней свобода находит себе опору и понимание того, как осуществить истину [2, с. 152]. Против грубости и произвола повседневной жизни восстает не только христианский мир, но и

магометанский. Преображение Востока, по наблюдениям Гегеля, развивается позднее, но быстрее.

Кареев отдает должное диалектическому методу, предложенному Гегелем, однако критикует его наполнение. Так, чтобы познать себя, разум («всемирный дух») должен пройти три ступени: положение, отрицание положения и отрицание отрицания или, другими словами, тезис, антитезис и синтез. На первом этапе выдвигается идея, на втором она превращается в свою противоположность, а на третьем развивает все, что в ней заключалось, поглощая свою противоположность. Такая схема «работает» во всех уголках гегелевской системы, отмечает Кареев. Применительно к истории человечества диалектическая триада являет собой три мира: Восток – это тезис, классический мир – антитезис, романо-германский мир – синтез. Однако иногда появляется и четвертая часть, как отмечает Кареев. Восток у Гегеля символизирует младенчество человечества, Греции – юность, Рима – зрелость, а германский мир – старость истории.

Как сторонник многофакторного анализа, Кареев выступает против однозначно линейного хода истории, поскольку народы, в его интенции, развиваются параллельно друг другу. Он также усматривает некоторую непоследовательность в конструировании Гегелем всемирной истории. Так, Гегель отмечает, что на первой ступени «всемирный дух» не осознает своей свободы (Восток), подчиняясь религиозному и политическому деспотизму. Свободен при таком устройстве только правитель, права остальных неопределенны. На второй ступени (классический мир) «всемирный дух» начинает осознавать свою свободу, но в ограниченной форме: свободны только некоторые. Лишь на третьей ступени (новый мир) «дух» осознает, что свобода и есть его внутренняя сущность, поэтому в этом мире свободны все. С точки зрения вызревания свободного духа тезис – господство бесконечного и субстанциального на Востоке; антитезис – господство конечного и индивидуального в классическом мире; синтез – примирение бесконечного с конечным, субстанциального с индивидуальным в Европе Нового времени [4, с. 50]. То же самое наблюдается и в формах правления: деспотизм, республика, монархия. Не только целое, но и его части, по мнению Гегеля, следуют тому же закону. Подтверждая эту мысль на эмпирическом материале, он приводит следующие примеры: Китай – представитель единства, Индия – многообразия, и эти две тенденции примиряются в Персидской монархии. Впоследствии за вавилоно-ассирийским сенсуализмом следует финикийско-еврейский спиритуализм, а их примирение совершается уже в Египте. Здесь Кареев не усматривает одну странность: Египет как одна из самых древних стран Востока появляется на сцене истории у Гегеля позже остальных [4, с. 51]. Кроме того, он отмечает, что нации начинают жить раньше, чем «получают в себе «всемирный дух» [4, с. 51].

При анализе классического мира Гегелем Греция представляется воплощением индивидуализма, а Рим – абстрактного единства, который через отрицание личности приводит систему к новому положению. Их примирение происходит в христианстве. На третьей ступени развития государство и церковь слиты в некотором единстве. В эпоху Средневековья наступает распад этого единства, а в Новое время – снова примирение как последний рубеж.

История, в соответствии с рассуждениями Гегеля, прямолинейно движется по вышеприведенной схеме: «всемирный дух» спит в Китае, грезит в Индии, пробуждается в Персии. Здесь Кареев также не соглашается с тем, что по уровню цивилизации Китай поставлен ниже Ассирии. В Греции начинается самоуглубление «всемирного духа» и самоосвобождение. В Риме он приходит к осознанию ничтожества материальной жизни, а христианство дает осознание его всеобщности и бесконечности. В рамках германского мира он заканчивает процесс самопознания осознанием свободы как своей внутренней сущности. Все эти процессы происходят на фоне того, что люди являются лишь орудиями «всемирного духа», с помощью которых он достигает своих целей [4, с. 51]. Кареев, критикуя данные искусственные построения Гегеля, считает, что греческая мифология не может быть поставлена выше, чем религиозные системы Индии и Иудеи, а жизнь культур так разнообразна, что на них нельзя наклеивать ярлыки с обозначением «момента» развития «всемирного духа». Кроме того, как справедливо отмечает Кареев, Гегель упускает из виду историю народа до того момента, когда всемирный дух «посещает» его.

Таким образом, заключает Кареев, пример философии Гегеля показывает, что все попытки наложить эмпирическую схему истории на логическую систему неизменно приводят к искажению последней, а план истории «оказывается таким образом произвольным продуктом логически-поэтического творчества» [4, с. 52]. Он отрицает целесообразность, разумность и планомерность развития исторического процесса, видя в нем совокупность как взаимовлияний, внутренне обусловленных событий и явлений, так и случайных моментов. Справедливо выделяя западный и восточный культурные типы, Кареев опирается на естественные причины их возникновения, связанные с общностью территории и плотным взаимовлиянием культур, что и порождает эффект видимости общего процесса.

Анализ оценочной критики Кареевым историософских воззрений Гегеля позволяет сделать следующие выводы. Метафизической, линейной философии истории Гегеля Кареев противопоставляет позитивистскую, многофакторную. Среди положительных моментов философии истории Гегеля Кареев отмечает следующие: вслед за Боссюэтом и Лораном Гегель выделил во всемирной истории два мира – Восток и Запад, с их культурно-историческими различиями; справедливо усмотрел в истории линию преемственности народов; обосновал идею прогрессивного развития; обратил внимание на отдельных людей, являющихся субъектами истории; выявил в истории человечества действие диалектических законов развития.

Под критический прицел Кареева попали такие положения гегелевской философии истории, как признание единства истории с точки зрения абстрактно-логического плана; наличие законов истории и др. По мысли Кареева, в истории нет и не может быть единства, каждое событие прошлого происходит единожды, в силу чего трудно говорить о наличии законов истории. Кроме того, Кареев считает, что Гегель преувеличил значение внешних законов и не учитывал внутренние процессы истории каждого народа. Кареев согласен, что история имеет прогрессирующий характер, однако утверждает, что прогресс не может быть все время нарастающим, он может смениться и регрессом, и застоем. Наконец, люди в гегелевской философии истории есть лишь орудие осу-

щества власти духа, тогда как у Кареева личность является важным фактором общественного развития.

Таким образом, говоря о важности взаимодействия культур Запада и Востока, Кареев не усматривает в трактовке Гегеля главного, на его взгляд, инструмента взаимообогащения – культурного диалога. Культурный диалог, в интенции Кареева, вызревает постепенно, сквозь вековое взаимодействие народов, преодолевая такие традиционные способы взаимодействия, как насилие, отчуждение или слепое копирование. Диалог культур предполагает плотное общение, общие усилия и совместную деятельность народов-соседей.

Библиографический список

1. Васильев Ю.А. Феномен «Ecole russ»: критика Н.И. Кареева // Русский мир. 2011. № 3. С. 121–127.
2. Гегель Г. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. 449 с.
3. Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох. М.: Либроком, 2011. 304 с.
4. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Изд. 3-е, сокр. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. 447 с.
5. Косарская Е.С. Проблема типологии социокультурного развития в философии истории русского позитивизма конца XIX – начала XX века: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. М.: МГОУ, 2015. 187 с.
6. Михайлова Е.Е., Бельчевичен С.П. Позитивизм и марксизм в России: Проблема социокультурного развития. Тверь: СФК-Офис, 2012. 348 с.

HEGEL'S PHILOSOPHY OF HISTORY AS INTERPRETED BY N.I. KAREEV

N.A. Soboleva

Tver State Technical University, Tver

The article is devoted to the comparison of two approaches to understanding history – metaphysical and positive. The novelty of the presentation of the material lies in the fact that the comparison was made through the prism of N.I. Kareev's criticism of Hegel's historiosophical views. It is revealed that the Russian positivist gave a bipolar assessment of Hegel's world history, highlighting its current characteristics (progressiveness, continuity, cultural difference, etc.) and speculative constructions (the logic of the development of the world spirit, linearity, historical / non-historical peoples, etc.).

Keywords: *philosophy, history, East, West, G.V.F. Hegel, N. I. Kareev.*

Об авторе:

Соболева Надежда Александровна – старший преподаватель кафедры социологии и социальных технологий, аспирант кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: n-a-soboleva@mail.ru

About the author:

Soboleva Nadezhda Alexandrovna – Senior Lecturer of the Department of Sociology and Social Technologies, Tver State Technical University, Tver. E-mail: n-a-soboleva@mail.ru

«УМЫКАНИЕ» КАК СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД

Н.В. Занегина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Занегина Н.В., 2020

В прошлом власть родителей над детьми была чрезвычайно велика, но и она имела пределы. Обычаи и законы разных народов ставили преграды родительскому произволу, требовали от отца и матери руководствоваться в своих действиях интересами подрастающего поколения. Карою чрезмерно беспечным, а порою и не в меру требовательным родителям являлись штрафы, ограничение власти над детьми, потеря прежнего авторитетного положения в социуме. Впрочем, угроза карающих мер не всегда оказывалась эффективным способом предотвращения конфликтных ситуаций. Источники донесли до нас массу примеров своеволия родителей и их пренебрежения интересами и склонностями подросших детей. Однако те же источники свидетельствуют, что представители молодого поколения не только хорошо сознавали существование границ родительской власти, но и зачастую готовы были решительно отстаивать свое право самостоятельно определять собственное будущее. В частности, желая устроить личную жизнь вопреки родительской воле, молодые люди нередко использовали чрезвычайно интересный способ обретения желанной «второй половины». Этот способ в русскоязычной традиции принято называть «умыканием». В данной публикации речь пойдет об «умыкании» как особом обряде, сопровождавшем заключение брака у наших предшественников.

Ключевые слова: брак, семья, обычай, способы заключения брака.

«Умыкание» девиц издавна привлекало пристальное внимание исследователей. Максимально полное изложение представлений антропологов, историков и юристов XIX–XX вв. об особенностях данной традиции содержится в исследованиях А.И. Першица [20, с. 121–127], Я.С. Смирновой [26, с. 52–56] и Ю.В. Оспенникова [19, с. 207–210]. Ограниченные рамки статьи заставляют оставить в стороне подробное изложение историографии данного вопроса. Попробуем разобраться, какой смысл вкладывает наука в этот древний и загадочный термин сегодня.

Начиная разговор об «умыкании», прежде всего необходимо напомнить, что этим термином в настоящее время принято называть целый комплекс разнообразных традиций, которые исследователи чаще всего классифицируют в зависимости от того, сколь значительной была степень насилия в ходе его проведения. В частности, отдельными «разновидностями» «умыкания» считаются, во-первых, наиболее тяжкое деяние в виде похищение девушки без согласия как ее самой, так и ее родителей; во-вторых, «кража» девушки у ее родителей, но с ее согласия и, наконец, имитация похищения девушки с целью сэкономить средства на проведении свадебного торжества [26, с. 52–57; 8, с. 94–97].

Проблема заключается в том, что приведенная классификация не отражает всю сложность изучаемого явления. Например, казахи (народ, который об «умыкании» знал далеко не понаслышке) выделяли иные «виды» данного деяния. В соответствии с традиционными казахскими представлениями существовало четкое различие между «умыканием» просватанной невесты ее женихом, похищением незасватанной девушки и «умыканием» чужой невесты. Каждый последующий из вышеперечисленных проступков считался тяжелее предыдущего, в соответствии с этим возрастало и наказание. Похищение своей невесты могло потребоваться жениху в случае, если семья девушки изменила свое решение и отказывается от намерения заключить «сговоренный» брак. Подобное «умыкание» не считалось серьезным преступлением, похититель отделывался небольшим штрафом. Увоз незасватанной девушки компенсировался значительным штрафом. Если полюбовного соглашения достичь не удавалось, родственники похищенной считали себя вправе в качестве обеспечения невыплаченного «калыма» и штрафов за увоз девицы угнать скот похитителей, т. е., по сути, устроить санкционированный традицией грабеж; после такой «компенсации» дело о похищении передавалось на суд биев. Совсем скверно могло закончиться похищение чужой невесты. В этом случае у похитителя возникал конфликт не только с родней невесты, но и с родственниками ее официального суженого. В данном случае семье преступника также грозил освященный традицией грабеж. Если дело решали закончить мирным путем, то штрафы были куда значительнее. Невесту могли вернуть ее прежнему жениху, тогда семья похитителя выплачивала штраф в размере «калыма». За то, чтобы оставить у себя похищенную невесту, семья похитителя обязана была выплатить официальному жениху двойной «калым» либо передать в его семью двух девушек из семейно-родственной группы похитителя без всякого «калыма» [27, с. 97–98]. Похожую ситуацию обнаружили исследователи и у народов Кавказа. В частности, у адыгских народов похищение собственной невесты могло вовсе остаться безнаказанным, а похищение девушки, не являвшейся невестой или просватанной за другого, часто оказывалось веским основанием для кровной мести [15, с. 140, 148–149]. Очевидно, что каждая из перечисленных «разновидностей» «умыкания» могла как сопровождаться согласием девушки, так и проводиться без него.

Попробуем свести различные «классификации умыкания» воедино, попытавшись разобраться в путях формирования и преобразования давней традиции.

В XIX в. в науке оформилось представление, в соответствии с которым «умыкание» признавалось «первой формой индивидуального брака» [2, с. 404; 5, с. 154]. Представление об «умыкании» как об «архаичной форме брака» [22, с. 70; 23, с. 456; 11, с. 46] оказалось очень живучим и сохранилось вплоть до последнего времени. Между тем попытки реконструировать функционирование такой «формы брака» неизбежно вызывают чрезвычайные трудности. Попытаемся для примера представить себе существование общества, где господствует «умыкание» как традиция заключения брака.

Хорошо известно, что брачный союз имел место у народов не только с производящим, но и с присваивающим хозяйством. Например, у аборигенов Австралии заключение брака происходило в результате нескольких лет «отработки» женихом за невесту [1, с. 450]. Вполне естественно предположить существование в подобном обществе женихов, мечтающих обрести супругу без «отработки». Однако совершенно очевидно, что любая попытка «умыкания» в таком обществе неминуемо вызовет конфликт «умычника» с родителями невесты, которые вряд ли будут долго раздумывать, прежде чем забрать похищенную у чрезмерно прыткого, а потому несостоявшегося «супруга». Жених, желающий не только «умыкнуть», но и удержать за собой невесту, должен будет противопоставить себя и свою молодую семью всему обществу. Найти сторонников такому молодому человеку будет очень нелегко, ведь спровоцированное им противостояние неминуемо вызовет внутри-социальный конфликт, развитие которого способно подорвать внутреннее единство, а как следствие, силу и обороноспособность группы. Конечно, подобные внутренние конфликты могли время от времени возникать, но совершенно невероятно, чтобы подобным образом заключались браки на постоянной основе.

Столь же сомнительно предположение о традиционном «умыкании» невест за пределами социальной группы жениха. В этом случае данная группа должна была бы существовать в условиях постоянного военного противостояния с группами потенциальных невест. Причем скрытое противостояние с завидной регулярностью (при каждом «умыкании» девицы) переходило бы в открытый вооруженный конфликт. Несложно догадаться, что невест при таком развитии событий столь же активно «умыкали» и у нашей группы. Проще говоря, вырисовывается малопривлекательная картина перманентной «войны всех против всех», способной вызвать разве что хроническое переутомление, серьезные относительно психического здоровья членов данных социальных групп, а также веские сомнения в том, что в наших группах спустя одно-два поколения такой жизни еще останутся желающие тратить время и силы на содержание и воспитание девочек.

У автора данной статьи нет сомнений в том, что разовые акции по отъему потенциальных невест у своих соседей время от времени совершали представители различных социальных групп. Не приходится сомневаться и в том, что такие «акции» порою заканчивались полным разгромом соседей, результатом чего могли быть многочисленные браки. Вероятно, подобные примеры из жизни наших предков имели в виду В.В. Момотов и С.В. Омелянчук, называя в качестве одной из «форм заключения брака» «плен» [17, с. 159–160; 18, с. 13, 15]; данный способ заключения супружеского союза выделяет и Ю.В. Оспенников [19, с. 209–211]. И все же хочется надеяться, что «пленение» у наших предшественников было скорее «исключительной», чем «традиционной» «формой заключения брака». Этот вывод тем более вероятен, что с переходом к производящему хозяйству, как известно, далеко не все «пленные» женщины стали удостаиваться статуса «супруги».

Возвращаясь от «пленения» к «умыканию», приходится сделать вывод о том, что в условиях общества, максимально близкого к традиционному, единственной возможностью для существования «умыкания» как устойчивой традиции, сопровождавшей заключение брачного союза, является «псевдоумыкание». Так можно назвать действо, о планировании которого всем давно известно, а заинтересованные в его развитии стороны с нетерпением ожидают начала мероприятия, чтобы с удовольствием следить за тем, как оно разворачивается при их более или менее активном участии. Примечательно, что источники сохранили до нашего времени массу примеров именно таких театрализованных «умыканий».

Например, интерес представляет часть традиционного свадебного обряда, существовавшего и у древних греков, и у древних римлян. Речь идет о демонстративном сопротивлении, которое невеста должна была оказывать жениху, когда последний в свою очередь делает вид, что насильно пытается заставить девушку войти в дом. От девицы требовалось вырываться, взывать о помощи. А женщинам, которые ее сопровождали, полагалось делать вид, что они изо всех сил пытаются ее спасти. По завершении инсценировки «силового захвата» жених вносил невесту на руках в дом, порога которого ноги девушки ни в коем случае не должны были коснуться [28, с. 43–44]. Получается, что традиционный свадебный обряд близких нам народов, существовавший еще до нашей эры, включал в себя обязательный элемент «умыкания».

Вместе с тем обращают на себя внимание сведения, собранные в XIX в. в семьях сибирских старообрядцев. В раскольничьей среде в течение некоторого времени, как и в семьях античного мира, имитация «умыкания» девушки из дома родителей являлась обязательным элементом свадьбы [16, с. 203]. Инсценировалось насилие над волей девушки в родительском доме при выполнении свадебного ритуала в этот период времени и в некоторых русских селах Среднего Поволжья [4, с. 82].

Более того, как отмечал А.И. Першиц, подобная свадебная обрядность была характерна для самых различных народов, населяющих отдаленные уголки нашей планеты: например, австралийских аборигенов, части народов банту, ительменов, ненцев, кельтов, некоторых народов Полинезии, Средней Азии, многих народов Кавказа, а также и наших непосредственных предков-славян [20, с. 122–124; 21, с. 61–63]. Порою от невесты ожидали имитации чрезвычайно активного сопротивления. Например, представления французов включали устойчивую взаимозависимость: «чем яростнее невеста оказывала сопротивление, тем большую славу добродетельной девушки она приобретала» [7, с. 201]. Прятаться в доме родителей, демонстрируя упорное нежелание вступать в брак, полагалось и португальской невесте, причем «родственники и соседи девушки пытались отбивать ее у жениха по дороге в церковь» [25, с. 171]. А у саамов-сколтов невесту даже привязывали к саням, чтобы она не убежала во время пути [12, с. 41].

Пожалуй, наиболее органично «умыкание» «встроилось» в традиционную свадебную обрядность алтайцев и хакасов. Традиционный свадебный

обряд алтайцев начинался именно с «умыкания». Примечательно, что с одной стороны похищение здесь не было имитацией, поскольку от молодежи не требовалось оповещения родственников невесты о предстоящих планах. Однако, с другой стороны, такое «умыкание» сложно отнести к числу насильственных действий, ведь в «преступлении» участвовали не только жених со своими товарищами, но и друзья невесты. Кроме того, на следующий день после успешного проведения ответственного мероприятия начиналось настоящее «сватовство», в ходе которого родственники жениха в соответствии с общепринятым ритуалом длительное время уговаривали родителей девушки «отдать» ее в новую семью. Сходная традиция «похищения невесты» бытовала и у хакасов. Интересно, что у последних было принято в процессе примирения сторон, которое проходило в доме невесты, проводить «обряд наказания отца жениха отцом невесты»; а у сагайцев, являющихся одной из субэтнических групп хакасов, требовалось в соответствии с ритуалом отстегать сватов плеткой [24, с. 25–26]. Немаловажно, что как алтайцы, так и хакасы были хорошо знакомы с традицией заключения брака путем договора между родителями юных жениха и невесты и порою именно таким образом устраивали семейное будущее своих детей. Как представляется, широкое бытование традиции «умыкания» у данных народов обусловлено тем, что лишь в некоторых семьях этой среды старшие родственники были чрезвычайно озабочены проблемой выбора супруга для своего отпрыска. Родители, которые щепетильно относились к поиску будущих свойственников, имели возможность заблаговременно заключить брачное соглашение. Вероятно, к числу таких родителей относились преимущественно представители немногочисленной элиты. Рядовые общинники в таком социуме предпочитали по умолчанию предоставлять детям известную свободу в «брачном вопросе». Можно предположить, что подобные особенности заключения брака были характерны для народов, разделенных на группы, которые традиционно обменивались брачными партнерами. При заключении брачного союза принципиально важным оказывался не выбор конкретного супруга, а принадлежность последнего к определенной группе. Такой «полусамостоятельный» выбор брачного партнера был вполне возможен в обществе, социальное расслоение которого зашло не слишком далеко, т. е. там, где основная масса населения обладала приблизительно одинаковым социальным и имущественным статусом.

Не стоит думать, что обряд «умыкания» во всех случаях являлся не более чем увлекательной игрой. Порою участие в данном свадебном обряде оказывалось небезопасным. Например, у адыгских народов наиболее рискованной частью «увоза невесты» являлось возвращение «свадебного поезда» в родное поселение жениха. Односельчане, вооруженные длинными палками, под защитой специально построенных преград пытались воспрепятствовать въезду повозки с невестой во двор дома жениха. В ходе последующего столкновения поезжан и их противников «разбивали в кровь лица, ломали руки и ноги, выбивали глаза». При этом все происходящее воспринималось как должное и «никто из пострадавших не должен был затаивать обиду» [15,

с. 235]. Не менее воинственным поведением в позапрошлом столетии отличались туркмены-сарыки, которые при имитации похищения невесты женихом и его товарищами, случалось, обретали не только увечья, но и смерть [9, с. 132].

У коренных обитателей Камчатки (ительменов) чрезвычайно суровые испытания выпадали на долю жениха. В соответствии с брачными обычаями этого народа, официальный жених девушки, чтобы заполучить ее в жен, должен был отбить суженую у охранявших ее женщин, порвав многочисленные одежды, в которые предварительно облачали девицу, а также ремни и сети. Причем «женская партия» оказывала настолько активное сопротивление, что нередко в первый раз жених был вынужден ретироваться ни с чем и в дальнейшем, залечив полученные раны, возобновлял свои попытки обрести законные супружеские права зачастую в течение не одного года. Как отмечает С.П. Крашенинников, исход подобных испытаний не всегда был заранее предрешен: «...есть примеры, что некоторые по семилетнем хватанье вместо невесты получили увечье, будучи сброшены от баб с балаганов» [10, с. 363].

Примечательно, что у уже упоминавшихся туркмен-сарыков вечером после совершения обряда бракосочетания «новобрачного в юрту жены вели его товарищи, при этом он должен был сопротивляться» [9, с. 133]. Кстати, демонстративное сопротивление жениха в ходе свадебных обрядов было известно и некоторым другим народам (например, андаманцам, зулусам, многим индейским племенам Южной Америки [20, с. 125], абхазам [9, с. 224], албанцам [6, с. 202], гаро Северо-Восточной Индии [13, с. 103; 14, с. 67]). В горных районах северной Словакии «долгое время существовал обычай стеречь новобрачного во время обеда в доме невесты»; если жениху удавалось сбежать, он прятался в доме невесты или у соседей, а его поиски «могли продолжаться несколько часов» [3, с. 47].

Получается, наши предки открыто демонстрировали, что вступление в брак девушки (а иногда и молодого человека) не является их заветным желанием. Заключение брака оказывалось вынужденным актом, к которому было способно принудить молодых людей только применение прямого физического воздействия, использование преимущества превосходящей внешней силы.

Какие соображения заставляли наших предшественников прибегать к подобным демонстративным действиям и с таким упорством имитировать «умыкание», более или менее удачно «вписывая» его в контекст меняющихся свадебных традиций? Каким образом один из традиционных элементов свадебного обряда стал распространенным методом, который использовали молодые люди, желающие заставить своих близких примириться с собственным брачным выбором? Ограниченные рамки статьи вынуждают автора отложить поиск ответа на эти и другие не менее актуальные вопросы, связанные с традицией «умыкания», до следующей публикации.

Библиографический список

1. Артемова О.Ю. Колено Исава: Охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных социальных систем). М.: Смысл, 2009. 560 с.

2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на Дону: Феникс, 1995. 640 с.
3. Грацианская Н.Н. Чехи и словаки // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. Ю. В. Иванова, М. С. Кашуба, Н. А. Красновская. М.: Наука, 1988. С. 33–65.
4. Зорин Н.В. Русский свадебный ритуал. М.: Наука, 2001. 248 с.
5. Иванова Р., Маркова Л.В. Болгары // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. Ю. В. Иванова, М. С. Кашуба, Н. А. Красновская. М.: Наука, 1988. С. 135–159.
6. Иванова Ю.В. Албанцы // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. Ю. В. Иванова, М. С. Кашуба, Н. А. Красновская. М.: Наука, 1988. С. 182–205.
7. Иванова Ю.В., Покровская Л.В. Народы Франции // Брак у народов Западной и Южной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1989. С. 177–209.
8. Кашуба М.С. Народы Югославии // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1988. С. 82–134.
9. Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука, 1969. 241 с.
10. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М.: Эксмо; Око, 2013. 480 с.
11. Лещенко В.Ю. Русская семья (XI–XIX вв.). СПб.: СПГУТД, 2004. 608 с.
12. Лукьянченко Т.В. Саамы // Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы / отв. ред. Ю. В. Иванова, М. С. Кашуба, Н. А. Красновская. М.: Наука, 1990. С. 35–43.
13. Маретина С.А. Малые народы Северо-Восточной Индии // Малые народы Южной Азии / отв. ред. М. К. Кудрявцев. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1978. С. 89–141.
14. Маретина С.А., Котин И.Ю. Племена в Индии. СПб.: Наука, 2011. 152 с.
15. Меретуков М.А. Семья и брак у адыгских народов (XIX – 70-ые годы XX в.). Майкоп: Адыгейское отделение краснодарского книжного издательства, 1987. 368 с.
16. Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половине XIX в.). Новосибирск: Наука, 1979. 350 с.
17. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. М.: ИКД «ЗЕРЦАЛО-М», 2003. 416 с.
18. Омелянчук С.В. Брак и семья в Древней Руси IX–XIII веков: морально-нравственный и правовой аспекты: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2009. 22 с.
19. Оспенников Ю.В. О видах брачных связей в русском праве XII–XV вв. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 5 (256). С. 205–217.
20. Першиц А.И. Похищение невест: правило или исключение? // Советская этнография. 1982. № 4. С. 121–127.
21. Першиц А.И., Смирнова Я.С. Свадебные антагонизмы // Природа. 1998. № 5. С. 61–70.
22. Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.
23. Пушкарева Н.Л. Женщина в русской семье (X–XX века) // Русские. М.: Наука, 1999. С. 456–465.

24. Семейная обрядность народов Сибири: опыт сравнительного изучения. М.: Наука, 1980. 240 с.
25. Серов С.Я. Португальцы // Брак у народов Западной и Южной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1989. С. 167–176.
26. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX – XX в.). М.: Наука, 1983. 264 с.
27. Стасевич И.В. Брак и семья у казахов в конце XIX – начале XX вв. Время и традиция // Центральная Азия: традиция в условиях перемен. СПб., 2009. Вып. 2. С. 93–111.
28. Фюстель де Куланж Н.-Д. Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима. М.: ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2010. 414 с.

THE «ABDUCTION» AS A WEDDING RITUAL

N.V. Zanegina

Tver State Technical University, Tver

In the past, parental authority over children was not unlimited. Some young people wanted to choose their future spouse on their own. Society provided them with the opportunity to defend their own marriage choices. To achieve this, young people used a marriage custom called «abduction». This publication refers to «abduction» as a special ritual that accompanied the marriage of our predecessors.

Keywords: marriage, family, custom, the ways of marriage.

Об авторе:

Занегина Наталья Витальевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры общенаучных дисциплин факультета международного академического сотрудничества ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: nzanegina@rambler.ru

About the author:

Zanegina Natalia Vitalievna – PhD (Historical Sciences), Assoc. Professor, Assoc. Professor of Dept. of Scientific Disciplines of the Faculty of International Academic Cooperation, Tver State Technical University, Tver. E-mail: nzanegina@rambler.ru

РОЛЬ СМИ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

И.В. Новожилова, Т.В. Долгова, О.Ф. Гефеле

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Новожилова И.В., Долгова Т.В., Гефеле О.Ф., 2020

Статья посвящена анализу влияния СМИ на процесс формирования политической культуры в современном обществе. Выделяются основные направления деятельности СМИ в политической системе, показаны области взаимодействия СМИ с государством. Делается вывод о том, что должны быть сформированы механизмы контроля общества над СМИ.

Ключевые слова: политическая культура, СМИ, политическая система, информационное общество, государство.

В современном обществе в последнее время стало уделяться больше внимания проблеме политической культуры граждан. Политическая культура формируется под влиянием многих социально-политических факторов, причем приоритетным в настоящее время выступают каналы информационного обмена. Информационный обмен оказывает сильное воздействие на познавательную, эмоциональную и оценочную направленность граждан, особенно на их политическое участие. Кроме того, информационный обмен зачастую формирует у граждан рациональное отношение к институтам власти, либо обеспечивает партнерское взаимодействие всех субъектов политики.

В последнее время средства массовой информации настолько сильно формируют пространство политической культуры в обществе, что актуальным становится исследование роли СМИ в ее формировании.

В процессе становления общества развивались различные социальные институты (политические, образовательные, научные, юридические, экономические). На протяжении последних 20–25 лет эпохи информатизации в связи с появлением различных технологий интенсивно формировался социальный институт СМИ, который играет огромную роль в управлении социальными процессами. Главной задачей СМИ является удовлетворение информационных потребностей, а также потребностей в коммуникации.

Политическая культура дает ответы на вопросы об особенностях политического развития конкретной нации, причинах успехов или неудач выбранного политического курса. Эти свойства политической культуры отражаются в различных понятиях, выдвинутых учеными и принятыми в политологии. По мнению Г. Алмонда, политическая культура играет огромную роль в ориентации на политическое действие [1, с. 122].

Говоря непосредственно о роли института СМИ в политической системе общества, можно выделить следующие его основные функции:

- удовлетворение интересов информационного общества;
- формирование общественного мнения;

просвещение граждан о политической культуре, морали и др.;
организация дискуссий по важным социальным вопросам;
поддержка или критика деятельности государства, политических партий, общественных организаций [2, с. 203].

Основным звеном в политической системе является государство. Оно объединяет общество в единое целое независимо от меняющихся интересов и потребностей групп и слоев населения и действует главным образом в сфере интересов всего общества. СМИ и государство взаимодействуют следующим образом:

государство определяет положение СМИ в обществе;
государство создает нормативную базу для СМИ;
у государства могут быть свои федеральные СМИ, которые будут работать в сотрудничестве с негосударственными СМИ;
государство не вмешивается в конкретные виды деятельности независимых СМИ [3, с. 18].

Для защиты прав граждан на информацию, интересов государства и разрешения конфликтов между различными СМИ государство может создавать специальные органы.

В современном обществе доступ к СМИ является одним из условий, необходимых для формирования влиятельной оппозиции. Без этого подхода оппозиционные силы не смогут заручиться широкой общественной поддержкой. Основная причина, по которой средства массовой информации заняли такое место в политической жизни современного общества, заключается в способности государства и других политических образований не только информировать общественность о целях и задачах современной политики, но и моделировать общественные отношения между представительной властью и правящей элитой, поддерживая авторитет соответствующих традиций, стереотипов. Другими словами, СМИ стали наиболее важным инструментом для построения диалога определенных социальных институтов с обществом.

В современной России некоторые функции политической культуры приобретают все большее значение. Это прежде всего когнитивная функция, связанная с накоплением политических и эмоциональных знаний, формированием ценностей и идеалов, регулятивного и коммуникативного политического поведения, обеспечивающего общественный и интеграционный диалог, объединение людей посредством системы мировоззрения.

Изменения, происходящие в обществе, оказывают влияние на содержание самого феномена политической культуры. Изначально политическая культура относилась исключительно к духовной сфере, но в дальнейшем ее стали связывать с политическим поведением, акцентируя внимание на моделях традиций или способах действий. Поэтому политическая культура как социальный феномен воплощает собой единство духовной, идеологической и практической деятельности.

В конце XX – начале XXI в., когда социально-политическая ситуация обусловила востребованность СМИ, наблюдалось активное распространение и внедрение СМИ в широкую аудиторию. Такой процесс внедрения был связан прежде всего с происходящими общественно-политическими и экономическими трансформациями. В этот период происходили кардинальные политические изменения в обществе, что привело к трансформации политического сознания и поведения граждан. Указанный процесс внедрения сыграл немаловажную роль в формировании новой политической культуры [4, с. 8].

Политическая культура формируется под влиянием политического режима, поэтому есть необходимость проводить анализ взаимоотношений ведущих активных участников социально-политической модернизации.

Средства массовой информации принимали самое активное участие в реорганизации политических институтов России в 1990-х гг. Так, впервые на избирательных пунктах были установлены камеры Первого национального телеканала для организации прямой трансляции всеобщих выборов двухпалатного парламента.

Одновременно с этим в Конституции РФ были упразднены две статьи (четвертая, законодательно утверждающая руководящую роль КПСС, и шестая, провозглашающая коммунистическую идеологию как государственную). Тогда же произошел демонтаж монополии одной партии на власть.

В это же время был создан Центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), возглавляемый академиком Т. Заславской. Гласность как принцип общественного диалога стал результатом противостояния разделенной политической элиты. Каждая партия искала общественной поддержки, которое полностью зависит от средств массовой информации.

Большинство СМИ поддержало реформистское крыло коммунистической партии. Тема «политической власти» потеряла свой сакральный характер и стала муссироваться во всех общественно-политических изданиях. Газеты выходили значительными тиражами: «Московские новости» – 12 миллионов экземпляров, «Аргументы и факты» – 33 миллиона экземпляров, «Комсомольская правда» – 22 миллиона экземпляров. Это отражало политическую активность населения и реакцию средств массовой информации на запросы общественности.

Закон о СМИ, принятый в 1990 г., позволил корпорациям и частным лицам становиться их учредителями. Информационная монополия Коммунистической партии Советского Союза была уничтожена. В результате почти все СМИ стали сторонниками оппозиционных (в основном либеральных) политических сил. В результате периодические издания, в первую очередь центральные периодические издания с миллионными тиражами, «привели в действие» новых персонажей, которые затем заняли ключевые позиции в политической и экономической элите [2, с. 205].

Сегодня осведомленность общественности является одним из ключевых показателей ее развития и одной из приоритетных задач государственного управления. С начала XXI в. «информационные технологии» являются

важнейшим критерием стратегического развития страны в целом и конкретных регионов. В таком обществе информация и знания стали важным производительным ресурсом и двигателем социально-экономического, технологического и культурного развития. Существует также информационный рынок, обеспечивающий создание, передачу и использование информации, развиваются информационные технологии и инфраструктура, определяющая национальную и региональную конкуренцию. Поэтому совершенствование системы СМИ должно стать одной из приоритетных задач государственных органов. Кроме того, одним из условий благополучия современного человека является беспрепятственный доступ к различным типам информации. Эта область должна работать для четко определенных целей и выполнять все поставленные задачи. Все вышеперечисленные конвенции должны отражать государственную политику в этой области. И объект, в данном случае СМИ, должен действовать в соответствии с установленными правилами и положениями.

Однако ведущей проблемой СМИ является отстраненность от монополизированной идеологии государства, в том числе от пропаганды, осуществляемой различными политическими партиями. Информационное воздействие характерно для политически нейтральных СМИ, не находящихся в экономической зависимости как от госбюджета, так и от финансово-промышленных структур. В связи с этим должна быть налажена система сдержек и противовесов, подобная механизму государственной власти, чтобы в итоге общество могло осуществлять контроль над СМИ.

Таким образом, формирование и развитие системы средств массовой информации становится приоритетной задачей органов государственной власти. С помощью СМИ политические институты современного общества моделируют, согласно проводимой политике, общественные отношения между представительными органами власти и правящими элитами с целью поддержания авторитета соответствующих традиций и стереотипов. В этом случае СМИ становятся посредниками между властью и обществом в формировании политической культуры современной России.

Библиографический список

1. Алмонд Г.А. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры // Политика. 2015. № 2. С 22–144.
2. Никлаус А.А. Программа модернизации культуры как политический запрос общества // Власть. 2016. № 3. С. 205–208.
3. Соловьев А.И. Политология: политическая теория, политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2015. 559 с.
4. Щербович А.А. Конституционные гарантии свободы слова и права доступа к информации в сети Интернет: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 27 с.

THE ROLE OF THE MEDIA IN SHAPING POLITICAL CULTURE

I.V. Novozhilova, T.V. Dolgova, O.F. Gefele

Tver State Technical University, Tver

The article analyzes the role of mass media in shaping the political culture and spiritual heritage of our country. The main directions of media activity in the political system are highlighted and the areas of interaction between the media and the state are shown. The article concludes that mechanisms of public control over the media should be formed.

Keywords: political culture, mass media, political system, information society, state.

Об авторах:

Новожилова Ирина Валерьевна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: irinanovozhilova@mail.ru

Долгова Татьяна Вадимовна – доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: dolgovamashunya@rambler.ru

Гефеле Ольга Фридриховна – к.ф.н., доцент, доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: helga2003@mail.ru

About the authors:

Novozhilova Irina Valerievna – PhD (Political Sciences), associate professor of media and public relations of Tver State Technical University, Tver. E-mail: irinanovozhilova@mail.ru

Dolgova Tatyana Vadimovna – associate professor of the Department of media and public relations of Tver State Technical University, Tver. E-mail: dolgovamashunya@rambler.ru

Gefele Olga Friedrichovna – PhD, associate professor, assistant professor of psychology and philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: helga2003@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

О.Н. Торгованова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Торгованова О.Н., 2020

Анализируется феномен «социального капитала» в контексте современного социального знания. Концепция социального капитала рассматривается как одна из составляющих функций общественного производства. Делается вывод о том, что социальный капитал является важнейшим условием социальной интеграции членов общества.

Ключевые слова: социальная интеграция, социальный капитал, теория функций общественного производства, критерий, концепция.

В исследовании мы рассматриваем вопрос, как и почему социальную сплоченность можно рассматривать как основополагающую для социального знания. Тема социальной интеграции столь же стара, как и сама социальная мысль. Автор не стремится дать базовое определение того, что можно понимать под социальной интеграцией. Цель данной публикации – указать на некоторые основные различия в понимании данного феномена и эксплицировать различные формы социальной интеграции.

Процессы социальной интеграции могут быть дифференцированы следующим образом:

1. *Символическая и культурная интеграция* включает в себя процессы интеграции, основанные на символически опосредованных действиях, а также подходы, которые подчеркивают важность общего горизонта ценностей или нацелены на механизмы общественного признания. Она определяет важность «режимов» для социального порядка. Наконец, что не менее важно, этот вид интеграции задает значимость средств массовой информации как инструмента социального объединения.

2. *Институциональная интеграция.* К этому виду относятся два основных интеграционных механизма: политическая интеграция, основанная на распределении власти, и экономическая интеграция, базирующаяся на рыночной экономике. Кроме того, сюда входят и менее широкие социальные подсистемы, такие как система образования или добровольные общественные объединения (клубы, вечеринки и т. д.).

3. *Интеграция в персональном смысле* фиксирует социальную интеграцию на уровне личного взаимодействия. Речь идет об интеграции людей на основе партнерства, дружбы, работы и других межперсональных отношений. В данной статье рассматривается именно это измерение социальной интеграции.

Для адекватного определения условий успешной интеграции будем использовать термин «социальный капитал». Несомненно, категория «социальный капитал» имеет глубокое эвристическое и эмпирическое значение, однако в течение многих лет не получило общепринятого концептуального оформления по ряду причин. Во-первых, концепция «социального капитала» изначально не имела серьезного теоретического основания, и это детерминировало неопределенность относительно того, является ли рассматриваемый феномен индивидуальным или коллективным явлением. Результатом стало свободное использование данного понятия в качестве «метафоры» в различных областях знания. Тем самым контуры термина стали размытыми. Во-вторых, концепция «социального капитала» использовалась и в других дисциплинах, особенно в политологии и экономике, что привело к расширению граней смысла. Наконец, в связи с отсутствием методологических стандартов итоговые эмпирические исследования в итоге основывались на различных показателях.

В течение нескольких последних лет предпринимались попытки определить как концепцию, так и методологические инструменты изучения социального капитала.

Термин «социальный капитал» в последние десятилетия использовался на теоретическом и эмпирическом уровнях исследований в различных областях. Наиболее часто транслировались два значения этого понятия: социальный капитал рассматривался как ресурс для индивидуального благополучия и для коллектива людей, например, при рассмотрении вопросов социально-экономического развития. В настоящей статье термин «социальный капитал» используется исключительно в значении, относящемся к личности.

Рассмотрим различные точки зрения на формирование концепции и вопросы ее практической реализации.

На данный момент можно выделить две основные проблемные области. Во-первых, отсутствует четкое определение понятия «социальный капитал». Это касается прежде всего следующих вопросов: при каких условиях социальные отношения принимают форму капитала и какие свойства отношений и сетей затем влияют на это – объем отношений, качество или структура вашей собственной сети? В связи с этим, во-вторых, термины социального капитала часто кажутся не связанными с теорией действия. Тем не менее сомнительно, что концепция социального капитала может быть разработана, пока не выяснены механизмы, в соответствии с которыми социальные отношения создаются, поддерживаются или отклоняются.

Чтобы разработать четкую концепцию социального капитала, которая лежит в основе последующих эмпирических исследований, можно предпринять следующие шаги:

1. Концепция социального капитала основана на сетевом подходе к социальной поддержке и социальном доверии, в отличие от чисто позиционных или ресурсно-ориентированных подходов. Основное внимание уделяется инструментальной и эмоциональной поддержке, а также межличностному доверию внутри и за пределами явных сетей.

2. Разработана общая модель действий, целью которой является объяснение накопления отдельных ресурсов. Социальный капитал четко определен на основе этой модели действия.

3. Связь между общей эвристикой (сетевым и вспомогательным подходами) и теорией действия наконец-то контекстуализируется на фоне событий в современных обществах. Момент складывания капитала социальных отношений в личных сетях находится в контексте различных уровней процессов дифференциации. Этими уровнями являются личностная дифференциация, социальная дифференциация.

Концепция социального капитала пользуется растущей популярностью в сфере исследований в области социальных наук. Нередко проводят аналогию между социальным и материальным капиталом, чтобы показать, что социальные отношения также могут быть «хорошими» или «полезными» для людей и коллективов. К этому добавляется нечеткое разделение между микро- (индивидуальным) и макроуровнем (коллективным) и связанное с этим отсутствие объяснения связи между этими двумя уровнями с точки зрения причин и следствий формирования социального капитала.

В результате рассмотрения различных теорий мы склоняемся к определению Х. Флэпа: «Социальный капитал – это субъект, состоящий из всех ожидаемых будущих выгод, полученных не от собственного труда, а от связей с другими лицами... То есть каждое человеческое действие – это в равной степени инвестиционное решение, в котором субъекты, кем бы они ни были, смотрят в будущее, чтобы оправдать текущие действия. Однако люди инвестируют не только в социальный капитал, но и в экономический, символический и политический капитал. Они пытаются объединить свои инвестиции таким образом, чтобы получить пакет, портфель, результаты, благодаря которым они надеются максимизировать свои условия жизни» [1, р. 37].

Такое понимание понятия «социальный капитал» в настоящее время позволяет относительно четко определить, что включается в его содержание. Таким образом, социальный капитал возникает (и поддерживается) благодаря инвестициям в социальные отношения, которые способствуют улучшению условий жизни.

Концепцию социального капитала можно расширить путем включения теории функций общественного производства, что дает возможность выработать эмпирически взаимосвязанную и теоретически насыщенную концепцию социального капитала.

Теория функций общественного производства рассматривает людей как производителей их общего благосостояния, пытаясь оптимизировать достижение общих, универсальных жизненных целей в данных социальных, биологических и физических условиях: «Теория утверждает, что люди производят свое собственное благосостояние, пытаясь оптимизировать достижение универсальных целей в рамках набора ресурсов и ограничений, с которыми они сталкиваются» [2, р. 66]. Кроме того, человек как участник социальных отношений ищет эффективные пути повышения благосостояния в условиях ограниченной

рациональности: «...люди рассматриваются как активные агенты, которые рационально выбирают экономически эффективные способы обеспечения благосостояния, учитывая, что рациональные соображения рентабельности ограничены доступной информацией» [2, р. 66].

В контексте теории функций общественного производства физическое благополучие и социальное благополучие сначала определяются как универсальные цели. Теория предполагает, что каждый преследует эти цели явно или неявно. Физическое благополучие («комфорт») может быть достигнуто с помощью стимулов («стимуляции» или «активации»).

Цели стимуляции связаны с физическим возбуждением и активностью, включая умственную и сенсорную стимуляцию, физические нагрузки и упражнения.

Цели комфорта связаны с удовлетворением определенных базовых потребностей человека, таких как предотвращение голода, жажды, боли, страха или ситуаций крайней неуверенности. И стимуляция, и комфорт в настоящее время положительно связаны с физическим благополучием и представляют растущие производственные функции с убывающим предельным продуктом. Социальное благополучие может быть достигнуто с помощью трех инструментов:

- социального статуса («статуса»);
- признания («поведенческое подтверждение»);
- эмоциональной (социальной) близости / безопасности («привязанность»).

Отношение этих трех инструментальных целей к социальному благополучию представляется как постепенно возрастающая производственная функция с аналогичным падением предельного продукта. Цели, задуманные таким образом в контексте теории функций общественного производства, расположены иерархически: первостепенные цели физического и социального благополучия стоят на первом месте, затем следуют инструментальные цели первого порядка, достижение которых зависит от более конкретных целей. Чем дальше вы идете вниз по иерархии, тем более специфичными для контекста становятся производственные функции.

До этого момента концепция несколько напоминала классические формулировки иерархий потребностей. Тем не менее теория функций общественного производства отличается от этих подходов двумя основными аспектами. Во-первых, посредством теоретического объяснения достижения целей, а во-вторых, связанного с этим эффекта замещения.

Теоретическое объяснение универсальных потребностей и целей делает акцент на акторе, который активно производит свое собственное благополучие в условиях определенных ресурсов и ограничений. Решающими ресурсами являются физическое и психическое здоровье, время, энергия, доход, образование, социальные отношения и социальные навыки. Указанные ресурсы способны влиять на относительную стоимость альтернативных решений для производства физического и социального благополучия. В то же время это

означает, что человек может разными путями (пере)создать свое благосостояние, учитывая доступные ресурсы. Это может привести к изменению инструментальных целей, например, в том, что социальное благополучие достигается в большей степени благодаря статусу и признанию, а не эмоциональной близости, как это может быть в случае с людьми, которые в основном инвестируют в свою профессиональную жизнь, а не в личную. В таком случае инструментальные цели заменяются.

Библиографический список

1. Flap H.: No man is an Island: The research programme of a social capital theory // Conventions and structures in economic organization: markets, networks, and hierarchies / Favereau O. & Lazega E. (Eds.). Northampton, MA: Edward Elgar, 2002.
2. Ormel J., Lindenberg S., Steverink N., Verbrugge L.M. Subjective well being and social production functions // Social Indicator Research. 1999. № 46. P. 61–90.

SOCIAL CAPITAL AS A CRITERION FOR SUCCESS SOCIAL INTEGRATION

O.N. Torgovanova

Tver State Technical University, Tver

The author considers such a concept as social capital and connects it with existing theories. The concept of social capital is then expanded to include the theory of social production functions. Social capital is a successful criterion for social integration of members of society.

Keywords: *social integration, social capital, theory of functions of social production, criterion, concept.*

Об авторе:

Торгованова Ольга Николаевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь.
E-mail: maerz25@mail.ru

About the author:

Torgovanova Olga Nikolaevna – Senior Lecturer of the Foreign Languages Subdepartment, Tver State Technical University, Tver. E-mail: maerz25@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ

УДК 159.9.075

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТИВНОСТИ МЕНЕДЖЕРОВ ПРОМЫШЛЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Ю.Ю. Чечурова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Чечурова Ю.Ю., 2020

В статье анализируются результаты исследования индивидуальных ресурсов личности менеджеров промышленной организации, способствующих адаптации в организационных условиях. Выявлено, что большинство менеджеров промышленной организации имеют средний уровень адаптированности, жизнестойкости и тревожности. Менеджеры среднего звена достоверно чаще, чем менеджеры низового звена управления, используют копинг, ориентированный на решение задач. Высокий уровень жизнестойкости и низкий уровень тревожности способствуют хорошей адаптивности сотрудников. Менеджеры с более высокими показателями вовлеченности, контроля, принятия риска и жизнестойкости демонстрируют максимально эффективные копинг-стратегии и, как следствие, имеют более высокий адаптационный потенциал.

Ключевые слова: *адаптивность, нервно-психическая устойчивость, коммуникативные способности, моральная нормативность, жизнестойкость, личностная тревожность, копинг-поведение в стрессовых ситуациях, менеджеры низового и среднего звена.*

В современных условиях экономической нестабильности происходит снижение чувства безопасности и защищенности, адаптационные ресурсы подвергаются негативному воздействию организационных факторов. Это полностью справедливо в отношении менеджеров промышленной организации. Новые реалии требуют от специалиста гибкости, жизнестойкости, самостоятельности, высокой профессиональной компетентности и способности к адаптации. Именно успешная адаптация персонала к новым социальным и экономическим трансформациям позволит максимально эффективно пережить период организационных изменений. В свою очередь изучение особенностей индивидуальных ресурсов психологической адаптивности сотрудников промышленной организации позволит разрабатывать программы по формированию устойчивости к профессиональному стрессу для данных групп лиц.

В психологической литературе понятие адаптации личности исследуется с точки зрения двух подходов. Первый подход рассматривает адаптацию как

психологическую включенность личности в социум через усвоение социального опыта. В основе второго подхода лежит представление об адаптации как психологическом процессе [16]. В данном случае мнения также разделяются: одни авторы говорят о постоянном адаптационном процессе, другие отмечают периодичность адаптации. Так, А.А. Налчаджян пишет, что личность «начинает осуществлять адаптивные процессы в тех случаях, когда оказывается в проблемных ситуациях (а не только при переживании конфликтных ситуаций)» [13].

Психическая адаптация имеет три аспекта: собственно психический, социально-психологический и психофизиологический. Особое внимание стоит уделить социально-психологическому аспекту, который связан с профессиональным, т. е. микросоциальным взаимодействием и включает в себя достижение социально значимых целей. Именно он выступает связующим звеном между адаптацией личности и группы.

Социально-психологической адаптации соответствуют личностные ресурсы, способствующие наиболее полному осуществлению потенциала личности. Под индивидуально-личностными ресурсами понимаются резервы функциональных задатков человека, способствующих успешной адаптации и жизнедеятельности в целом [12]. Их также определяют как адаптационный потенциал, который обычно латентен, однако при необходимости раскрывается и используется в ходе адаптации [17].

К одному из таких ресурсов относят жизненный потенциал личности, который Е.К. Завьялова рассматривает как «интегральное свойство сохранять свою биологическую и духовно-психологическую жизнеспособность и осуществлять преобразующую деятельность, направленную на продвижение к общей цели» [4].

Одним из способов выражения личностного потенциала является способность преодоления личностью стрессовых и неблагоприятных условий развития. Данную способность преодоления неблагоприятных жизненных ситуаций С. Мадди определил как «hardiness», т. е. «жизнестойкость» [10].

С точки зрения С. Мадди и Д. Кошабы, жизнестойкость характеризует психологическую устойчивость и расширенную эффективность человека и является показателем его психического здоровья. Жизнестойкость можно рассматривать как систему личностных установок, которая мотивирует личность реформировать трудные и стрессовые жизненные ситуации, используя внутренние ресурсы для преодоления трудностей [7; 8; 10].

И. Солкова и П. Томанек анализируют роль жизнестойкости в преодолении стрессовых ситуаций. Именно жизнестойкость, по мнению авторов, выступает буферной зоной в ситуации стресса. Они отмечают, что личность с высокими показателями жизнестойкости имеет более эффективные копинг-стратегии совладания со стрессом [14]. Таким образом, понятие «жизнестойкость» можно определить как особый паттерн установок и навыков, позволяющий превратить стрессовые ситуации в возможности [9]. Это внутренний ресурс, способствующий поддержанию психического и физического здоровья в неблагоприятных условиях.

С процессом адаптации напрямую связано понятие тревожности, которое определяется как склонность к опасениям, переживаниям и обозначают состояние человека, характеризующееся повышенной склонностью к волнению, страхам, опасениям с негативной эмоциональной окраской.

А.М. Прихожан определяет тревожность как «переживание эмоционального дискомфорта, связанное с ожиданием неблагополучия... Различают тревожность как эмоциональное состояние и как устойчивое свойство, черту личности или темперамента». Отмечается наличие двух видов тревожности: как свойства личности или «тревожности характера» и ситуативной тревожности [15]. Ситуативная тревожность относится к аспекту «здесь и сейчас», а личностная тревожность – к определенному уровню тревоги личности, который понимается как качество уязвимости, потенциальная готовность реагировать или отвечать тревожным образом на различные ситуации. В любом случае, тревога является показателем наличия эмоционального стресса и может активизировать или наоборот снижать адаптационные механизмы.

В процессе трудовой деятельности выделяют следующие виды стресса:

1. Организационный стресс, возникающий вследствие негативного влияния на работника особенностей организации;
2. Профессиональный стресс, связанный с самой профессией, родом или видом деятельности. Кроме того, он является родовым понятием и включает в себя организационный стресс [2].

Специалист по кадровому управлению Г. Деслер отмечает наличие двух важных источников профессионального стресса, к которым относятся личностные и факторы окружающей среды [5]. К личностным факторам относятся работоспособность, нервно-психическая устойчивость, самоуважение, терпение и многое другое, что определяет реакцию индивида на возможные стресс-факторы. Вторая группа факторов включает в себя организацию рабочего пространства, темп и безопасность работы, график, профессиональную ответственность, физические нагрузки, количество и характер заказчиков и клиентов и т. д. Персональные факторы определяют то, как определенный индивид реагирует на потенциальные источники стресса. К ним относятся работоспособность, устойчивость к нервным и физическим нагрузкам, терпение, самоуважение и многое другое.

Рассмотрение профессионального стресса невозможно без учета механизмов совладания со стрессом. Проблема противодействия стрессу, его профилактика и коррекция в зарубежной психологии получила отражение в словосочетании «coping stress» и «coping behavior». В настоящее время можно выделить следующие значения термина «coping»:

- 1) способ психологической защиты, используемой для ослабления напряжения [6];
- 2) постоянная предрасположенность отвечать на стрессовые события определенным образом;
- 3) динамический процесс особенностей взаимодействия субъекта с внешним миром.

Анализ профессиональной деятельности менеджеров промышленной организации выявил индивидуально-психологические факторы, препятствующие

щие успешной социально-психологической адаптации. Это эмоциональная неустойчивость, слабая саморегуляция, низкий волевой контроль за деятельностью и др. [3]. В нашем исследовании участвовали две группы менеджеров низового и среднего звена: руководители низового звена управления, находятся непосредственно над исполнителями. Это так называемые линейные руководители, которые замкнуты непосредственно на производство. Руководители среднего звена имеют в своем подчинении несколько руководителей низового звена и соответственно малых групп, численность их подчиненных может доходить до 100 человек. Сфера их деятельности и ответственности достаточно широка в силу того, что в их обязанности входит контроль большого количества процессов.

Таким образом, в процессе адаптации к условиям профессионального стресса профессионал использует психологические ресурсы. К этим личностным ресурсам относятся механизмы психологической защиты, копинг-стратегии, личностный потенциал, а также стрессоустойчивость и жизнестойкость.

Объектом настоящего исследования выступили менеджеры среднего звена промышленной организации (начальники цеха) в количестве 31 человека и менеджеры низового звена управления (мастера и бригадиры) в количестве 34 человек. Общий объем выборки составил 65 человек.

Было выдвинуто предположение, что высокий уровень психологической адаптивности наблюдается у тех менеджеров промышленной организации, чьи индивидуальные ресурсы включают высокий уровень жизнестойкости, отсутствие высокой ситуативной тревожности, а также предпочтение копинга, ориентированного на решение задачи в стрессовых ситуациях.

В целях изучения индивидуальных ресурсов адаптивности менеджеров промышленной организации использовался следующий диагностический инструментарий: многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО) (А.Г. Маклаков и С.В. Чермянин), «Тест жизнестойкости» (Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова), «Самооценка уровня личностной тревожности» (Ч.Д. Спилбергер, Ю.Л. Ханин), «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (С. Норман, Д.Ф. Эндлер, Д.А. Джеймс, М.И. Паркер; адаптированный вариант Т.А. Крюковой).

Результаты диагностики адаптационного потенциала менеджеров разного уровня показали, что менеджеры низового звена имеют более низкий уровень адаптивности. Возможно, это связано с высоким уровнем ответственности и давлением со стороны вышестоящего руководства, и, как следствие, в организации наблюдается достаточно высокий уровень текучести кадров.

В группу сниженной адаптации вошло 38 % всех менеджеров низового звена; в группу со средними адаптационными способностями – 50 % всех обследуемых. Высокий уровень адаптационных способностей выявлен лишь у 12 % менеджеров низового звена. Для них характерна высокая эмоциональная устойчивость, легкая адаптация и ориентация в новых условиях.

Анализ результатов сопоставления адаптационного потенциала показал, что менеджеры среднего звена обладают более высокими адаптационными возможностями (рис. 1).

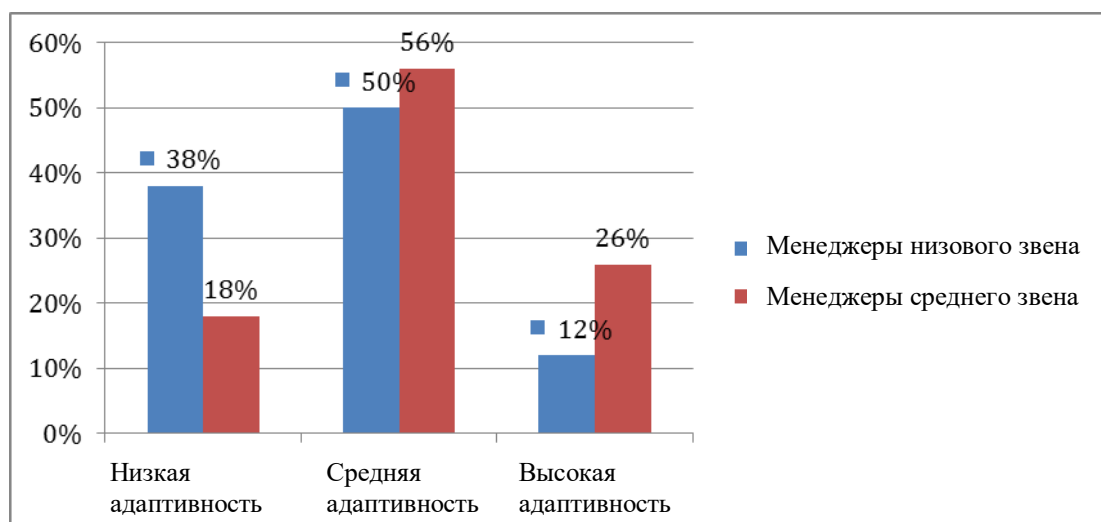

Рис. 1. Процентное соотношение уровней адаптивности менеджеров низового и среднего звена

8 % всех менеджеров продемонстрировали высокий уровень нервно-психической устойчивости и поведенческой регуляции. Средние показатели по данной шкале выявлены у 44 % менеджеров. Низкий уровень поведенческой регуляции, некоторая склонность к нервно-психическим срывам присущи 48 % опрашиваемых.

Анализ результатов исследования у менеджеров среднего звена показал более высокий уровень нервно-психической устойчивости и поведенческой регуляции (рис. 2).

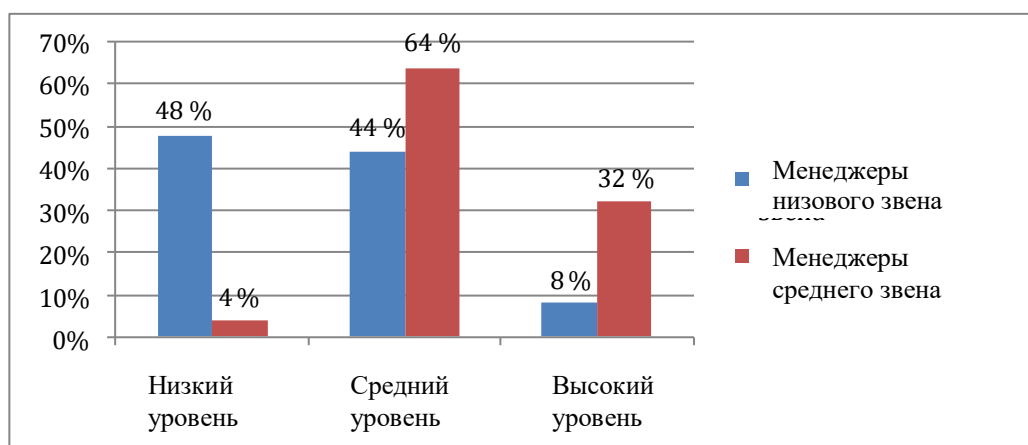

Рис. 2. Процентное соотношение уровней нервно-психической устойчивости менеджеров низового и среднего звена

При диагностике коммуникативных способностей у 44 % менеджеров преобладает средний и низкий их уровень. Высокий уровень коммуникативных способностей, быстрое установление контактов с окружающими, неконфликтность, способность оказывать большое влияние на формирование общественного мнения в коллективе выражены у 12 % менеджеров. 68 % ме-

менеджеров среднего звена характеризуются средним уровнем коммуникативных способностей, высокий уровень присущ 32 % (рис. 3).

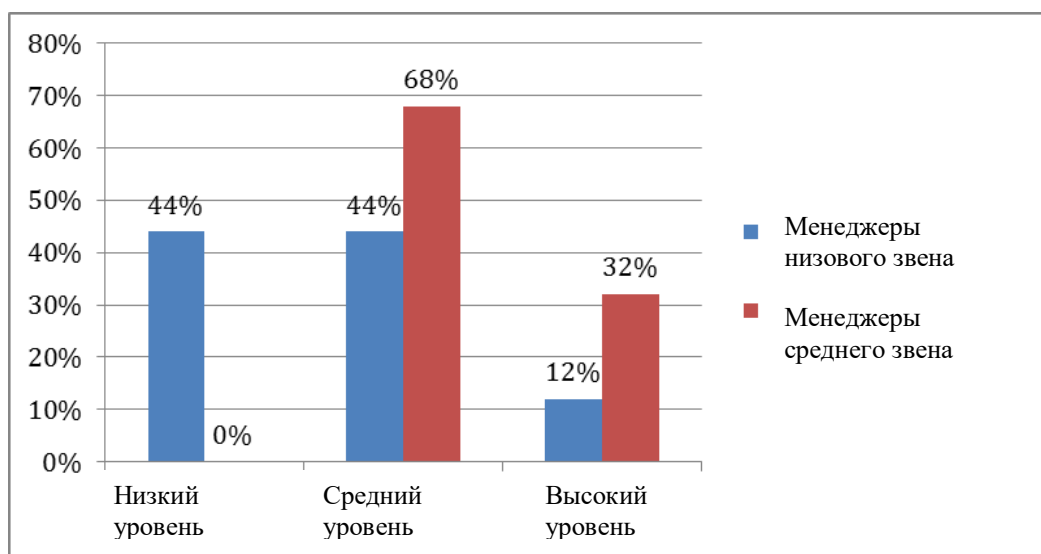

Рис. 3. Процентное соотношение уровней коммуникативных способностей менеджеров низового и среднего звена

Использование непараметрического критерия Манна – Уитни выявило достоверные различия в показателях менеджеров двух групп по параметрам адаптивности ($U = 879$; $p = 0,029$), нервно-психической устойчивости ($U = 764$; $p = 0,003$) и коммуникативных способностей ($U = 682$; $p = 0,000$).

Анализ жизнестойкости показал, что высокий ее уровень присущ 15 % менеджеров среднего звена и 12 % менеджеров низового звена; средний – 59 % менеджеров среднего звена и 53 % менеджеров низового звена; низкий – 26 % менеджеров среднего звена и 35 % менеджеров низового звена (рис. 4).

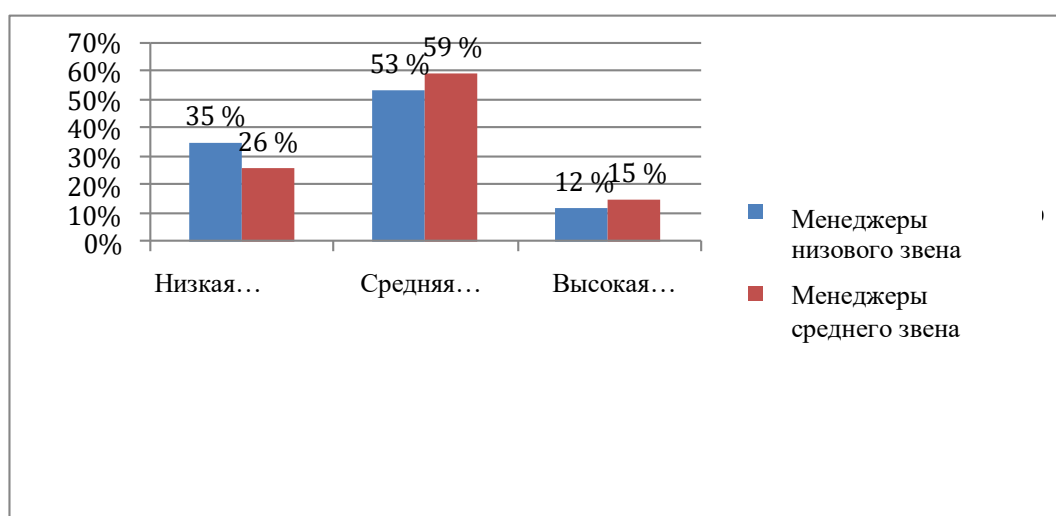

Рис. 4. Процентное соотношение уровней жизнестойкости менеджеров низового и среднего звена

Анализ диаграмм показывает, что для большинства менеджеров среднего и низового звена характерен средний уровень жизнестойкости.

Средние значения субшкал жизнестойкости двух групп менеджеров представлены на рис. 5.

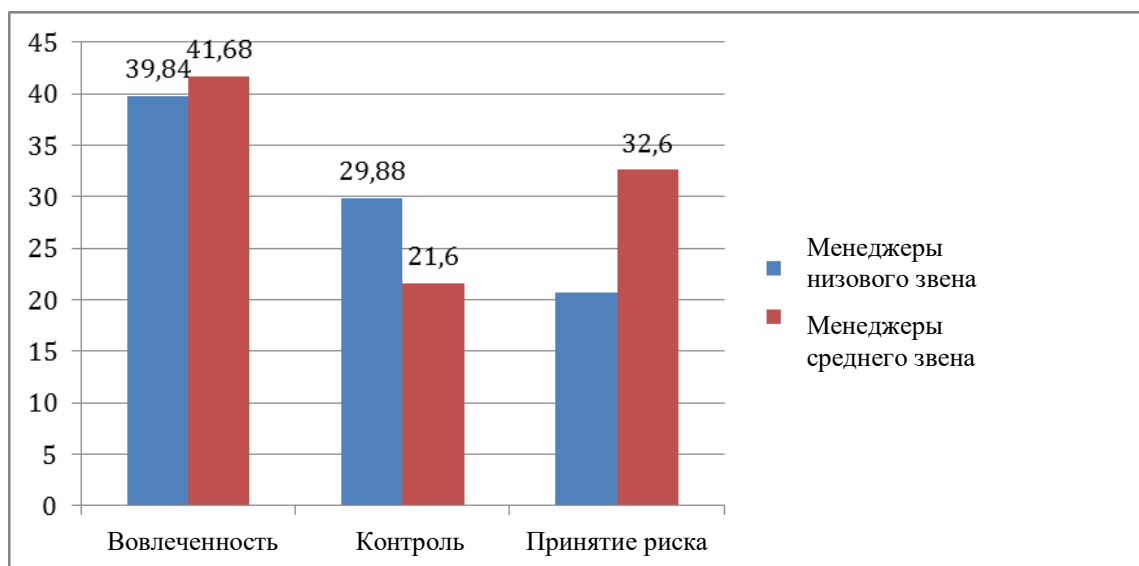

Рис. 5. Средние значения субшкал жизнестойкости для менеджеров среднего и низового звеньев управления

Из рис. 5 видно, что менеджеры среднего звена незначительно превосходят менеджеров низового звена по субшкале «Вовлеченность». При этом контроль преобладает у низового звена менеджеров ($m = 29,8$), а принятие риска в большей степени характерно для менеджеров среднего звена ($m = 32,6$). Этот парадокс можно объяснить тем, что контроль самого процесса делегируется нижестоящим руководителям, однако все риски принимают на себя менеджеры более высокого уровня.

С помощью непараметрического критерия Манна – Уитни выявлены достоверные различия по субшкалам «Контроль» ($U = 856$; $p = 0,021$) и «Принятие риска» ($U = 631$; $p = 0,001$).

Диагностика уровня личностной тревожности показала, что высокий ее уровень присущ 24 % менеджеров низового звена и 35 % менеджеров среднего звена; средний – 42 % менеджеров низового звена и 48 % менеджеров среднего звена; низкий – 34 % менеджеров низового звена и 17 % менеджеров среднего звена (рис. 6).

Анализ преобладающих копинг-стратегий в стрессовых ситуациях определил преобладание копинга, ориентированного на решение задач, у 54 % менеджеров низового звена и 77 % менеджеров среднего звена, на эмоции – у 38 % менеджеров низового звена и 17 % менеджеров среднего звена, на избегание – у 8 % менеджеров низового звена и 6 % менеджеров среднего звена (рис. 7).

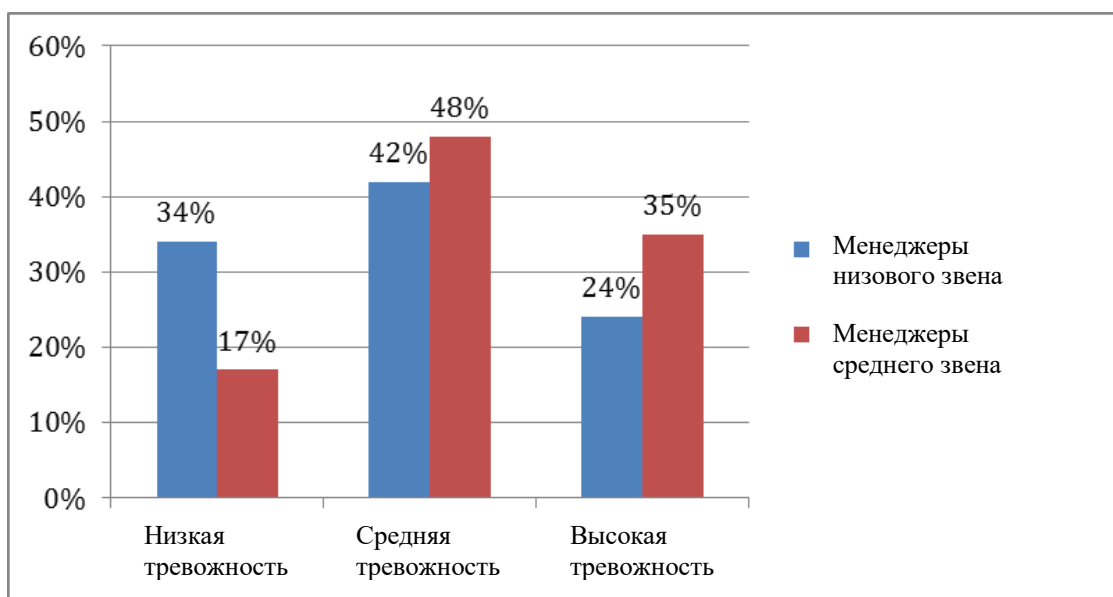

Рис. 6. Процентное соотношение уровней тревожности менеджеров низового и среднего звена управления

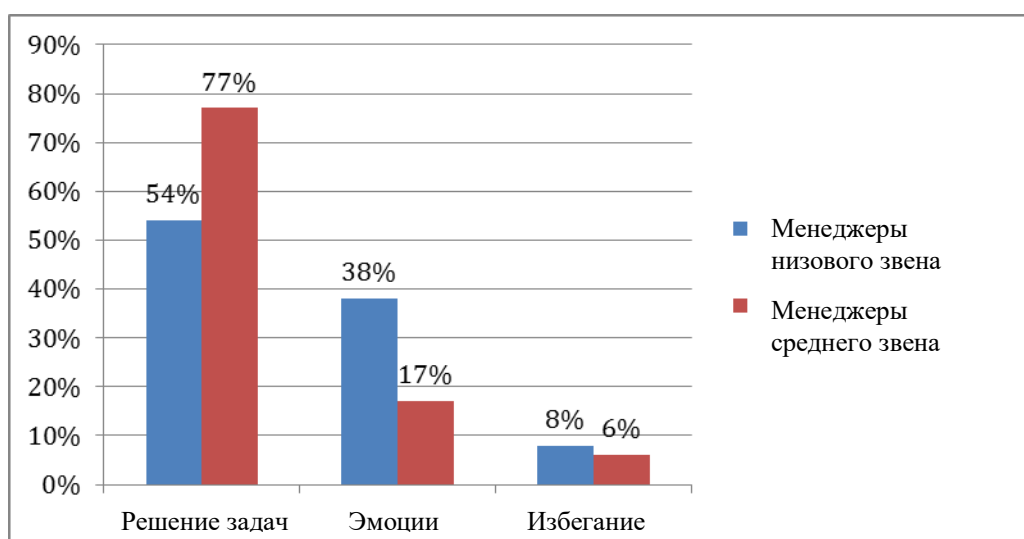

Рис. 7. Процентное соотношение преобладающего копинг-поведения менеджеров низового и среднего звена

По результатам использования критерия Манна – Уитни были выявлены различия между менеджерами среднего и низового звеньев по использованию в стрессовых ситуациях копинга, ориентированного на решение задач ($U = 886$; $p = 0,049$). Данный копинг выше в выборке менеджеров среднего звена. Кроме того, тенденция к различиям выявлена в копинг-ориентации на эмоции ($U = 926$; $p = 0,061$).

Для выявления взаимосвязей между уровнем психологической адаптации, жизнестойкостью, тревожностью и копинг-стратегиями был использован непараметрический критерий Спирмена. Корреляционные связи наглядно отражены на рис. 8.

Рис. 8. Корреляционная плеяда взаимосвязей адаптивности с индивидуальными ресурсами менеджеров промышленной организации

Из рисунка видно, что характер адаптивности определяют такие параметры жизнестойкости, как принятие риска ($r = 0,426$, $p = 0,002$) и контроль ($r = -0,278$, $p = 0,051$). Чем больше сотрудники принимают на себя риски и чем меньше уделяют внимание контролю, тем более они адаптивны. Выявлена и опосредованная взаимосвязь адаптивности с жизнестойкостью ($r = -0,683$, $p = 0,000$) через тревожность, чем выше уровень тревожности ($r = -0,395$, $p = 0,015$), тем ниже уровень адаптивности. Полученные данные подтверждают проведенное ранее исследование Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой [11], где показано, что жизнестойкость позволяет справляться с тревогой. Было выявлено, что у людей с более высокими показателями вовлеченности, контроля и жизнестойкости в целом выше готовность действовать в условиях неопределенности, тревоги и трудностей. У них больше уверенность в том, что все происходящее полезно, так как приносит опыт.

Коммуникативные способности тем больше выражены ($r = -0,353$, $p = 0,012$), чем меньше выражена копинг-ориентация на избегание, а нервно-психическая устойчивость ($r = -0,288$, $p = 0,043$) и моральная нормативность ($r = -0,348$, $p = 0,013$) наиболее выражены при низком проявлении копинг-ориентации на эмоции. Так, при исследовании проблемы копинг-процессов как медиаторов взаимосвязи между психологическим качеством адаптивностью и здоровьем установлено, что адаптивность положительно связана с адаптивными копинг-механизмами и негативно – с дезадаптивными копинг-стратегиями [1]. Сфокусированные на решении проблемы, на поиске поддержки копинги и

стратегии избегания оказались медиаторами взаимосвязи между психологическим качеством «жизнестойкость» и показателями здоровья-болезни.

Таким образом, проблема адаптации напрямую связана с психологией жизненных ситуаций, которая в свою очередь подразумевает рассмотрение таких вопросов, как стратегии совладания с трудными жизненными ситуациями, стрессоустойчивость, жизнестойкость и др. Результаты работы можно использовать при профессиональном психологическом отборе и сопровождении профессиональной деятельности сотрудников промышленных организаций.

Библиографический список

1. Александрова Л.А. О составляющих жизнестойкости личности как основе ее психологической безопасности в современном мире // Известия ЮФУ. Технические науки. 2005. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sostavlyayuschih-zhiznestaykostilichnosti-kak-osnove-ee-psihologicheskoy-bezopasnosti-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 10.03.2020).
2. Бодров В.А. Проблема преодоления стресса. Ч. 2. Процессы и ресурсы преодоления стресса // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 2. С.113–124.
3. Евтихов О.В. Психология управления: учеб. пособие. Красноярск: Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т, 2011. 156 с.
4. Завьялова Е.К. Психологические механизмы социальной адаптации человека // Вестник Балтийской педагогической академии. 2001. Вып. 40. С. 55–60.
5. Качина А.А. Психологическая структура профессионального стресса у менеджеров разного должностного статуса: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.03. М., 2006. 163 с.
6. Копинг-поведение в стрессовых ситуациях (С. Норман, Д.Ф. Эндлер, Д.А. Джеймс, М.И. Паркер; адаптированный вариант Т.А. Крюковой) // Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Институт психотерапии, 2002. С. 442–444.
7. Крюкова Т.Л. Культура, стресс и копинг: социокультурная контекстуализация совладающего поведения. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; КГТУ, 2015. 236 с.
8. Кудинов С.И., Кудинов С.С., Хаммад С.М. Жизнестойкость как предиктор самореализации личности в трудных жизненных ситуациях // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2017. № 3. С. 229–238.
9. Леонтьев Д.А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 1 / под ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 56–65.
10. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003. 487 с.
11. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
12. Назаревич О.С. Теоретические подходы к определению социально-психологических аспектов адаптации личности // Вестник угроведения. 2012. № 4 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-opredeleniyu-sotsialno-sihologicheskikh-aspektov-adaptatsii-lichnosti> (дата обращения: 10.03.2020).

13. Началджян А.А. Социально-психологическая адаптация личности. Ереван: ЭПО, 1988. 262 с.
14. Постникова М. И. Особенности жизнестойкости молодежи // Научный диалог. 2016. № 1 (49). С. 298–310.
15. Прихожан А.М. Причины, профилактика и преодоление тревожности // Психологическая наука и образование. 1998. № 2. С. 11–17.
16. Реан А.А., Кудашев А.Р., Баранова А.А. Психология адаптации личности: учебно-научное издание. СПб.: Медицинская пресса, 2002. 352 с.
17. Соловьева С.Л. Ресурсы личности // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2010. № 2. URL: [http:// medpsy.ru](http://medpsy.ru) (дата обращения: 10.03.2020).

INDIVIDUAL RESOURCES OF PSYCHOLOGICAL ADAPTIVITY OF MANAGERS OF INDUSTRIAL ORGANIZATION

Yu.Yu. Chechurova

Tver State Technical University, Tver

The article analyzes the results of a study of the individual personality resources of managers of an industrial organization that contribute to adaptation in an organizational setting. It was revealed that most managers of an industrial organization have an average level of adaptability, hardiness, and anxiety. Mid-level managers are significantly more likely than low-level managers to use task-oriented coping. A high level of hardiness and a low level of anxiety contribute to the good adaptability of the plant employees. Managers with higher indicators of engagement, control, risk taking and hardiness demonstrate the most effective coping strategies and, as a result, have a higher adaptive potential.

Keywords: *adaptability, neuropsychic stability, communicative abilities, moral normativeness, hardiness, personal anxiety, coping stress, managers of the lower and middle level.*

Об авторе:

Чечурова Юлия Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и философии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: y.chechurova@gmail.com

About the author:

Chechurova Yuliya Yurevna – PhD, Ass. Professor of Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: y.chechurova@gmail.com

УДК 159.99

СООТНОШЕНИЕ ВНУТРЕННЕЙ КАРТИНЫ ЗДОРОВЬЯ И ВНУТРЕННЕЙ КАРТИНЫ БОЛЕЗНИ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТИ

О.В. Милюкова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Милюкова О.В., 2020

В статье раскрыто понятие «внутренняя картина здоровья» (ВКЗ) как сформированное индивидом понимание своего состояния здоровья, установка в отношении собственного здоровья. Определена структура ВКЗ, состоящая из трех компонентов: когнитивного, эмоционального и поведенческого. Рассмотрены факторы, влияющие на сформированность внутренней картины здоровья, а также последствия неадекватной ВКЗ. Внутренняя картина болезни (ВКБ) рассматривается как составляющая ВКЗ и определяется как совокупность представлений человека о своем заболевании, а также процесс осознания своей болезни. Представлены различные классификации психологических реакций личности на заболевание.

Ключевые слова: внутренняя картина здоровья, внутренняя картина болезни, компоненты ВКЗ, психология здоровья, типы реакций на заболевание, патогенные заболевания.

Термин «внутренняя картина здоровья» (ВКЗ) был предложен А.Б. Орловым, а В.Е. Каган ввел его в 1993 г. Автор дает следующее определение данному феномену: «Человек знает (представляет себе или думает, что знает), что такое здоровье, и соотносит с ним свое актуальное состояние. Это то целостное представление, “для-себя-знание” о здоровье мы и определяем как ВКЗ» [4].

Соответственно, под ВКЗ понимают сформированное индивидом понимание своего состояния здоровья, установку в отношении собственного здоровья. Внутренняя картина здоровья формулирует особенное понимание в комплексе самоощущений, чувствования себя, понятий и ресурсности в деятельности. Иными словами, личность понимает, ощущает и верит в то, что данное самочувствие и есть его состояние здоровья.

Внутренняя картина здоровья неравнозначна представлению индивида о здоровье как объективной категории и необязательно соответствует человеческим установкам в отношении здоровья. Можно привести пример человека, испытывающего болезненные ощущения, но не считающего себя больным и ведущего привычный образ жизни. Тем не менее и абсолютно здоровый человек может принимать себя за больного, испытывая усталость.

Как только состояние человека перестает совпадать с его ВКЗ, он начинает воспринимать себя как больного.

Структуру ВКЗ формируют:

1) когнитивный (рациональный) компонент (представляет собой совокупность субъективных умозаключений по поводу оптимальных способов сохранения и развития здоровья);

2) эмоциональный (чувственный) компонент (включает в себя ощущение состояния здорового человека, а также совокупность чувств, определяющих аффективную сферу человека). Эмоциональный фон здоровой личности определен состояниями спокойствия, радости, умиротворенности, свободы, легкости и т. д.;

3) поведенческий (моторно-волевой) компонент (представлен комплексом стараний, целей, поступков здорового индивида, обусловленных его индивидуальной системой ценностей).

Все стороны взаимозависимы и образуют общую регуляторную систему, а также соотносятся с социально-психологическими характеристиками, ценностными и смысловыми ориентациями индивида. Некоторые части и совокупности ВКЗ могут вытесняться, перестраиваться, заменяться или вновь активироваться.

Принимая во внимание ВКЗ пациента, лечащий врач способен произвести корректировку лечения в соответствии с личностными особенностями больного. В.М. Ялтонский, Л.Н. Богданова отмечают, что субъективная внутренняя оценка личностью своего здоровья и болезни непосредственно влияет на восприятие своего состояния в ходе лечения, а также на его результат [9].

Развитие ВКЗ начинается в раннем детстве и реализуется через раскрытие потенциальных возможностей человека.

Предложенная В.А. Ананьевым в 1996 г. комплексная программа развития и формирования ВКЗ «Цветок потенциалов» включает в себя основные задачи, реализуемые в науке о психологии здоровья. Она символически представлена в виде цветка, семь лепестков которого формируют узор взаимосвязанных потенциалов, отражающих различные аспекты душевного, телесного и социального здоровья человека:

- 1) потенциал разума (интеллектуальный аспект здоровья);
- 2) потенциал воли (личностный аспект здоровья);
- 3) потенциал тела (физический аспект здоровья);
- 4) потенциал чувств (эмоциональный аспект здоровья);
- 5) общественный потенциал (социальный аспект здоровья);
- 6) креативный потенциал (творческий аспект здоровья);
- 7) духовный потенциал [2].

Основной целью данной программы является максимальное раскрытие каждого потенциала.

Адекватная ВКЗ выражается в понимании важности сохранения здоровья и активной мотивации улучшать его. Плохо сформированная ВКЗ проявляется в зыбком образе состояния собственного здоровья на перцептивном уровне; на аффективном уровне она выражается в деструктивных эмоциональных реакциях при стрессе; на поведенческом уровне – в нежелании менять что-то в настоящем и ориентировке на будущее.

Дети школьного возраста с несформированной ВКЗ не стремятся совершенствовать свое здоровье. Отрицательная ВКЗ выражается на когнитивном уровне в оценивании собственного здоровья как плохого; на эмоциональном уровне проявляется в недооценке или переоценке своих возможностей; на поведенческом уровне подросток не проявляет активность, направленную на сохранение здоровья.

Значимым фактором психического здоровья и эмоциональной устойчивости ребенка служит благополучие взаимоотношений в семье.

Г.С. Никифоров обосновал [7], что важное значение имеет «качество» семьи, реализация воспитательной функции, которая проявляется в сознательном стиле воспитания с учетом специфических качеств личности и возраста собственных детей.

Была найдена достоверная связь между ВКЗ и привязанностью. Несформированность ВКЗ проявлялась у детей, в семье которых используются негармоничные типы воспитания (например, гиперпротекция, повышенная моральная ответственность). При гармоничном стиле воспитания ВКЗ сформирована [1].

Сформированная ВКЗ определяется пониманием ценности здоровья, установкой личности на его сохранение и совершенствование.

Г.С. Корицова утверждает, что «внутренняя картина здоровья зависит от многих других аспектов личности, к примеру, дети с повышенной личностной тревожностью демонстрируют выраженное искажение внутренней картины здоровья и болезни. Проявляется отклонение внутренней картины здоровья в сторону повышенного внимания к собственному здоровью, что может проявляться в излишней мнительности» [5].

Негативное влияние на сформированность ВКЗ ребенка оказывает фрустрационная напряженность ребенка, ранние психические депривации, искаженная самооценка. Не последнее место в процессе формирования ВКЗ занимают способы удовлетворения потребностей ребенка, а также отношение взрослых к его активности и деятельности.

В.Е. Каган, И.В. Цветкова пришли к выводу, что термин «внутренняя картина здоровья» не является антонимом «внутренней картины болезни», т. е. ВКЗ – более обширное понятие и, можно сказать, включает в себя понятие ВКБ. Под ВКБ понимают представления индивида о собственном нормальном состоянии, а также патологии, образ болезни и ее осознание [4].

Термин «внутренняя картина болезни» в 1935 г. ввел Р.А. Лурия, основываясь на теоретических данных А. Гольдштейна [6, с. 111]. В.В. Николаева определяет внутреннюю картину болезни как «совокупность представлений человека о своем заболевании, результат творческой деятельности, которую продельывает пациент на пути осознания своей болезни» [8, с. 88].

Принимая во внимание ВКЗ пациента, лечащий врач способен произвести корректировку лечения в соответствии с личностными особенностями больного.

В.М. Ялтонский, Л.Н. Богданова отмечают, что субъективная внутренняя оценка личностью своего здоровья и болезни влияет на восприятие пациентом своего состояния в ходе лечения, а также на его результат [9].

В.В. Николаева отмечает, что ВКБ не является статичным или врожденным понятием. Она имеет свои особенности в зависимости от пола, возраста, длительности и хода протекания болезни, а также от индивидуальных личностных черт человека. Она считает, что отношение к болезни формируется еще в детстве, и выделяет следующие этапы [8]:

От 5 до 10 лет. Происходит формирование ВКБ через понимание ребенком ограничений. Соответственно, на данном этапе наиболее значимым оказывается ближайший взрослый или врач, которые способствуют становлению и структурированию ВКБ.

От 11 до 16 лет. При попытке ввода ограничений подросток может реагировать враждебно. Сложность прогнозирования протекания болезни затрудняет построение планов на будущее, что может вызывать болезненные переживания.

Наиболее ярко выраженное влияние психоэмоциональных факторов пациента имеет место на ранних этапах болезни, так как начинается познавательная активность больного и в этот момент проявляются особенности личности. Тем не менее и на более поздних этапах человек воспринимает свое состояние через призму ВКБ, что способно как помочь и поддержать пациента в преодолении болезни, так и спровоцировать дальнейшие патологии, психогенные расстройства и болезненные ощущения.

У пациентов пожилого возраста психоэмоциональный аспект ВКБ имеет преимущественное значение. Внутренняя картина болезни может иметь место и после выздоровления как средство, служащее для привлечения внимания и заботы.

Большое значение в развитии внутренней картины болезни имеет тип эмоциональных отношений (ТЭО) человека к болезни, симптомам, прогнозам и т. п. Рассмотрим типы таких отношений.

Гипонозогностический

Люди не придают значение боли, игнорируя ее, не уделяют внимания лечению. Пессимистичные прогнозы не вызывают тревогу. Может иметь место завышенные ожидания результатов лечения.

Гипернозогностический

Больной имеет яркоокрашенные негативные переживания по поводу болезни, ожидаемые *результаты лечения заниженные.*

Прагматический

Индивид охотно контактирует с медицинским персоналом, пытается адекватно оценить болезнь и прогнозы, выполняет назначения врача.

Нозоностический

Симуляция фиктивной картины болезни либо ее усиление.

На адекватность реакции на болезнь, по мнению многих авторов, влияет зрелость личности индивида и уровень его интеллекта. Например, у инфантов зачастую можно увидеть вытеснение или отрицание болезни, а также «уход в

болезнь». Астеники с чертами тревожной мнительности могут сильно реагировать на не слишком серьезную болезнь. Болезнь может вызвать реакцию беспокойства с последующими депрессивно-ипохондрическими и стойкими расстройствами.

Возраст пациента также влияет на его реакцию. Разную реакцию на одинаковое заболевание и одинаковый прогноз можно увидеть у больных разных возрастов. У молодых людей диагноз может вести к невозможности планирования, у зрелых людей мешает достижению целей, пожилые воспринимают заболевание как конец. Врачу необходимо учитывать реакцию пациента, стараясь помочь ему с выработкой новой жизненной установки.

Соматическое заболевание пациента может изменять работу его центральной нервной системы, влияя, соответственно, и на его реакцию.

Типология реагирования на заболевание, созданная А.Е. Личко [3], основывается на оценке влияния трех факторов:

- природы соматического заболевания;
- типа личности, в котором важнейшую составную часть определяет тип акцентуации характера;
- отношение к данному заболеванию в референтной для больного группе.

Таким образом, А.Е. Личко было выделено 13 типов реагирования на болезнь.

1. Гармоничный тип. Пациент трезво оценивает собственное самочувствие без желания драматизировать, преувеличивать негативные ощущения. Такой тип не склонен также и недооценивать тяжесть заболевания. Стремится в полной мере способствовать положительному результату лечения. Такие пациенты не любят быть обузой для других. При возможности инвалидизации переключают интересы на другие сферы деятельности, оставшиеся доступными. При неблагоприятном сценарии часто сосредотачивают внимание, заботы и интересы на судьбе родных.

2. Тревожный тип. Человек склонен постоянно беспокоиться и быть мнительным в отношении неблагоприятного исхода заболевания, вероятных ухудшений здоровья, малоэффективности и рисков лечения. Такие больные стремятся найти как можно больше информации о своей болезни, ищут все новые методы лечения, беспокоятся о возможных осложнениях. Для них объективные статистические данные о болезни более важны, чем собственные ощущения. Прислушиваются к мнению врачей, особенно если те являются авторитетами для них.

3. Ипохондрический тип. Люди данного типа сосредоточены на индивидуальных негативных самоощущениях, которыми пациенты стремятся как можно больше делиться с окружающими. Часто утрируют реальные и выискивают выдуманные заболевания и симптомы, преувеличивают силу побочных действий медикаментов. Готовность к лечению сочетается с ожиданием неудачи. Такие больные требуют скрупулезного осмотра, боятся осложнений и возможной боли при проведении процедуры.

4. Меланхолический тип. Пациентам свойственна угнетенность заболеванием, скепсис в отношении лечения и возможности выздоровления, пессимистичное восприятие окружающего мира, недоверие к лечению даже при положительных исходных значениях. Такой тип психического реагирования называют также депрессивным.

5. Апатический тип. Апатическому типу реагирования свойственны безразличие к жизни, течению заболевания и эффективности лечения, пассивность в прохождении процедур и соблюдении лечения при настоятельном склонении близких. Нередко возможна потеря интереса ко всему, что раньше могло увлечь.

6. Неврастенический тип. Преобладает образ действий по модели «раздражительной слабости». Характерны частая болезненная раздражительность при плохом самочувствии, болях, неэффективном лечении, негативных результатах исследования, что вызывает впоследствии сильное чувство вины и нервные срывы. Больные с трудом переносят боль, нетерпеливы и не способны ожидать улучшения состояния.

7. Обсессивно-фобический тип. Пациентов с обсессивно-фобическим типом реагирования можно назвать тревожно-мнительными. Их зачастую пугают нереальные угрозы: сомнительные осложнения заболевания, неэффективность лечения, необоснованные трудности, вызванные влиянием болезни, в обыденной жизни, в трудовой деятельности, в семье. Выдуманные опасения тревожат сильнее, чем настоящие.

8. Сензитивный тип. Пациенты с сензитивным типом реагирования на болезнь слишком озабочены, что могут произвести негативное впечатление на окружающих, если расскажут о своем заболевании. Они боятся, что окружение станет игнорировать их, считая нездоровыми, уничижительно обращаться, сплетничать за их спиной о причине их заболевания. Больные опасаются, что станут в тягость семье из-за своего недуга. Основной чертой данного типа реагирования можно назвать рефлексивное мышление человека. К тому же это еще и внешний локус контроля, когда важным считается не самоощущение и свое состояние, а отношение к информации о заболевании человека его референтной группы.

9. Эгоцентрический тип. Пациенты эгоцентрического типа «уходят в болезнь». Пытаясь обратить на себя внимание своей семьи и друзей, они преувеличивают собственные негативные ощущения. Они требуют, чтобы кто-то необыкновенно заботился о них. В общении с людьми часто переводят беседу на свои болезненные переживания и ощущения. Другие пациенты, которым тоже требуется уход, воспринимаются ими как соперники.

10. Эйфорический тип. Пациентам с эйфорическим типом реагирования свойственно немотивированное повышение эмоционального фона, зачастую напускное. Они пренебрежительно относятся к заболеванию и необходимости лечения. Больные рассчитывают, что смогут исцелиться самостоятельно. Имеется жажда брать от жизни как можно больше, игнорируя ограничения,

которые накладывает заболевание. Легко могут нарушить режим, зная, что это может негативно сказаться на результатах лечения.

11. Анозогнозический тип. Пациенты с анозогнозическим типом реагирования склонны активно отбрасывать мысли о своем заболевании и вероятных его исходах. Они не признают себя больными, отрицают очевидные симптомы, приписывая их совпадениям и случайностям. Часто не верят в серьезность болезни и отказываются обследоваться и лечиться.

12. Эргопатический тип. При эргопатическом типе реагирования человек «уходит от болезни в работу». Во время тяжелого заболевания и неприятных ощущениях он пытается изо всех сил продолжать трудовую деятельность. Такие пациенты работают с упорством, с большим усердием, чем до заболевания, уделяют работе максимальное количество времени. Больные пытаются проходить лечение и обследоваться таким образом, чтобы это не мешало им продолжать трудиться.

13. Паранойяльный тип. Больной с паранойяльным типом психического реагирования уверен, что заболевание появилось у него в результате некоего злого умысла. Пациенты подозрительны к медикаментам и лечению в целом. Они могут стремиться приписать вероятные сложности в ходе прохождения лечения, побочные действия препаратов недобросовестности или наплевательскому отношению медицинского персонала. Нередко требуют наказывать тех, кто, по их мнению, виновен.

Данные способы реагирования на болезнь определяют поведенческий компонент внутренней картины болезни, являются типичными и определяют не только течение заболевания, но и скорость выздоровления.

Внутренняя картина болезни пациента и внешняя картина болезни, описываемая врачом, могут не соответствовать друг другу. Причина этого заключается в том, что пациент может неадекватно воспринимать свое состояние. Поскольку данный фактор имеет огромное влияние на формирование ВКБ и, соответственно, на течение болезни, врачу необходимо уделять большое внимание взаимодействию с больным,

Для обозначения данного влияния О. Бумке в статье «Врач как причина душевных расстройств» ввел термин «ятрогения» или «иатрогения» – изменение физического состояния больного и его эмоционального фона в сторону ухудшения вследствие неумышленного негативного внушения со стороны медицинского персонала. Р.А. Лурия отмечает: «...как и всякое другое терапевтическое средство, слово врача может иметь не только полезное, но и вредное для больного действие, причем это вредное действие всегда получается мимо воли врача и вопреки его лучшим желанием, так же как при применении врачом всяких других терапевтических средств. Поэтому, наряду с положительной полезной психотерапией, может возникнуть и психотерапия негативная, дающая целый ряд заболеваний, где личность врача не только имеет влияние на течение и исход болезни, но где врач принимает невольно то или иное, а иногда значительное участие в самом психогенезе болезни» [6, с. 69–70].

О. Бумке обратил внимание на эти вредные последствия неправильного поведения врача на психику больных и назвал такого рода психогенные заболевания «иатрогенными повреждениями».

Р.А. Лурия определил два вида таких заболеваний [6]. В первом случае пациент, не имеющий тяжелых соматических заболеваний, неправильно понимает слова врача и представляет свою болезнь как серьезную и неизлечимую. Во втором случае неосторожные слова врача могут усугубить имеющееся у человека тяжелое заболевание.

Рассмотрим факторы, которые влияют на данный феномен.

- 1) возможные связанные с лечением риски:
 - побочные эффекты принимаемых медикаментов;
 - чрезмерное медикаментозное лечение;
 - взаимодействия лекарственных препаратов;
- 2) возможные последствия инвазивного лечения;
- 3) ошибочные действия врачей;
- 4) болезненная диагностика заболевания;
- 5) заболевания, полученные при инфицировании в медицинском учреждении;
- 6) ошибки в исполнении назначений лечащего врача;
- 7) небрежность в исполнении должностных обязанностей;
- 8) отсутствие актуальных данных, недостаточная техническая оснащённость, а также недостаточность оборудования.

Таким образом, для повышения эффективности лечения врачу следует принимать во внимание не только соматические симптомы больного, но и его внутреннюю картину болезни, типичные способы реагирования на заболевание, а также степень сформированности внутренней картины здоровья пациента.

Библиографический список

1. Алалыкина Э. К. Внутренняя картина здоровья у подростков с разными типами привязанности // Молодой ученый. 2016. № 23. С. 420–423. URL: <https://moluch.ru/archive/127/35052/> (дата обращения: 10.02.2020).
2. Ананьев В.А. Основы психологии здоровья. Кн. 1. Концептуальные основы психологии здоровья. СПб.: Речь, 2006. 384 с.
3. Кабанов М.М., Личко А.Е., Смирнов В.М. Методы психологической диагностики и коррекции в клинике. Л.: Медицина, 1983. 308 с.
4. Каган В.Е. Внутренняя картина здоровья – термин или концепция? // Вопросы психологии. 1993. № 1. С. 86–88.
5. Кoryтова Г.С. Внутренняя картина здоровья и социальные представления о нем студентов педагогического вуза // Сибирский психологический журнал. 2012. № 46. С. 131–144.
6. Лурия Р.А. Внутренняя картина болезни и иатрогенные заболевания. 4-е изд. М.: Медицина, 1977. 111 с.
7. Никифоров Г.С. Психология здоровья. СПб.: Речь, 2002. 607 с.
8. Николаева В.В. Влияние хронической болезни на психику. М.: МГУ, 1987. 168 с.

9. Ялтонский В.М., Богданова Л.Н. Субъективное восприятие болезни как угрозы у больных раком предстательной железы // Клиническая психология в здравоохранении и образовании: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, г. Москва, 24–25 ноября 2011 г.). М.: МГМСУ, 2011. С. 101–104. URL: <http://www.medpsy.ru/library/library105.pdf> (дата обращения: 10.02.2020).

RELATIONSHIP OF INTERNAL HEALTH PICTURE TO INTERNAL DISEASE PICTURE IN PERSONALITY STRUCTURE

O.V. Milyukova

Tver State Technical University, Tver

The article discloses the concept of «internal picture of health» as an individual's understanding of his state of health, an attitude towards his own health. The structure of IHP, consisting of three components: cognitive, emotional and behavioral, is determined. Factors influencing the formation of the internal health picture, as well as the consequences of inadequate IPH, are considered. The internal picture of the disease is seen as a component of the IDP and is defined as a set of human perceptions of one's disease, as well as a process of awareness of one's disease. Different classifications of psychological responses of personality to disease are presented.

Keywords: *internal picture of health, internal picture of disease, components of IPH, psychology of health, types of responses to disease, iatrogeny diseases.*

Об авторе:

Милукова Ольга Вячеславовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и философии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: molga.77@mail.ru

About the author:

Milyukova Olga Vyacheslavovna – PhD (Psychological Sciences), Assoc. Professor of Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: molga.77@mail.ru

УДК 159.9:[331.104:37]

ВЛИЯНИЕ ВОЗРАСТА НА СТИЛИ УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТАМИ В ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКТИВАХ

В.В. Сизова*, А.Е. Шабанова*,**

*ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

**Муниципальное образовательное учреждение

«Средняя общеобразовательная школа № 25», г. Тверь

© Сизова В.В., Шабанова А.Е., 2020

В статье рассматривается влияние возраста учителей, преподавателей и руководителей образовательных организаций / подразделений на стили управления конфликтами в педагогических коллективах образовательных организаций. Результаты исследования показали, что не существует конкретного возраста, в котором наиболее часто используется один определенный стиль управления конфликтами. Полученные эмпирические данные дают основание предположить, какие стили управления конфликтами применимы к конкретным возрастным группам.

Ключевые слова: конфликт, стили управления конфликтами, возрастная зависимость, педагогический коллектив.

Навыки управления конфликтами являются фундаментальными и критическими показателями эффективности работы педагогических коллективов. Под управлением конфликтами авторы понимают коммуникативный процесс, посредством которого стороны разрешают свои разногласия и достигают соглашения.

В данной работе анализируются влияние возраста учителей, преподавателей и руководителей образовательных организаций / подразделений на стили управления конфликтами в педагогических коллективах образовательных организаций.

В исследовании приняли участие учителя, преподаватели (далее – педагоги, $n = 21$), директора, руководители (далее – руководители, $n = 7$) подразделений Тверского государственного университета, Тверской средней школы и детского образовательного центра. При проведении исследования использовали опрос, интервью и описательный метод.

В ходе предшествующего исследования [2] были выявлены четыре типа межличностных конфликтов в вышеупомянутых образовательных учреждениях.

1. Конфликт между руководителями и педагогами (возможные причины – нарушение дисциплины, разное восприятие ситуаций, неудовлетворенность работой и оплатой, недопонимание в общении). Респонденты высказали мнение, что конфликт должен разрешаться коллегиально, голосованием или компромиссом. Подавляющее большинство опрошенных отметили, что конфликт редко протекает неконтролируемо и только в исключительных случаях остается неразрешенным.

2. Конфликт между преподавателями (возможные причины – разные стили работы, несогласие с учебным расписанием, различное восприятие ситуаций и обязанностей). Большинство отметили, что конфликтные ситуации нередки, но они не являются большой проблемой для руководства, потому что преподаватели сами знают, как разрешать конфликты.

3. Конфликт между преподавателями и обучаемыми. По мнению респондентов, такие конфликты случаются часто, потому что обучаемые нарушают учебные требования и дисциплину, в связи с чем преподаватели вынуждены прорабатывать их, что вызывает недовольство или агрессию.

4. Конфликт между преподавателями и родителями обучаемых. Эти конфликты случаются реже ввиду большей самостоятельности студентов, но, по мнению респондентов, если происходят, то потому, что родители глубоко верят своим детям, в то время как последние зачастую лгут [2].

Цель исследования состояла в отслеживании влияния возраста работников педагогических коллективов на стили управления конфликтами.

Для получения количественных данных о способах разрешения конфликтов был использован опросник Томаса – Килмана, на основе которого выстраивается модель разрешения конфликтов. Она базируется на пяти стилях управления конфликтами: избегании, приспособлении, конфронтации, сотрудничестве и компромиссе. Раскроем возможности каждого из указанных стилей.

Избегание наиболее эффективно в обстоятельствах, когда один из оппонентов объективно сильнее и использует свои преимущества в конфликте. В контакте со сложным конфликтным оппонентом следует использовать любую имеющуюся возможность, чтобы избежать конфликта. Избегание имеет положительный результат как отсрочка в разрешении конфликта / спора (особенно в случае недостатка аргументов).

Приспособление или уступка выглядят естественно в случаях, когда возникшая проблема маловажна для человека или отношения с противоположной стороной представляют собой отдельную ценность. Эта стратегия малопредсказуема по своим последствиям. Если компромисс или полный отказ от цели не стоил больших усилий, уступчивость положительно сказывается на самооценке человека и отношениях с оппонентом. Очень важно в этой ситуации быть уверенным, что партнер заметил и оценил жертву. В противном случае остаются негативные чувства, обида и, как следствие, сохраняется основа для эмоционального конфликта.

Конфронтация – вариант поведения при острых, принципиальных ситуациях, решении жизненно необходимых вопросов. Этот стиль поведения в конфликтах эффективен в экстремальных обстоятельствах. В противоборство следует вступать ради чрезвычайно важной цели или при твердой уверенности в своей компетентности и силе. Если этих факторов недостаточно, можно не только увязнуть в возникшем конфликте, но и полностью проиграть. Конфронтация для разрешения споров в личных отношениях неизбежно ведет к отчуждению.

Сотрудничество – это, как правило, стратегия партнерства и взаимодействия. Незаменимый вариант близких, длительных и значимых для

партнеров отношений. Это равенство жизненных статусов и психологической силы, власти. В этом варианте партнеры разрешают конфликт, оставаясь верными своим реальным задачам и целям. Требуется время для анализа потребностей, интересов и тревог партнеров, дальнейшее их обсуждение, поиск наилучшего варианта развития, выработка плана действий и т. д. При недостатке времени компромисс допустим как некий «заменитель» сотрудничества.

Компромисс, или квазисотрудничество – метод взаимных уступок партнеров. Наиболее эффективен в ситуациях с дефицитом времени. Компромисс зачастую не приносит полного удовлетворения разрешением конфликта. Цель достигнута частично, часть желаемого отдана в качестве платы за позитивный исход, но оценить уступки некому, оппонент также недоволен.

Опросник состоит из 30 пар утверждений, относящихся к различным стилям поведения человека в ситуации конфликта. Из каждой пары утверждений респондент должен выбрать одно, которое наиболее верно отражает отношение испытуемого к конфликтной ситуации, и отметить его в бланке ответов.

Количественный анализ включал получение итоговых оценок и выведение статистических данных в таблицу.

Наиболее часто используемые стили управления конфликтами по возрастным группам

Возраст	Стили управления конфликтами				
	Конфронтация	Сотрудничество	Избегание	Компромисс	Приспособление
34–40 (5)	1 (20 %)	1 (20 %)	2 (40 %)	1 (20 %)	0
41–46 (8)	1 (12,5 %)	1 (12,5 %)	3(37,5 %)	2 (25 %)	1 (12,5 %)
47–54 (8)	1 (12,5 %)	1 (12,5 %)	2 (25 %)	3 (37,5 %)	1 (12,5 %)
55–60+ (7)	0	2 (28,6 %)	1(14,3 %)	3 (42,8 %)	1 14,3 %)

Как видно из таблицы, прямая корреляция между возрастом педагогических работников и их стилями управления конфликтами среди респондентов в возрасте от 34 до 60+ лет отсутствует, т. е. не существует конкретного возраста, в котором наиболее часто используется какой-то один определенный стиль управления конфликтами. Для респондентов в возрасте от 34 до 40 лет приспособление в наименьшей степени используется большинством для разрешения конфликтов. Результаты показали, что в возрасте 55–60+ наименее используемым стилем является конфронтация, что согласуется с теорией сбережения эмоциональных ресурсов и включения механизмов компенсации потерь (сил, здоровья, статуса, группы поддержки) в возрасте 60+.

Представляется важным, что респонденты в возрасте 34–40 и 41–46 лет чаще используют избегание, респонденты группы 47–54 и 55–60 лет чаще прибегают к компромиссу. Распределение количественных данных подобным образом представляет интерес для руководителей, так как позволяет предположить, какие стили управления конфликтами неприменимы к конкретным возрастным группам.

Следует понимать, что в контексте данного исследования были учтены далеко не все факторы, которые влияют на выбор стилей поведения в

конflikтах и полученные эмпирические данные открывают возможность теоретических и прикладных исследований в данной области.

Библиографический список

1. Гришнина Н.В. Психология конфликта. URL: https://bookap.info/book/grishinapsihologiya_konflikta/load/fb2.shtm (дата обращения: 25.02.2020).
2. Сизова В.В., Шабанова А.Е. Причины конфликтов и методы управления конфликтами в педагогических коллективах // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2018. № 3. С. 91–95.

AGE INFLUENCE ON TEACHING STAFF CONFLICT MANAGEMENT STYLES

V.V. Sizova*, A.E. Shabanova***

*Tver State Technical University, Tver

**Secondary School No.25, Tver

The article examines the influence of the age of teaching staff and heads of educational organizations / units on conflict management styles. The results of the study showed that there is no specific age at which one particular style of conflict management is most often used. The empirical study results also suggest what conflict management styles might not be applicable to specific age groups.

Keywords: conflict, conflict management styles, age dependence, teaching staff.

Об авторах:

Сизова Виктория Валентиновна – кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: vicas2005@yandex.ru

Шабанова Анна Евгеньевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, МОУ СОШ № 25. E-mail: anya222@mail.ru

About the authors:

Sizova Victoria Valentinovna – PhD (Psychological Sciences), Associate Professor, Head of the Second Languages Subdepartment of Tver State Technical University, Tver. E-mail: vicas2005@yandex.ru

Shabanova Anna Evgenyevna – Senior Lecturer of the Second Languages Subdepartment of Tver State Technical University, Secondary School No.25, Tver. E-mail: anya222@mail.ru

УДК 159.99

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ОПЫТ ВНУЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Т.И. Литвинова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия

© Литвинова Т.И., 2020

В статье рассматривается проблема развития творческой активности и работы с талантливой студенческой молодежью. Анализируются механизмы, методы и формы вузовской воспитательной системы, позволяющие повысить эффективность управленческого воздействия на решение задачи по выявлению одаренных молодых людей. Описывается опыт эстетического воспитания талантливой студенческой молодежи и развития ее способностей в сфере художественного самостоятельного творчества.

Ключевые слова: государственная молодежная политика, талантливая молодежь, способности, хореография, творческая активность.

В современных социально-экономических условиях общество заинтересовано в социально активной личности, обладающей познавательным, лидерским, творческим потенциалом, и предъявляет данные требования к молодежи.

Развитие творческой активности, вовлечение в разнообразную творческую деятельность, поддержка молодых деятелей культуры и искусства, а также талантливой молодежи, занимающейся современными видами творчества и не имеющей специального образования – одна из приоритетных задач государственной молодежной политики Российской Федерации [5].

Тенденция развития общества в настоящих условиях такова, что «социальный заказ» на творчески мыслящую личность, способную сопротивляться рутине, демонстрировать выдающиеся способности в том или ином виде деятельности, испытывающую потребность в саморазвитии, проявляется повсеместно [2]. Таким образом, особую актуальность приобретает проблема развития творческой активности и работы с одаренными студентами, талантливой молодежью в вузе как в одном из важнейших институтов социализации.

Выделяют следующие категории одаренности:

интеллектуальная одаренность различных видов (познавательная деятельность);

лидерская (коммуникативная деятельность);

одаренность в ремеслах, спортивная, организационная (практическая деятельность);

хореографическая, сценическая, изобразительная, музыкальная, литературно-поэтическая (художественно-эстетическая деятельность).

В настоящее время проблемы с одаренными детьми все более актуальны. Обществу нужна творческая личность, способная проявлять себя, реализовывать в различных социальных практиках. Рыночная экономика формирует спрос на энергичных молодых людей с интеллектуальными и творческими способностями и высоким уровнем социальной ответственности [2].

В большинстве вузов России, в том числе и в Тверском государственном техническом университете, для решения данной задачи используют следующие направления воспитательной деятельности:

формирование целостной системы поддержки талантливой и инициативной молодежи для инновационного развития России;

вовлечение студенчества в разнообразные социальные практики. Информирование молодежи о потенциальных возможностях саморазвития, а также обеспечение всесторонней поддержки познавательной, творческой, научной и предпринимательской активности молодых людей.

Работа в вузе по развитию творческой активности и поддержке талантливой молодежи строится поэтапно и систематически, только в этом случае можно говорить о ее эффективности и результативности. Можно выделить следующие этапы оптимальной работы по данному направлению:

1-й этап – поисковый (выявление из общей массы молодых людей (в первую очередь первокурсников) тех, кто с высокой долей вероятности обладает тем или иным видом одаренности в художественной и спортивной деятельности);

2-й этап – методический (отбор методов, форм, принципов работы с талантливой молодежью, соответствующих воспитательной системе конкретного вуза);

3-й этап – деятельностный (организация и проведение комплекса мероприятий внеучебной работы, позволяющих студентам проявить свои способности);

4-й этап – аналитический (мониторинг результативности внеучебной работы в направлении развития таланта и одаренности студентов с последующей разработкой способов дальнейшей поддержки талантливой молодежи, а также популяризации образа одаренной личности в студенческой среде).

На 1-м этапе в Тверском государственном техническом университете (ТвГТУ) с 2007 г. используется авторская анкета «Творческие способности первокурсника» (с 2014 г. в электронной форме). Анкетирование проводится студенческими кураторами в каждой учебной группе. Охват аудитории составляет 96–99 %. Цель данной методики – выявление определенного вида одаренности у студентов-первокурсников: технической, спортивной, художественной. Полученные данные используются также для создания банка творческих данных студентов ТвГТУ, последующего поиска ресурсов и форм их поддержки.

Содержание анкеты:

ФИО;

Пол;

Дата рождения;

Факультет;

Группа (список индексов групп).

Каким видом спорта вы занимались/занимаетесь, какие достижения имеете? (Дипломы, победы на соревнованиях, разряды и т. д., укажите самые весомые.)

1. Какими навыками вы обладаете? Где занимались, в каком стиле, какие достижения имеете?

- Вокал, рэп (укажите стиль);
- танцы (укажите стиль);
- рисование (укажите стиль);
- сценические навыки (актер, КВН, режиссер, ведущий и т. д.);
- организационная работа (руководство редакцией школьной газеты, школьный совет и т. д.);
- журналистская деятельность (видео, фото, статьи, радио);
- рукоделие;
- проза, поэзия;
- дизайн (компьютерный, ландшафтный, технический).

2. Ваше основное хобби?

3. В каком коллективе вы бы хотели заниматься?

- Социальные и благотворительные проекты;
- КВН;
- студенческий театр;
- информационные проекты (журнал, радио, ТВ, фото, соцсети);
- турклуб;
- спортивное ориентирование;
- студия ирландского танца;
- студия русского народного танца;
- студия фламенко;
- студия танцев джаз-модерн;
- хореографический театр;
- клуб искусств;
- социально-психологические тренинги;
- строительный отряд;
- педагогический отряд;
- киноклуб;
- спортивный клуб (укажите вид спорта);
- клуб технических видов спорта;
- квесты и логические игры;
- концерты студенческой весны, посвящение, конкурсы талантов;
- интеллектуальные игры («Мафия», «Что? Где? Когда?», дебаты);
- патриотические проекты;
- проекты по здоровому образу жизни;
- киберспорт;
- другое (укажите).

4. Какие новые знания и навыки вы бы хотели получить в свободное от учебы время?

По результатам обработки анкеты также выявляются социальные запросы студенчества на содержание непрофессионального дополнительного образования в вузе (творческие объединения по интересам – клубы, секции, студии). Так, по просьбе студентов 1-го курса в 2016 г. по результатам анкетирования была создана театральная студия, в 2017–2019 гг. – проводились соревнования по киберспорту, с 2015 г. действует студия современного танца, а с 2018 г. – секция скалолазания.

Однако обнаружить талант, выявить способности недостаточно. Их нужно развивать, совершенствовать. В воспитательной системе технического вуза Твери можно выделить два основных подхода к поддержке и развитию способностей талантливой молодежи:

масштабная, широкая работа со студентами, в результате которой проявляются наиболее одаренные, как за счет сотрудничества, так и за счет конкуренции, например на творческих конкурсах;

«точечная» работа, концентрация усилий и ресурсов на работе с наиболее одаренными.

Большое внимание в системе внеучебной работы ТвГТУ уделяется эстетическому воспитанию, выявлению талантливой молодежи и развитию ее способностей в сфере художественного творчества. Художественная одаренность развивается и поддерживается в студиях и секциях. Этот вид одаренности подразумевает высокие достижения в области художественного творчества и исполнительского мастерства в хореографии, музыке, театральном творчестве.

Внеучебная деятельность по эстетическому воспитанию в ТвГТУ реализуется по следующим направлениям:

эстетическое воспитание студентов через художественную деятельность, художественную практику: фестивали – «Студенческая весна», «Звезда Политеха», «Танец – душа моя»; выступления художественных коллективов – хореографической студии «Astel», студии танца «Формат», театральной студии «КИТ», вокальной студии;

эстетическое воспитание студентов через художественное образование во внеаудиторное время и различные формы информирования (студии и секции художественно-эстетического цикла в студенческом клубе; тематические вечера; посещение культурных центров города; демонстрация художественных фильмов на встречах «Кинематики» и т. д.

Эстетическое воспитание, выявление талантливой молодежи, развитие способностей в сфере художественной одаренности – одно из приоритетных направлений работы студенческого клуба ТвГТУ, в наибольшей степени оно характерно для хореографических направлений. Это фламенко, русские народные танцы, ирландские народные танцы, классический танец, хореографический театр и современный эстрадный танец. Хореография – сильное воспитательное средство широкого профиля, ее специфика определяется разносторонним воздействием на человека [1]. Решая те же задачи нрав-

ственного, эстетического и духовного развития человека, что и музыка, танцевальное искусство дает возможность физического развития, что особенно важно при существующем положении со здоровьем человека в условиях современности. Как и другие виды искусства, хореография отражает социальные процессы, взаимоотношения людей. Специфика данного вида искусства состоит в том, что мысли, чувства, эмоции, переживания человека оно транслирует зрителю, используя пластическую образно-художественную форму [3]. С точки зрения психологического подхода танец – это дискурс, своеобразный текст, который мы интерпретируем как систему знаков, имеющих пространственно-временную структуру и несущих информацию о состояниях, чертах характера и отношениях личности. Танец как сложный социокультурный феномен может быть понят только в единстве биологического, культурного, психологического и социального аспектов [4]. Танец способен выполнять такие функции, как стимуляция творческого роста личности, высвобождение подавляемых эмоций и отношений, принятие своего тела. Таким образом, деятельность студенческих хореографических объединений – это один из наиболее эффективных ресурсов для поддержки талантливой молодежи в вузе, а также развития ее творческих способностей. В настоящее время искусство хореографии рассматривается как мощное средство в формировании высокого уровня художественно-эстетической культуры обучающихся.

С 2006 г. в ТвГТУ действует хореографическая студия «Astel». В 2011 г. за высокий уровень художественного творчества, исполнительское мастерство участников она получила звание образцового (народного) самодеятельного коллектива. В данном объединении в результате систематической эффективной деятельности создано социокультурное поле для оценки и развития хореографической одаренности участников. Хореография – это **один из видов деятельности**, где одаренность субъекта определяется визуально. Наличие музыкального слуха, гибкость корпуса, эластичность стопы, танцевальный шаг, артистичность, работоспособность, физическая и психологическая выносливость – таковы критерии, по которым происходит выявление одаренных студентов. Задача руководителя студии, преподавателя – не столько измерить одаренность, сколько создать среду, способствующую раскрытию природных возможностей обучающихся.

Среди методов диагностики одаренности в хореографической студии «Astel» используются наблюдение, интервью, анкетирование, социологические опросы, тестирование. Среди методик тестирования используются 16-факторный опросник Р. Кеттелла, опросник креативности Дж. Рензулли, тест определения креативности и творческого мышления Э. Торренса, диагностика личной креативности Е.Е. Туник. По результатам последней участники студии (45 опрошенных) показали следующие результаты:

- склонность к риску – 18,6;
- любопытность – 17,8;
- сложность – 16,2;
- воображение – 15,9.

На данный момент в студии занимаются 64 студента и выпускника ТвГТУ в возрасте 18–27 лет по следующим направлениям: фламенко, народные танцы, контемп-танец, хореографический театр. По данным опроса 58 участников студии «Astel», главными причинами посещения занятий являются возможность творческой самореализации, неформального общения с участниками, благоприятная морально-психологическая атмосфера в коллективе, дающая чувство собственной значимости, нужности, уверенности в своих возможностях. Для развития творческих способностей участников применяются следующие методы – метод показа, метод игры, метод импровизации, метод релаксации, концентрический и метод индивидуального подхода.

Система непрофессионального дополнительного образования вуза, при правильной ее организации, имеет огромный потенциал для создания благоприятных условий, которые необходимы для развития творческой активности, свободного творчества, для самореализации студента [7].

В заключение хочется отметить, что повышение качества работы с талантливой молодежью, занятой в сфере художественного самодеятельного творчества, как составной части внеучебной деятельности и всего образовательного процесса в целом, несомненно, задача приоритетная, и немаловажную роль здесь играет применение личностно-ориентированного и деятельностного подходов в системе непрофессионального дополнительного образования [6]. В настоящее время наблюдается повышенный интерес к проблеме развития творческой активности молодежи, выявления, обучения и развития одаренных людей, в том числе и в студенческой среде.

Определяя творческую активность как склонность субъекта к проявлению себя в сфере творчества и как способность к выдающимся достижениям в любой социально значимой сфере человеческой деятельности, необходимо:

создать в вузе систему сопровождения студенческой молодежи, склонной к проявлению творческой активности;

внедрить в систему внеучебной работы вуза технологии тьюторства, предполагающей индивидуальную работу наставника с каждым талантливым студентом;

организовать на базе вузовских структур по работе с молодежью проведение ориентационной работы с молодыми людьми с целью выявления направления их одаренности;

оптимизировать график работы студий, кружков, секций и других форм непрофессионального дополнительного образования, чтобы у молодежи была возможность попробовать себя в различных видах деятельности и выбрать наиболее близкий для себя.

Библиографический список

1. Абдоков Ю.Б. Музыкальная поэтика хореографии: Пластическая интерпретация музыки в хореографическом искусстве. Взгляд композитора. М.: ГИТИС, 2009. 272 с.

2. Государственная молодежная политика в России: социально-психологические основания и технологии реализации / под общ. ред. С.Ю. Поповой. М.: Аквилон, 2019. 448 с.
3. Громов Ю.И. Танец и его роль в воспитании пластической культуры актера. СПб.: Лань, 2011. 256 с.
4. Никитин В.Н. Онтология телесности: смыслы, парадоксы, абсурд. М.: Когито-Центр, 2006. 320 с.
5. Об утверждении Основ государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г.: распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 г. № 2403-р
6. Технология социальной работы: учебник / Холостова Е.И. [и др.] М.: Дашков и К, 2018. 478 с.
7. Технологии работы с молодежью (опыт работы кафедры социальных технологий и организации работы с молодежью МГГУ им. М.А. Шолохова): монография / под ред. С.Ю. Поповой (Смолик). М.; Тверь: СФК-Офис, 2015. 326 с.

DEVELOPMENT OF CREATIVE ACTIVITY OF STUDENTS: EXPERIENCE OF EXTRACURRICULAR ACTIVITIES

T.I. Litvinova

Tver State Technical University, Tver

This article discusses the relevance of developing creative activity and working with talented students. The article analyzes the mechanisms, methods and forms of the University educational system that allow increasing the effectiveness of managerial influence on the task of identifying gifted young people. The article describes the experience of aesthetic education of talented students and the development of their abilities in the field of artistic creativity.

Keywords: *state youth policy, talented youth, abilities, choreography, creative activity.*

Об авторе:

Литвинова Татьяна Ивановна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: litvinova_-_t@mail.ru

About the author:

Litvinova Tatyana Ivanovna – PhD (Philosophy Science), senior lecturer at the Department of psychology and philosophy of the Tver State Technical University, Tver. E-mail: litvinova_-_t@mail.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТРЕСС КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО АНАЛИЗА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

В.В. Сизова, М.В. Блохина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

В статье раскрываются современные теоретические представления о природе профессионального стресса, выявляются факторы и особенности стрессовых состояний на рабочем месте. Проанализированы результаты социологического исследования, посвященного стрессам в профессиональной деятельности преподавателей Тверского государственного технического университета.

Ключевые слова: профессиональный стресс, факторы стрессовых состояний работника, стресс в профессиональной деятельности преподавателя вуза, социологическое исследование стресса.

Во всех странах мира в последние десятилетия серьезно меняется характер трудовой деятельности работников. Это происходит под влиянием научно-технического прогресса, гуманизации производства, наступления эпохи постиндустриализма. В этих условиях вопросы охраны труда приобрели совершенно новое звучание. Проблема безопасности трудовой деятельности включила в себя множество новых аспектов, среди которых особенно значимы медицинский, психологический, эргономический, социологический.

Экономическая глобализация и технологический прогресс существенно изменили сферу труда, создав новые системы эффективного использования трудовых ресурсов, формы и схемы занятости, рабочие и трудовые отношения, способствующие усилению стресса, связанного с работой, и ассоциированных с ним расстройств. Глобализация дала начало не только новым значительным возможностям экономического развития, но и высококонкурентным процессам, оказывающим влияние на условия и содержание труда, психоэмоциональные состояния работников. В связи с этим исследователи и директивные органы стали уделять все больше внимания стрессу, связанному с работой, и последствиям психосоциальных угроз и рисков, которые он несет.

Согласно определению Международной организации труда (МОТ) под стрессом понимают вредную физическую и эмоциональную реакцию, порожденную дисбалансом между воспринимаемыми требованиями и ощущаемыми внутренними ресурсами людей [3, с. 5].

Стресс-реакции, связанные с работой (или, иными словами, профессиональный стресс) возникает, когда требования к работе не соответствуют либо превосходят возможности, ресурсы или потребности работника, либо когда запас знаний или способности отдельного работника или группы не соответствуют ожиданиям организационной культуры предприятия [3, с. 5].

Причины все более нарастающего распространения профессионального стресса разнообразны. Глобализация привела к изменениям в схемах занятости благодаря большей гибкости в рабочем процессе, большей частичной и временной занятости и независимому трудоустройству персонала. Такая практика может привести к повышению профессиональных требований к работнику, а также снижению контроля и, как следствие, росту поводов для увольнения работников.

Глобальный экономический кризис и рецессия способствуют росту бедности, безработицы и социальной разобщенности. Их последствия вынуждают многие предприятия сокращать свою экономическую активность, что приводит к ускорению реструктуризации, сокращению, объединению, передаче на внешний подряд или субподряд, а также массовым увольнениям. Процессы реструктуризации выходят за рамки последствий увольнений.

Организационные изменения вызывают неуверенность и противостояния, а работники, которых не затрагивает сокращение, могут испытывать чувство вины по отношению к своим уволенным коллегам.

Вдобавок к страху потери работы работники сталкиваются с ограниченными возможностями для продвижения по службе. Кроме того, от тех, кто остается на работе, требуется большая гибкость и готовность выполнять новые задачи, сталкиваясь с возросшей рабочей нагрузкой, увеличением рабочего времени и неопределенностью ролей. Накопленный опыт предыдущих кризисов показал, что организационные изменения и оптимизация зачастую приводят к снижению внимания к управлению рисками на рабочем месте под давлением необходимости сокращения затрат.

Поскольку безопасность и гигиена труда на работе по-прежнему воспринимаются многими работодателями скорее как затраты, а не как вложение, некоторые из них сокращают расходы на эти цели, игнорируя стандарты по охране труда. Сокращение государственных расходов также ставит под угрозу возможности служб инспекции труда и охраны труда с точки зрения предоставления услуг.

Факторы на рабочем месте, которые могут вызвать стресс, называются психосоциальными угрозами. Еще в 1984 г. МОТ определила психосоциальные факторы (угрозы) как «взаимодействия между рабочей средой, содержанием работы, организационными условиями и способностями, потребностями, культурой, взглядами на дополнительную работу, которые могут через восприятие и опыт оказывать влияние на здоровье, производительность труда и удовлетворенность работой» [5, с. 29]. Работники зачастую думают, что признаки хорошей производительности – нахождение в зоне доступа и быстрая реакция на запросы руководства, продолжая на практике выполнять работу дома в свое личное, неслужебное время. Однако размытость семейных и служебных ролей не приводит ни к чувству удовлетворенности работой, ни к психологическому благополучию в семье.

Психосоциальные угрозы, выраженные в более высоких ожиданиях производительности труда и большем количестве рабочих часов – все это вносит

вклад в еще более стрессовую рабочую атмосферу. Кроме того, в связи с текущим экономическим спадом, который увеличивает темпы организационных изменений и реструктуризации, работники чаще сталкиваются с массовыми увольнениями, потерей работы, сомнительными вариантами нового трудоустройства, материальной нестабильностью, что ставит под угрозу их душевное равновесие и благополучие. Сегодня в научном сообществе существует паритетное согласие относительно характера психосоциальных угроз и дополнительных рисков психических или физических заболеваний, которые они создают. Вместе с тем следует отметить, что меняющиеся условия труда порождают новые опасности, и, следовательно, определение психосоциальной угрозы все еще может изменяться. Исследователи выделяют несколько типов стрессовых характеристик работы (психосоциальных угроз), которые можно разделить на две группы: содержание работы (объем и сложность работы, ценность и степень разнообразия, неопределенность требований и недостаточность ресурсов и т. д.) и контекст работы (организация и организационная культура) [2].

В ряде исследований изучалось влияние физических факторов опасности на стресс. Множество научных публикаций посвящены психосоциальным угрозам сменной и ночной работы и продолжительного рабочего дня. В целом факты свидетельствуют о том, что продолжительное рабочее время, неблагоприятные условия труда, включая организацию рабочего места и воздействие опасных факторов окружающей среды, могут повлиять как на стресс, испытываемый работниками, так и на их психологическое и физическое здоровье в целом [6; 4, с. 6–8].

Исследования показали долгосрочные преимущества даже небольшого самоуправления и самопроектирования при выполнении задач с точки зрения психического здоровья и продуктивности работников. Вместе с тем авторы акцентируют вопросы удовлетворенности работника своим здоровьем и работой, презентизма (пребывания на рабочем месте во время болезни, несмотря на то что должен быть взят больничный) и абсентеизма (отсутствия на работе в рабочее время), управления организационной эффективностью, безопасности труда работников, возрастающего культурного разнообразия и технологических изменений [1].

Большое внимание также уделяется значимости социальной среды в защите и поддержке физического и психического здоровья работников, в формировании и оценивании поведения на работе; организационным факторам и кадровой политике, влияющим на их улучшение [1; 2; 4].

Исходя из задач МОТ, профилактические стратегии должны играть решающую роль в антистрессовой защите и поддержке психического здоровья на рабочем месте. Это подразумевает гигиену труда, оценку, прогнозирование и управление психосоциальными рисками, связанными с работой. По вопросу нормативно-правовой базы авторы сходятся во мнении о неизбежности разработки и принятии новых законов и правовых актов по охране труда, норм и регламентов, договоров и инструкций, стратегий и средств противодействия психосоциальным угрозам и рискам [3].

Исследователи выделяют такие приоритетные сферы для изучения стресса на рабочем месте, как гарантии занятости, количество труда и степень напряженности, распределение рабочего времени сотрудника, организационные изменения и реструктуризация, дискриминация и физическое насилие в сфере труда, положительная оценка или недооценка достигнутых результатов труда, идентичное вознаграждение, корпоративная культура, баланс трудовой и личной жизни [5].

Глубокое научное осмысление профессионального стресса основано на органичном синтезе эмпирических данных и их теоретических интерпретаций. Весомый вклад в понимание феномена стресса на рабочем месте вносят прикладные исследования, осуществляемые на стыке нескольких областей социально-гуманитарного знания: психологии, социологии, менеджмента, эргономики, медицины, профессиологии. Значительный интерес представляют особенности возникновения и переживания стресса на рабочем месте у представителей разных сфер профессиональной деятельности. Общеизвестно, что предрасположенность к профессиональному стрессу выше у представителей профессий группы «человек – человек», в частности, преподаватели учебных заведений. Профессиональный стресс, с одной стороны, сильно сказывается на эффективности выполняемой работы, а с другой – влияет на состояние самого субъекта выполняемого труда, его психологическое и физическое самочувствие, а также на успехи личности в профессиональной самореализации. Все это в полной мере относится и к трудовой деятельности преподавателя высшей школы. Для разработки действенных мер по профилактике стресса и формированию стрессоустойчивости преподавателей в Тверском государственном техническом университете (ТвГТУ) было проведено социологическое исследование, посвященное анализу влияния стресса на профессиональную деятельность преподавателя вуза. Объектом исследования являлись преподаватели ТвГТУ, использовался метод глубинного интервью, в опросе приняли участие 25 информантов, репрезентативно представляющих разные половозрастные категории преподавательского корпуса.

Анализ полученных данных позволил сделать вывод о том, что стрессы в деятельности преподавателя возникают достаточно часто, так как эта работа тесно связана с постоянным общением и риском возникновения конфликтов. Способствуют профессиональному стрессу вузовского педагога постоянная нехватка времени, большой объем работы, конфликты с коллегами и со студентами, частое появление новых требований к трудовой деятельности преподавателя высшей школы.

По мнению респондентов, на проявление и протекание стрессового состояния влияют также личностные качества самого человека. Это и тип темперамента, и направленность личности, и характер, и особенности нервной системы. Причем эмоциональные, самокритичные, тревожные люди, «близко к сердцу принимающие все проблемы», чаще переживают стресс на рабочем месте и с большим трудом с ним справляются.

Само состояние стресса на рабочем месте, безусловно, оказывает отрицательное воздействие на работника. Самыми распространенными симптомами такого состояния являются неадекватная реакция на окружающих, беспричинные вспышки агрессии, упадок сил, психологическое истощение, а также апатия и растерянность. Часть преподавателей, принимавших участие в исследовательском проекте, связывают признаки профессионального стресса с симптомами внутриличностного конфликта. В подобном состоянии человек не хочет разговаривать с другими людьми, привлекать к себе внимание или, напротив, стремится получить поддержку, выговориться, попросить совета. Поведенческие реакции обусловлены индивидуальными особенностями психики. Негативное воздействие стресса на профессиональную деятельность педагога проявляется также в профессиональном выгорании, снижении эффективности деятельности, профессиональной деформации личности.

Обсуждая соотношение негативных и возможных позитивных эффектов стресса, информанты оценили стресс на рабочем месте как «в большей степени разрушительное явление, которое приводит не столько к социальным, сколько к психологическим последствиям». В то же время, желая побороть состояние стресса, вузовский педагог «обнаруживает до сих пор неизвестные ему собственные возможности, получая бесценный опыт конструктивного преодоления конфликтов», становится более собранным для преодоления неожиданно появляющихся проблем, формирует навыки самоменеджмента.

Преподаватели, участвовавшие в исследовании, полагают, что профессиональный стресс преодолеть или минимизировать самостоятельно достаточно сложно, но возможно. Для профилактики и преодоления стресса, по мнению информантов, важны следующие моменты. Во-первых, саморегуляция преподавателя, проявляющаяся в четком планировании своей деятельности, анализе причин возникновения стрессового состояния, пересмотре ценностей, изменении отношения к работе и ее ритма. Во-вторых, поддержка со стороны родных и близких, друзей, доброжелательность коллектива, а также помощь специалистов. В-третьих, разнообразие в проведении досуга, включающего походы в театры, кино, занятия спортом, частые встречи с друзьями, уход за домашними животными и пр.

Проведенное прикладное исследование показало, что пол и возраст не оказывают значительного влияния на переживание профессионального стресса вузовскими педагогами. Гораздо важнее стаж преподавательской деятельности. Преподаватели со стажем работы более 15 лет демонстрируют повышенную стрессоустойчивость, не реагируют на факторы, способные вызвать стресс у молодых педагогов (невнимание студентов на лекциях; невыполнение заданий; неподготовленность студентов к семинарским занятиям).

Важно также, что у опытных преподавателей накоплен опыт преодоления стресса (хорошо спланирована и организована работа, есть четко отработанный алгоритм действий в стрессовых ситуациях, знание необходимых методов саморефлексии и умение эффективно использовать их).

В ходе исследования его участники высказали ряд субъективных представлений, связанных с условиями противодействия стрессу на рабочем месте: «необходимо четко планировать свою деятельность, равномерно распределять нагрузку, чтобы не возникало чувство дефицита времени»; «на рабочем столе обязательно должен быть порядок, чтобы в любой критический момент нужный отчет, статья были под рукой»; «во время нахождения на работе следует обязательно делать перерывы для отдыха (совершить телефонный звонок близким, обсудить интересные события с другими сотрудниками, перекусить, заварить кофе по домашнему рецепту)»; «после трудовой недели, в дни отдыха и во время летнего отпуска нужно обязательно полностью абстрагироваться от рабочих проблем, посвятить себя семье и друзьям»; «важно интересоваться новостями, открывать для себя что-то новое и познавательное»; «следует свободное время проводить в свое удовольствие, в зависимости от интересов человека (спорт, книги, театр, природа, встречи с друзьями и прочее)»; «необходимо периодически посещать врача и следить за своим здоровьем»; «при обнаружении первых признаков стрессовой ситуации важно постараться решить проблему на начальных этапах».

Проведенное исследование показало осознание преподавателями ТвГТУ опасности стрессовых состояний для профессиональной деятельности вузовского педагога, понимание необходимости научной рефлексии над данным феноменом как необходимого условия профилактической работы в педагогических коллективах высшей школы.

Библиографический список

1. Александр-Стаматиос Г.А., Кэри Л.К. Новые направления в организационной психологии и поведенческой медицине // Gower Publishing. URL: <https://bookree.org/avtory?name=AlexanderStamatios%20G.%20Antoniou,%20Cary%20L.%20Cooper> (дата обращения: 30.04.2020).
2. Кокс Т., Гриффитс А., Риаль-Гонсалес Е. Исследование стресса, связанного с работой. Европейское агентство по безопасности и гигиене труда, Бюро официальных публикаций Европейских сообществ. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---safework/documents/publication/wcms_466547.pdf (дата обращения: 08.05.2020).
3. Международное бюро труда. Стресс на рабочем месте: коллективный вызов / Группа технической поддержки по вопросам достойного труда и для стран Восточной Европы и Центральной Азии. М.: МОТ, 2016. 37 р.
4. Международная организация труда. Интеграция стратегии укрепления здоровья в политику охраны труда на рабочем месте: руководство. Женева: Бюро МОТ, 2012. 32 с.
5. Психосоциальные факторы на работе: распознавание и контроль. Объединенный доклад Международного бюро труда и Всемирная организация здравоохранения по гигиене труда, 9-я сессия, Женева, 18–24 сентября 1984 г. Сер. № 56 по безопасности и гигиене труда. Женева: Международное бюро труда, 1984. 36 с.
6. Abu Al-Rub R.F., Al-Zaru I.M. Job stress, recognition, job performance and intention to stay at work among Jordanian hospital nurses // Journal of Nursing Management. 2008. V. 16. № 3. P. 227–236.

PROFESSIONAL STRESS AS A SUBJECT OF SCIENTIFIC ANALYSIS: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

V.V. Sizova, M.V. Blokhina

Tver State Technical University, Tver

The article reveals modern theoretical concepts about the nature of occupational stress. The authors identify factors and characteristics of stressful conditions in the workplace. The results of a sociological study on stresses in the professional activity of educators of Tver State Technical University are analyzed.

Keywords: professional stress, factors of employee stressful conditions, university teacher professional activity stress, sociological study of stress.

Об авторах:

Сизова Виктория Валентиновна – кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: vicas2005@yandex.ru

Блохина Марина Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: bmvtsu@mail.ru

About the authors:

Sizova Victoria Valentinovna – PhD (Psychological Sciences), Associate Professor, Head of the Second Languages Subdepartment of Tver State Technical University, Tver. E-mail: vicas2005@yandex.ru

Blokhina Marina Valeryevna – PhD (Sociological Sciences), Associate Professor of the Sociology and Social Technologies Subdepartment of Tver State Technical University, Tver. E-mail: bmvtsu@mail.ru

КОМИКСЫ КАК СРЕДСТВО МОТИВАЦИИ И ИНСТРУМЕНТ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Е.А. Жителева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Жителева Е.А., 2020

В статье рассматривается образовательный комикс, показывается разнообразие видов и форм работы с ним на занятиях по русскому языку как иностранному, а также описывается его влияние на развитие речемыслительной деятельности и формирование языковой и коммуникативной компетенций обучающихся.

Ключевые слова: комикс, текст, психолого-педагогические аспекты обучения, принцип наглядности, языковые, речевые, коммуникативные упражнения, языковая компетенция, коммуникативная компетенция, русский язык как иностранный.

В системе высшего образования учебная дисциплина «Русский язык как иностранный» является одной из самых молодых, поэтому существует ряд проблем, связанных с методикой преподавания РКИ, и основной среди них является выбор образовательных технологий для достижения целей и решения задач, поставленных в рамках данной учебной дисциплины, и разработка учебно-методического пособия. При подготовке к занятию перед преподавателем встает вопрос о том, какие методы и подходы целесообразно использовать, ведь известно, что преподавание русского языка иностранным обучающимся не может быть сведено исключительно к изучению лексики и грамматики, а включает в себя обучение чтению, письму, аудированию и говорению. Программа дисциплины «Русский язык как иностранный» предполагает, в частности, формирование у студентов языковой и речевой компетенции в объеме, обеспечивающем возможность осуществлять учебную деятельность на русском языке и необходимом для общения в социально-бытовой, социально-культурной, учебной сферах в рамках уровня А0-В1. Другими словами, целью учебного пособия по РКИ является не столько формирование у обучающихся представления о русском языке, сколько практическое обучение языку, что важно учитывать при разработке или внедрении тех или иных образовательных технологий.

Главная цель обучения русскому языку студентов подготовительного факультета – коммуникативная, а это значит, что выбираемый метод должен быть коммуникативно ориентированным. В связи с этим в методике преподавания РКИ принято выделять три вида языковой компетенции, которые должны быть сформированы у обучающихся:

языковая (лингвистическая) включает в себя знание морфологии, синтаксиса, словообразования;

речевая означает сформированность навыков и умений, необходимых для правильного построения речи по грамматическим моделям;

коммуникативная предполагает умение общаться в разнообразных ситуациях.

Общеизвестно, что при написании учебного пособия по русскому языку как иностранному основными являются следующие принципы:

информативность,

наглядность,

понятность,

научность,

актуальность,

интересность,

логичность,

практичность,

цельность,

оригинальность.

Остановимся подробнее на принципе наглядности и его использовании в рамках коммуникативного подхода к обучению русскому языку как иностранному.

На эффективность обучения влияют два основных фактора: степень участия в восприятии всех органов чувств человека и вовлечение обучающихся в активную познавательную деятельность на изучаемом языке. Как известно, чем разнообразнее чувственные восприятия учебного материала, тем более прочно он усваивается, причем около 80 % информации об окружающем мире воспринимается посредством зрительного аппарата. Поэтому еще К.Д. Ушинский ставил принцип наглядности на первое место по значимости.

Применительно к педагогическому процессу наглядность базируется на законах развития мышления и познания окружающего мира. Если при объяснении материала информация подкреплена соответствующим визуальным рядом, сравнениями, аналогиями, образностью, то усвоение происходит намного быстрее.

При этом в опровержение распространенного в педагогической среде заблуждения, следует подчеркнуть, что наглядность применяется не только на первой ступени познания – при живом созерцании. Она имеет большое значение при осмыслении материала, т. е. участвует в процессе абстрактного мышления, поэтому наглядность так важна при изучении нового материала, повторении пройденного, закреплении и систематизации знаний на любом этапе обучения.

Применение наглядных и технических средств обучения способствует не только эффективному усвоению соответствующей информации, но и активизирует познавательную деятельность обучающихся, развивает у них способность соединять теорию с практикой; воспитывает внимание и аккуратность; повышает интерес к учению и делает его более доступным и успешным. Поэтому учет принципа наглядности – важный психолого-педагогический аспект обучения РКИ.

Одним из таких средств наглядности выступает комикс.

Отличительной особенностью любого комикса является словесный «пузырь», который выдувается из уст персонажа. Внутри него заключена сжатая прямая речь – реплика, обращенная к партнеру или апарте. Комикс соединяет в себе литературу и живопись, т.е. является синтетическим жанром. Синтетическая природа комиксов проявляется в том, что их можно рассматривать как зримую литературу, в которой визуальные и текстуальные элементы равноправны и взаимосвязаны, или как застывшую анимацию.

Использование образовательных комиксов представляет особый интерес в практике преподавания иностранных языков и в обучении русскому языку как иностранному. Нередко работу с комиксом отождествляют с работой с сюжетной картинкой, но это не так. Как картинки, так и комиксы в учебном процессе служат развитию речи и формированию необходимых языковых компетенций, но при этом работа с комиксами имеет свои несомненные преимущества.

Во-первых, в отличие от сюжетной картинкой, комикс – это многокадровый рисунок, содержащий слова или мысли фигурирующих в нем героев [2].

Во-вторых, комикс содержит динамически развивающееся действие с завязкой, кульминацией и «открытым финалом» – цельный рассказ, который можно комментировать и продолжать.

Визуальный и текстовый компоненты комикса в большинстве случаев равноправны и взаимосвязаны как информационные подсистемы, дополняющие и обогащающие друг друга, что позволяет использовать образовательный комикс для интенсификации учебного процесса [2].

И, наконец, принципиальное отличие комиксов от сюжетных картинок в преподавании РКИ состоит в том, что если работа с картинками, предназначенными для составления рассказа, предполагает уже достаточно уверенное владение необходимым лексико-грамматическим материалом, то использование комиксов, напротив, интенсифицирует процесс усвоения и закрепления лексики и грамматики на любом уровне. Это обусловлено гармоничным сочетанием в комиксах изобразительной и проекционно-интерактивной наглядности, благодаря чему у иностранных обучающихся задействовано одновременно несколько видов памяти: образная, эмоциональная и словесно-логическая.

Важной характеристикой комикса является то, что он предлагает сжатую, но эмоционально насыщенную информацию. Эмоциональная вовлеченность также способствует закреплению полученных знаний. Диалоги в комиксах лаконичны, а картинка компенсирует недостаток языковых знаний, благодаря чему лучше и быстрее запоминаются новые лексические единицы. Комикс привлекателен для обучающихся тем, что он моделирует реальное общение. Язык комиксов состоит из ярких, часто употребляемых разговорных выражений.

Таким образом, образовательный комикс, включающий в себя огромный дидактический материал, может рассматриваться как инновационный и практически полезный инструмент обучения русскому языку как иностранному.

Особая структура комикса превращает обучение в интересную, увлекательную, творческую и осмысленную деятельность.

Языковые упражнения (например, допишите окончания, проспрягайте глагол, поставьте слово в нужную форму (заполните пустые «облачка»)) не нацелены на выход в речь и реальную коммуникацию.

Речевые упражнения (например, выразите просьбу, недоумение, удивление по заданным образцам) необходимы для формирования коммуникативных навыков. Языковые и речевые упражнения призваны сформировать материальную базу, необходимую для вербальной коммуникации.

Коммуникативные упражнения: собственное творчество студентов, общение, максимально приближенное к реальной коммуникации (придумайте начало / продолжение / конец истории и т. п.).

Понятие «языковая компетенция» в современной теории обучения иностранным языкам обозначает совокупность языковых знаний, умений, навыков, овладение которыми позволяет осуществлять иноязычную речевую деятельность в соответствии с нормами изучаемого языка в сферах деятельности, а также способствуют развитию лингвистических способностей обучающихся.

Как работать с комиксами на занятиях по русскому как иностранному?

Стоит отметить, что в практике преподавания иностранцам английского и французского языков комиксы используются достаточно давно, поскольку они составляют неотъемлемую часть современной культуры США, Великобритании и Франции и некоторых других англо- и франкоязычных стран. Нарботанный коллегами опыт вполне применим к обучению русскому языку как иностранному [8]. Так, на начальном этапе целесообразно использовать короткие комиксы с яркими картинками, несложной и распространенной лексикой [8].

Преподаватель может предложить обучающимся выполнить такие, например, речевые упражнения:

разобрать лексику из комикса и составить 3–4 вопроса, используя выученные слова;

собрать «пазл», расставив предварительно разрезанные кадры так, чтобы получилось сюжетное повествование;

соотнести реплики героев и картинки комикса, придумать недостающую реплику или ремарку.

Для среднего и высокого уровней рекомендуется брать комиксы с более усложненным лексико-грамматическим материалом. Следует разнообразить типы речевых и коммуникативных упражнений, стимулируя творческую и познавательную активность студентов. Например, можно предложить обучающимся «снабдить» некоторых персонажей, наряду с высказываниями вслух (speech bubbles), еще и репликами апарте (thought bubbles). Студенты могут написать и нарисовать историю с участием полюбившихся персонажей, используя пройденную на занятии лексику и грамматику, предложить свою версию дальнейшего развития событий по первой картинке комикса; придумать предысторию / продолжение событий комикса; провести дискуссию по теме комикса.

Таким образом, при творческой работе с образовательными комиксами как слова, так и грамматические формы усваиваются непосредственно в деятельности, в процессе выполнения обучающимися разнообразных речевых и коммуникативных заданий.

По аналогии с «лингвистическими» комиксами, созданными специально для изучающих английский язык, можно создать увлекательную историю про супергероя, который успешно преодолевает грамматические трудности русского языка – борется с неправильным склонением существительных, ошибками в окончаниях глаголов и т. п. Стоящие перед персонажем задачи постоянно усложняются, но цель – овладение русским языком – приближается с каждой новой победой. Такой комикс, построенный по принципу прохождения уровней компьютерной игры, пробуждает соревновательную активность обучающихся, каждый из которых захочет ассоциировать себя с супергероем.

Как подтверждает наш собственный опыт преподавания РКИ в Тверском государственном техническом университете, «анимация» учебного материала посредством образовательных комиксов вызывает рост заинтересованности обучающихся и усиление мотивации к освоению русского языка. В частности, несомненным психологическим плюсом комиксов является то, что студенты-иностранцы гораздо быстрее преодолевают языковой барьер и легче овладевают навыками разговорной речи, успешнее усваивают такие сложные грамматические явления, как склонение существительных и спряжение глаголов, чему в первую очередь способствует диалогический характер комиксов. Практика показывает, что при применении исключительно традиционных методов обучения владение иностранным языком нередко остается в пассивной форме, т. е. сводится к готовности человека воспринимать, с определенными ограничениями, информацию на данном языке, при этом его речевая коммуникация существенно затруднена. Образовательные комиксы помогают преодолеть этот побочный эффект академической «инкапсуляции», облегчая иностранным студентам процесс погружения в языковую среду. Активное обучение РКИ при использовании комиксов является одним из условий формирования у студентов русскоязычной коммуникативной компетенции, без чего невозможно обеспечить высокое качество их последующего обучения в российском вузе.

Дозированное, но систематическое обращение к образовательным комиксам на занятиях по РКИ создает комфортную интерактивную среду обучения, повышает мотивацию к изучению самого языка и иной лингвокультуры, стимулирует познавательную и творческую активность студентов, помогает интенсифицировать и индивидуализировать обучение.

Таким образом, использование комиксов в образовательном процессе можно рассматривать не только как существенный резерв повышения эффективности преподавания учебной дисциплины РКИ, но и в более широком плане – как один из инструментов социокультурной адаптации иностранных учащихся.

Библиографический список

1. Комикс. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 14.04.2020).

2. Авсеенкова Т.Б. Комикс как компонент обучения иностранному (французскому) языку // Сборник Международной научной конференции «Проблемы и перспективы развития образования (VII)». Т.Б. Авсеенкова. Краснодар, 2015. URL: <http://os.x-pdf.ru/20tehnicheskie/722687-1-tb-avseenkova-fgbou-vpo-uralskiy-gosudarstvenniy-lesotekhnicheski.php> (дата обращения: 14.04.2020).
3. Гухман Е.А. Комиксы в обучении немецкому языку. Е.А. Гухман. М., 2018. URL: <https://videouroki.net/razrabotki/komiksy-v-obuchienii-niemetskому-iazyku.html> (дата обращения: 10.04.2019).
4. Конобеев А. Использование комиксов в обучении английскому языку // Лексика, грамматика, перевод. 2010. А. Конобеев. URL: <https://www.englishteachers.ru/forum/index.php?app=forums&module=forums&controller=topic&id=1362> (дата обращения: 14.04.2020).
5. Использование комиксов в обучении иностранному (французскому) языку. URL: <https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=895638> (дата обращения: 10.04.2020).
6. Шашурина А.Ю. Комиксы и применение их на уроках французского языка // Иностранный язык в школе. 1993. № 4. С. 46–52.
7. Капитонова Т.И. Методика обучения русскому языку как иностранному на этапе предвузовской подготовки. Т.И. Капитонова, Л.В. Московкин. СПб.: Златоуст, 2005. 276 с.
8. Комиксы на английском: используем увлечения учеников для обучения. URL: <https://skyteach.ru> (дата обращения: 19.01.2018).

COMICS AS A MEANS OF MOTIVATION AND A TOOL FOR TEACHING STUDENTS RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

E.A. Zhiteleva

Tver State Technical University, Tver

The article examines an educational comic strip, shows the variety of types and forms of working with it in the classroom in Russian as a foreign language, and also describes its impact on the development of speech-thinking activity and the formation of linguistic and communicative competencies of students.

Keywords: *comics, text, psychological and pedagogical aspects of teaching, the principle of visibility, language, speech, communication exercises, language competence, communicative competence, Russian as a foreign language.*

Об авторе:

ЖИТЕЛЕВА Екатерина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка предвузовской подготовки ФМАС ТвГТУ, г. Тверь. E-mail: ekaterinayaslav@mail.ru

About the author:

ZHITELEVA Ekaterina Anatolyevna – PhD (Philology Science), Associate Professor of the Russian language department of the Faculty International Academic Cooperation, Tver State Technical University, Tver. E-mail: ekaterinayaslav@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

УДК 336.648

РИСКИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ: КЛАССИФИКАЦИЯ И ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ФАКТОРЫ

П.А. Кохно

ФГУП «ВНИИ «ЦЕНТР», г. Москва, Россия

© Кохно П.А., 2020

В статье рассматриваются проблемы управления рисками муниципальных хозяйствующих субъектов. Представлена всесторонняя классификация рисков, а также выявлены определяющие их факторы. Дополнительно приведены и охарактеризованы виды рисков при осуществлении местных заимствований. Подробно рассмотрены природно-экологические, политические и социально-экономические факторы хозяйственного риска в деятельности муниципальных хозяйствующих субъектов. Факторы возникновения хозяйственного риска муниципальных хозяйствующих субъектов ранжированы по степени важности. Выявлены составляющие подсистем муниципального хозяйствующего субъекта. Представлена матрица возможностей экономической системы муниципального хозяйствующего субъекта.

Ключевые слова: *риски, муниципальный хозяйствующий субъект, классификация рисков, рискогенные факторы.*

Рисковая ситуация является сопутствующей составляющей деятельности любого хозяйствующего субъекта, так как реальная ситуация практически никогда не соответствует в полной мере запланированным или желаемым параметрам. Грамотно выполненный анализ и оценка рисковой ситуации позволяет хозяйствующему субъекту выявить сферы повышенного риска и принять своевременные решения по снижению влияния негативных последствий.

Понятие рисковой ситуации можно определить как совокупность разнообразных условий и обстоятельств, создающих неблагоприятную ситуацию для определенного вида деятельности. Рисковую ситуацию можно также дефинировать и как разновидность неопределенности, при которой появление события вероятно и может быть установлено. В этом случае объективно имеется возможность оценить вероятность появления событий, которые возникают в результате совместной деятельности фирм-партнеров по производству, действий конкурентов, влияния среды на уровень развития экономики, внедрения достижений научно-технического прогресса.

Создание рисковой ситуации обусловлено следующими объективными факторами:

- случайным характером явлений;
- вероятностью наступления последствий и ожидаемых результатов;

непредвиденностью изменений во внешних и внутренних условиях деятельности;

наличием альтернативных решений;

вероятностью возникновения потерь или получения добавочной прибыли.

Обозначенные факторы являются внешней характеристикой возникновения рискового состояния. Однако управление рисковой ситуацией осуществляется субъектом, который имеет определенные особенности и личные пристрастия, поэтому субъективные факторы, обуславливающие возникновение рисковой ситуации, могут быть следующими:

субъект производит выбор из нескольких альтернативных вариантов, располагает объективными возможностями получения предполагаемого результата, в соответствии с проведенными исследованиями;

вероятность достижения желаемого результата может быть проверена путем проведения субъективной оценки;

субъект в процессе избрания и реализации альтернативного варианта располагает значениями как субъективных, так и объективных оценок вероятностей желаемого результата.

Для того чтобы уменьшить опасности рисковой ситуации, субъект выбирает риск и стремится его снизить. Данный процесс отражается в понятии «риск», который присутствует как на стадии выбора решения, так и в процессе его реализации. В обоих случаях риск представляется моделью освобождения субъекта от неопределенности, т. е. методом практического решения противоречия при неопределенном развитии диаметральных тенденций в конкретных ситуациях.

Для того что понять, какие меры необходимо предпринять в той или иной ситуации, осуществим классификацию риска в зависимости от выбранного признака [1]:

1) по аспектам: социальный, психологический, юридический, медико-биологический, политический, комбинированный;

2) по масштабам и размерам: глобальный, локальный;

3) по степени субъективности и объективности решений: с субъективной вероятностью, с объективной вероятностью, с объективно-субъективной вероятностью;

4) по степени рискованности решений: минимальный, допустимый, критический, катастрофический;

5) по типам риска: динамический риск непредвиденных колебаний стоимости основного капитала предприятия, статический риск потери реальных активов из-за нанесения убытков собственности или потери дохода в связи с недееспособностью организации (только убыток);

6) по времени принятия сомнительных решений: своевременный, запоздалый, опережающий;

7) по количеству лиц, принимающих решения: индивидуальный, коллективный;

8) в зависимости от ситуации: стохастический (в условиях неопределенности), конкурирующий (в условиях конфликта);

9) относительно деятельности экономических субъектов:

хозяйственный риск, связанный с возможностью невыполнения предпринимательскими структурами своих обязательств по договору или контракту с другим субъектом производственной деятельности в результате осуществления производственной хозяйственной деятельности;

финансовый (кредитный) риск невыполнения организацией своих обязательств перед инвесторами в результате использования кредита для финансирования своей деятельности;

инвестиционный (портфельный) риск, связанный с возможным обесцениванием инвестиционного портфеля, состоящего как из собственного, так и приобретенного пакета ценных бумаг;

рыночный риск, связанный с возможным изменением рыночных процентных ставок как национальных денежных единиц, так и зарубежных.

В литературе по теории рисков для конкретизации хозяйственного риска используется понятие «экономический риск». При этом экономический риск определяется как некая объективно-субъективная категория в деятельности субъектов хозяйствования, связанная с преодолением неопределенности и конфликтности в ситуации неизбежности и отражающая степень отклонения от целей, ожидаемого (желаемого) результата, неудачи (убытков) с учетом влияния управляемых и неуправляемых факторов, прямых и обратных связей по объекту управления [2].

Следует отметить, что среди основных риск-факторов в классификации хозяйственных рисков выделяют политический, психологический, юридический, медико-биологический, природно-естественный, социальный, экономический и экологический. В сложных хозяйственных ситуациях отдельные специфические риски могут присутствовать в классификационной системе другой категории хозяйственных рисков. В зависимости от ожидаемого результата при возникновении рискованного события хозяйственные риски делят на две группы – условные (спекулятивные) и чистые.

Безусловный (объективный) риск – это мера неопределенности в деятельности человека, которая характеризуется вероятной опасностью, убытком, неудачей. Здесь существует лишь вероятность минимума убытка, т. е. чистый риск проявляется в возможности получения нулевого или отрицательного результата. Объективные риски могут быть обусловлены форс-мажорными обстоятельствами природно-экологического и техногенного характера и т. п.

Условный риск – это мера конфликтности и неопределенности в деятельности человека, имеющая своим следствием получение дополнительных преимуществ – минимизацию ущерба. Выбирая направления хозяйственной деятельности, важно постоянно ориентироваться на рациональный риск, а это, в первую очередь, обоснованная, целесообразная деятельность в условиях неопределенности ситуаций неизбежного выбора, обеспечивающая полное и эффективное использование земли, труда, других природных и материальных ресурсов, совокупного капитала и направленная на максимальное сокращение возможных потерь.

Возникающие рискованные ситуации в каждой из групп условного (субъективного) или безусловного (объективного) риска могут носить

субъективный или объективный характер. Объективная сторона хозяйственного риска муниципальных хозяйствующих субъектов проявляется разнообразно, независимо от событий, воли человека, процессов, явлений, обуславливающих необходимость дифференцированного подхода к решению задач.

Субъективная сторона хозяйственного риска муниципальных хозяйствующих субъектов отражается в бездействии или действии лиц, участвующих в принятии и реализации решений с элементами данного риска. Риск проявляется в поступках, обусловленных волей, эмоциями и сознанием субъекта риска. Так, один и тот же человек в одних обстоятельствах может рисковать, а в других нет. Предрасположенность к риску повышается по мере осознания возможности риска, его оценки и возможности принятия адекватных мер по устранению негативных последствий производственной деятельности.

Таким образом, можно отметить, что факторы возникновения хозяйственных рисков для муниципальных хозяйствующих субъектов определяются влиянием социально-экономической политики муниципальных образований, которая должна строиться по-разному для объективных и субъективных рисков:

объективные риски – неуправляемые риски, которые либо принимаются и обеспечиваются ресурсами муниципальных образований, либо страхуются (продаются);

субъективные риски – управляемые риски, которые либо принимаются и обеспечиваются ресурсами муниципальных образований, либо регулируются путем увеличения или уменьшения.

В связи с этим факторы возникновения хозяйственных рисков муниципальных хозяйствующих субъектов должны быть типологизированы на основе приведенной выше классификации, а именно: по источнику возникновения риска и разновидности деятельности или осуществляемых функций муниципальных хозяйствующих субъектов, которые принимают на себя возникающие риски. По обоснованности рискованных ситуаций и возможности их страхования выделяют следующие подвиды рисков [3]: мотивированные, немотивированные и смешанные; страхуемые и нестрахуемые.

Мотивированный хозяйственный риск определяется:

а) прогнозированием хозяйственного процесса и его вероятного отклонения в условиях рискованных ситуаций, а также вероятных отрицательных или положительных последствий при учете совокупности факторов, ослабляющих или усиливающих возникновение определенных последствий риска;

б) учетом вероятности субъектом хозяйственной деятельности получения дополнительных убытков;

в) определением цели, при которой поставленные задачи непрерывно стимулируют субъекта хозяйственного риска, интегрируют его возможности в единый механизм решений;

г) уверенностью в возможности своевременной нейтрализации негативных последствий и факторов.

Следует отметить, что в зависимости от поведения субъекта при принятии им рискованных решений можно выделить основные подвиды хозяйственного риска: азартный, пессимистический, осторожный, оптимистический. В целом

хозяйственные риски могут проявляться на низком или высоком уровне и носить локальный или глобальный характер.

С неблагоприятной внешней средой связаны глобальные рискованные ситуации, и их исход в значительной мере влияет на экономику не только больших фирм, но и отраслей и межотраслевых комплексов, определяя в большой степени уровень социально-экономического развития отдельных стран и регионов. Локальные риски возникают внутри малых фирм, подразделений муниципальной хозяйствующего субъекта, а также и на отдельном рабочем месте сотрудника организации.

В зависимости от отсутствия или наличия ситуативного фактора, времени осуществления и принятия рискованных решений выделяют ситуативные и надситуативные риски, т. е. риски на этапах реализации и принятия решений. Ситуативный риск вынуждает субъекта хозяйственной деятельности осуществлять рискованную деятельность, поскольку он оказался в тяжелой ситуации. Надситуативный хозяйственный риск может определяться не только при целевой хозяйственной деятельности, но и в виде самостоятельного мотива действий и поступков. Это значит, что наряду с экономически рациональным риском существует и неоправданный риск, своего рода риск ради риска, который представляет собой стремление подниматься до уровня требований, превосходящих поставленные задачи организации.

Результативность принятия решения в условиях рискованной ситуации изменяется в зависимости от складывающейся ситуации. В благоприятной ситуации решение является правильным для получения точных плановых показателей. В неблагоприятной – хозяйственник в момент реализации идей вынужден принимать рискованные решения. Поэтому планирование должно рассматриваться не как средство борьбы с риском, а как действенное средство, снижающее неопределенность и конфликтность в ситуациях производственного, посреднического, коммерческого, финансового и инновационного рисков.

Крайне важно учитывать плановые риски, в том числе стратегические, тактические, опережающие, которые позволяют характеризовать рискованные ситуации, а также принимать во внимание проявления негативных факторов при форс-мажорных обстоятельствах и умышленных действиях. Чтобы ориентировать сопряженную с условным риском хозяйственную деятельность на стабильные целевые результаты и управлять чистыми рисками возможных потерь, предпринимаются попытки классификации хозяйственных рисков.

Для хозяйственного риска в деятельности хозяйствующего субъекта такими факторами могут быть:

невозможность получения точных данных о будущем развитии событий как внутри, так и вне хозяйствующего субъекта;

недостовверная информация о состоянии той части внешней среды, которая существенно влияет на результаты деятельности хозяйствующего субъекта.

При осуществлении местных заимствований муниципальными предпринимательскими структурами могут возникать следующие виды рисков (табл. 1).

Виды рисков при осуществлении местных заимствований [4]

Вид риска	Характеристика
Риск финансового рынка	Заключается в том, что доходность вложений в муниципальные облигации может оказаться ниже, если ее сравнить с вложениями в другие ценные бумаги, вследствие изменения ставок процентов на финансовом рынке
Риск инфляции	Связан с тем, что в условиях инфляции, если даже номинальная доходность облигаций не меняется, реальная их доходность снижается
Риск ликвидности	Обусловлен недостаточно развитым рынком ценных бумаг, в результате чего часть муниципальных облигаций может оказаться неликвидной
Риск изменения законодательства	Связан с изменениями, которые могут уменьшить возможности заемщика по выплате долгов или негативно повлиять на получение инвестором выгоды от покупки этих долговых обязательств
Кредитный риск	Заключается в том, что вследствие изменения финансового положения эмитента он не сможет вернуть инвесторам заемные средства
Политические риски	Обусловлены тем, что введение органами высшей власти долговых мораториев, мер валютного контроля, дестабилизация политической ситуации в стране и тому подобные ситуации находятся вне сферы влияния органов местного самоуправления
Рыночный	Является вероятностью таких изменений финансовых инструментов на финансовых рынках, в результате чего органы местного самоуправления понесут потери или недополучат доход по сравнению с запланированными. К их числу относят: собственно рыночный риск, риск рефинансирования долга, риск ликвидности
Юридический	Связан с кредитным риском (дефолт эмитента или партнера по сделкам, необходимость отстаивания своих интересов в судебных учреждениях). Разновидностью кредитного риска в отношении самого региона выступает риск накопления регионом большого объема условных обязательств (гарантий и поручительств), а также сомнение кредиторов в юридической процедуре выполнения гарантий региона. Это может вызвать сомнения инвесторов и кредиторов в его кредитоспособности и затруднит доступ на рынок местных заимствований
	Часто связан не только с техническими (технические сбои), но и с политическими проблемами (введение ограничений и мораториев, чрезвычайные ситуации)

Предвидимые причины возникновения риска в предпринимательской структуре в зависимости от области их проявления можно подразделить на внутренние и внешние. К внешним причинам для муниципальных хозяйствующих субъектов относятся причины, не связанные непосредственно с деятельностью самой структуры. Источники возникновения таких причин

обусловлены проявлениями внешней среды предприятия. Внутренними являются причины возникновения риска, которые обусловлены деятельностью самого хозяйствующего субъекта: факторы риска воспроизводительной деятельности, факторы риска в сфере управления, факторы риска производительной деятельности, факторы риска в сфере обращения.

Внешние факторы риска муниципальных хозяйствующих субъектов можно разделить на политические, социально-экономические, экологические и научно-технические. Политический риск – это возможность убытков или сокращения объемов прибыли как следствие местной или государственной политики. Политический риск связан с колебаниями в экономическом курсе правительства, с законотворческой деятельностью власти, переменами в наиболее важных направлениях деятельности местных властей и, наконец, со сменой правительства или местных властей.

К *политическим факторам* возникновения хозяйственных рисков муниципальных хозяйствующих субъектов можно отнести:

- изменения внутри- и внешнеполитической ситуации;
- вероятность возникновения локальных этнополитических конфликтов и гражданских беспорядков;
- национализацию (деприватизацию или (для нерезидентов) экспроприацию) без справедливой компенсации;
- расторжение контракта из-за не предусмотренных его условиями действий местных властей;
- форс-мажорные обстоятельства;
- нарушение контрактов со стороны правительства и т. п.

К *социально-экономическим факторам* возникновения хозяйственных рисков муниципальных хозяйствующих субъектов относятся:

- возможность распространения глобальных правил ведения внешнеэкономической деятельности на предприятие;
- введение барьеров на движение капитала предприятия;
- ошибки персонала налоговой службы;
- немотивированное нарушение условий реализуемого контракта другими участниками;
- падение платежеспособного спроса в географическом секторе рынка сбыта традиционной продукции;
- ревальвация или девальвация курса рубля;
- появление новых хозяйственных субъектов-конкурентов;
- вероятность недружественного поглощения;
- прекращение деятельности обслуживающего банка (банкротство или отзыв лицензии) и др.

Экологическими факторами возникновения хозяйственных рисков муниципальных хозяйствующих субъектов являются:

- изменение региональной экологической ситуации;
- формирование ограничений на использование местных природных ресурсов;
- введение жестких экологических требований в регионе хозяйствования предприятия и т. п.

К *научно-техническим факторам* возникновения хозяйственных рисков муниципальных хозяйствующих субъектов относятся:

- появление у конкурентов новых технологий производства продукции с меньшими затратами;

- возникновение нового производителя товаров или услуг в области деятельности данной муниципальной хозяйствующего субъекта;

- формирование конкурентами производства замещающих товаров;

- ускоренное копирование конкурентами инноваций предприятия за счет применения промышленного шпионажа;

- внезапная дестабилизация отрасли: технологический прорыв в других отраслях, который обесценил готовые решения и действия муниципальной хозяйствующего субъекта;

- нарушение коммуникативных связей между предпринимательскими структурами: непредвиденные трансформации окружающей среды или физических обстоятельств перемещения финансовых, товарных, трудовых ресурсов и т. п.

Следует отметить, что факторами риска основной производственной деятельности муниципальных хозяйствующих субъектов являются:

- остановы оборудования или прерывания технологического цикла хозяйствующего субъекта по вине неосновных подразделений;

- сбои основного оборудования;

- нарушения персоналом правил технологической дисциплины.

К факторам риска вспомогательной деятельности муниципальных хозяйствующих субъектов можно отнести:

- сбои вспомогательного производственного оборудования;

- увеличение сроков ремонтов оборудования по сравнению с нормативно утвержденными;

- перебои в поставках топлива и энергоснабжения;

- неподготовленность инструментального хозяйства для смены производимого продукта.

Факторами риска в воспроизводственной сфере деятельности муниципальных хозяйствующих субъектов относятся:

- нехватка квалифицированной рабочей силы;

- ошибочная оценка необходимого периода подготовки и переподготовки кадров.

При определении подхода к оценке факторов влияния на хозяйственный риск муниципальных хозяйствующих субъектов прежде всего следует выделить основные факторы, которые позволяют определить особенности уровня экономико-социального развития муниципального образования. Для экономико-институционального структурирования муниципального образования предлагаем выделить эти факторы в экономической, политической и социальной областях общественного развития, поскольку в качестве институционально-экономической базы для определения факторов развития муниципальных образований можно в рамках «экономической теории использовать три основных понятия любого экономического явления, такие как организации, институты и рынки» [5].

При выявлении факторов развития и формирования муниципальных образований следует исходить из того, что система муниципального управления представляет собой институт, создающий ограничения и условия для функционирования специфических организаций и рынков. Поэтому для исследования экономической сущности муниципальных хозяйствующих субъектов и систем муниципального хозяйства и муниципального управления используются методы, принятые в институциональной теории.

Муниципальное образование можно считать институтом, который способствует формированию общественно-исторических условий, при влиянии которых могут вырабатываться его собственные механизмы экономико-социального управления. При этом нужно «уделять больше внимания не технологическим, а организационным аспектам экономических институтов, не целям монополии, а целям эффективности» [6].

На образование экономически и социально определенных управленческих систем для формирования муниципальных образований большое влияние оказывают эколого-природные факторы. Например, в начале XX в. на севере США стали активно формироваться территории с выраженным промышленным развитием, причем за счет собственных ресурсов, что приводило к появлению муниципальных систем управления, учитывающих промышленную полигамность городских образований. Таким образом, в историко-экономическом контексте развития именно природный фактор повлиял на процессы разделения труда, обусловил формирование товарного характера хозяйства в европейских странах и привел к созданию муниципальных образований, муниципальных хозяйствующих субъектов и систем муниципального управления.

Следует отметить, что сегодня большую роль в трансформации территориально-хозяйственных систем продолжает играть природно-экологический фактор, которым определяются особенности функционирования муниципальных хозяйствующих субъектов в различных регионах РФ. Зависимость от природно-экологических условий в значительной мере предопределяет условия жизни местного населения, род занятий, способы хозяйствования и характер поселений от казачьих станиц Юга и кочевий Севера, до промышленных мегаполисов и муниципальных образований образовавшихся на «перекрестках» активных торговых путей или на вблизи крупных месторождений полезных ископаемых [7]. Оценка факторов влияния на хозяйственный риск муниципальных хозяйствующих субъектов природно-экологических факторов приведена в табл. 2.

Отметим, что приведенные в таблице числовые данные условны. В столбце «Коэффициент влияния (ВК)» указывается оценка относительной важности соответствующего фактора среди хозяйственных факторов риска. При этом сумма весовых коэффициентов для всех природно-экологических факторов равна единице. В столбце «Оценка эксперта (ЭО)» предполагаемое значение степени влияния данного фактора на отклонение от желаемого результата записывается в количественной шкале (изоморфной абсолютной шкале вероятностей) в диапазоне от 0 до 10.

Таблица 2

Природно-экологических факторы хозяйственного риска
в деятельности муниципальных хозяйствующих субъектов [8]

Фактор	Коэффициент влияния (ВК) (от 0 до 1)	Оценка эксперта (ЭО) (от 0 до 10)	Влияние фактора на уровень риска (ВК) x (ЭО)
Изменение местной экологической обстановки (0–10, соответственно от невозможного до весьма реального)	0.2	4	0.8
Ужесточение в регионе хозяйствования муниципального предприятия экологических требований (0–10, соответственно от невозможного до весьма реального)	0.5	5	2.5
Введение ограничений на использование региональных природных ресурсов (0–10, соответственно от невозможного до весьма реального)	0.3	3	0.9

Содержащееся в следующем столбце табл. 2 произведение служит показателем уровня риска, связанным с влиянием данного фактора. Этот показатель является вероятностной характеристикой возможных нежелательных следствий влияния данного фактора хозяйственного риска. Оценка степени влияния политических и социально-экономических факторов хозяйственного риска в деятельности муниципальных хозяйствующих субъектов приведена в табл. 3.

Таблица 3

Политические и социально-экономические факторы хозяйственного риска
в деятельности муниципальных хозяйствующих субъектов [9]

Факторы	Коэффициент влияния (ВК) (от 0 до 1)	Оценка эксперта (ЭО) (от 0 до 10)	Влияние фактора на уровень риска (ВК) x (ЭО)
Политические			
Стабильность правительства (0–10, соответственно от высокой до угрозы смены)	0.05	5	0.25
Внешне- и внутривнутриполитическая ситуация (0–10, соответственно от стабильной до неустойчивой)	0.05	4	0.2
Вероятность возникновения социальной нестабильности в регионе (0–10, соответственно от стабильной до крайне напряженной)	0.3	4	1.2

Окончание табл. 3

Факторы	Коэффициент влияния (ВК) (от 0 до 1)	Оценка эксперта (ЭО) (от 0 до 10)	Влияние фактора на уровень риска (ВК) x (ЭО)
Сепаратистские тенденции на местах (0–10, соответственно от <i>Отсутствуют</i> до <i>Полного присутствия</i>)	0.1	4	0.4
Национализация без справедливой компенсации (0–10, соответственно от невозможной до весьма реальной)	0.3	2	0.6
Введение коррекций на конвертирование рубля (0–10, соответственно от невозможной до весьма реальной)	0.1	5	0.5
Расторжение контракта из-за действий правительства страны компании-контрагента (0–10, соответственно от невозможной до весьма реальной)	0.05	3	0.15
Нарушение контрактов со стороны властей (0–10, соответственно от невозможной до весьма реальной)	0.05	3	0.15
Социально-экономические			
Немотивированное нарушение пунктов контракта (0–10, соответственно от невозможного до весьма реального)	0.1	4	0.4
Введение ограничений на движение капитала предприятия (1–10, соответственно от свободного перемещения капитала до полного запрета на его перемещение)	0.1	1	0.1
Ошибка сотрудников налоговых служб (0–10, соответственно от невозможной до весьма реальной)	0.1	5	0.5
Уменьшение спроса в географическом секторе рынка сбыта продукции (0–10, от невозможного до весьма реального)	0.2	7	1.4
Колебания курса местной валюты (0–10, соответственно от невозможных до весьма реальных)	0.1	3	0.3
Появление новых предприятий-конкурентов (0–10, соответственно от незначительного конкурента до весьма существенного конкурента)	0.1	3	0.3
Возможность недружественного поглощения (0–10, соответственно от невозможного до весьма реального)	0.1	8	0.8
Прекращение деятельности банка-кредитора (0–10, соответственно от невозможного до весьма реального)	0.2	4	0.8

Факторы возникновения хозяйственного риска муниципальных хозяйствующих субъектов по степени важности представлены на схеме (рис. 1).

Рис. 1. Факторы влияния на хозяйственные риски муниципальных хозяйствующих субъектов по степени важности

Таким образом, наибольшее значение имеют следующие местные факторы: наличие спроса; поддержка органов власти муниципального образования; уровень конкуренции между муниципальными хозяйствующими субъектами.

Региональные факторы имеют высокую степень влияния, но более низкую по сравнению с местными факторами. Это спрос потребителей региона, в который входит данное муниципальное образование; поддержка региональных органов власти; уровень конкуренции между региональными и муниципальными хозяйствующими субъектами в данном муниципальном образовании.

Следует отметить, что на третьем месте по значимости находятся федеральные (макроэкономические) факторы, такие как уровень инфляции, ставки по банковским кредитам.

Для оценки факторов влияния на хозяйственный риск муниципальных хозяйствующих субъектов нами предлагается также проводить стратегический анализ развития муниципального образования.

Предложенная методика включает следующие этапы:

- 1) создание группы разработки и формирование плана работ для осуществления стратегического анализа и выбора направлений роста муниципальной экономики;
- 2) оценку существующего состояния уровня развития муниципальной экономики;
- 3) выявление направлений развития на планируемый период;
- 4) создание сценария развития и совокупности стратегий деятельности,
- 5) контроль и мониторинг эффективности работы проекта.

На первом этапе разработки стратегии развития образуют рабочую группу специалистов. В состав данной группы должны входить эксперты по всем главным подсистемам муниципального образования: социальной, экономической, развития, инфраструктуры, политического управления

На втором этапе формируется исходная модель уровня развития муниципальной экономики с помощью тестирования по указанным подсистемам. На этом этапе определяют сильные и слабые стороны, возможности и угрозы относительно элементов подсистемы. Для облегчения тестирования специалистам предоставляется информация о структуре этих подсистем (рис. 2).

Подсистема	
Подсистема социального управления	Подсистема политического управления
1. Демография (численность населения, возраст, пол, национальный и социальный состав, уровень квалификации). 2. Социальная инфраструктура (жилье, учреждения образования, культуры, здравоохранения, заведения бытового обслуживания и т. п.). 3. Социальная структура и распределение доходов населения. 4. Социальная политика (пенсионеры, малообеспеченные, молодежь, инвалиды). 5. Социальные отношения. 6. Средства коммуникаций (Интернет, СМИ). 7. Религиозные конфессии. 8. Общественная безопасность и порядок (уровень преступности и т. п.).	1. Различные политические институты, организация муниципальных и региональных систем управления и их структура. 2. Политическая система (взаимосвязи между государственной и муниципальной властью). 3. Политическая жизнь (система выборов, партии, оппозиция, общественные движения и организации). 4. Муниципальная политика (налоговая, бюджетная, социальная, технико-технологическая, внешнеэкономическая). 5. Политика муниципального сотрудничества (муниципальные и региональные ассоциации, города-побратимы). 6. Представительские функции (региональная, промышленная). 7. Полномочия, делегированные региональной и центральной властью. 8. Система правового регулирования.

Рис. 2. Составляющие подсистем муниципального хозяйствующего субъекта [10]

Окружающая среда и имеющиеся ресурсы 1. Природные ресурсы. 2. Атмосфера и гидросфера. 3. Уровень истощения и регенерации ресурсов. 3. Биологические виды и экосистемы. 5. Переработка и сбор отходов. 6. Загрязнение окружающей среды. 7. Ухудшение экологической обстановки.	Уровень человеческого развития 1. Гражданские свободы и права человека. 2. Уровень материального благосостояния и уровень социальной справедливости. 3. Уровень здоровья. 4. Право на образование и труд. 5. Участие в политической жизни и уровень социальной интеграции. 6. Специализация, образование в зрелом возрасте. 7. Отдых, творчество и досуг. 8. Перспектива планирования семьи.
Экономическая подсистема 1. Домохозяйства. 2. Различные финансовые структуры (лизинговые компании, банки, инвестиционные и страховые фонды). 3. Субъекты хозяйствования (средний и крупный бизнес, частные предприниматели, муниципальные и государственные структуры). 4. Промышленный сектор. 5. Торговый сектор. 6. Ресурсы (природные, материальные, трудовые, технологические, финансовые). 7. Межмуниципальная экономика. 8. Сектор услуг.	Инфраструктура 1. Транспортная система. 2. Коммуникации и связь. 3. Жилищно-коммунальная система. 4. Территории кладбищ. 5. Места уничтожения и хранения отходов. 6. Градостроительный схема. 7. Система снабжения муниципальных образований. 8. Размещение промышленных объектов.

Рис. 2. Продолжение

На следующем этапе обнаруженные результаты на основе SWOT-анализа ранжируются по матрице инцидентности, после чего определяются преимущества муниципального хозяйствующего субъекта, позволяющие выделить наиболее элементы системы организации, т. е. поля с максимальным потенциалом. Матрица инцидентности является результатом анализа взаимодействия подсистем муниципальной хозяйствующего субъекта и его потенциальных возможностей. Для определения точек роста муниципальной хозяйствующего субъекта вычисляются области максимальных угроз и возможностей, для чего полученные матрицы сортируются: элементы и характеристики систем, получивших максимальные оценки, переносят в центр матрицы, формируя таким образом район точки роста в каждой подсистеме. Границы этих районов определяются на уровне 60 %.

Затем в матрицах возможностей определяются потенциалы, которые получили максимальные баллы. Таким же образом матрица ранжируется по угрозам. При этом составляющие систем переставляются при сортировании

матриц по возможностям. При совмещении матрицы угроз с матрицей возможностей выделяются возможности, которые находятся в зоне максимального и минимального риска (в табл. 4 закрашены серым цветом).

Таким образом, сочетание модели стратегического SWOT-анализа и выкладок теории устойчивого развития позволяет фрагментировать модель муниципального хозяйствующего субъекта на ряд подсистем, обладающих ресурсно-ориентированной привязкой.

Таблица 4

Матрица возможностей экономической системы
муниципального хозяйствующего субъекта

Возможности	Элементы системы								
	Торговый сектор	Домохозяйства	Финансовые структуры	Субъекты хозяйствования	Промышленный сектор	Сектор услуг	Ресурсы	Межмуниципальная экономика	Всего
Формирование биржи труда	5	1	2	5	4	2	3	1	23
Страхование рисков	1	4	5	4	3	1	4	1	23
Создание нового производства	3	4	4	5	3	3	1	3	26
Создание межрегиональных торговых площадок	5	1	4	5	4	4	5	5	33
Производство современных материалов	3	1	4	5	3	1	1	3	21
Создание рынка финансовых услуг	3	2	5	4	2	5	5	3	29
Создание энергетических производств	3	1	4	5	4	2	5	3	27
Развитие информационных технологий	3	1	5	2	3	2	5	3	24
Итого	26	15	33	35	26	20	29	22	

При разработке подхода к оценке факторов влияния на хозяйственный риск муниципальных хозяйствующих субъектов следует выделить основные факторы, которые позволяют определить уровень экономико-социального развития муниципального образования. В качестве таких факторов предлагается выделить составляющие в экономической, политической и социальной областях общественного развития. В результате анализа факторов, определяющих неблагоприятное воздействие на предпринимательскую структуру, установлено, что наибольшее влияние на деятельность муниципальных хозяйствующих субъектов оказывает хозяйственный риск.

На возникновение хозяйственного риска в наибольшей степени влияют местные факторы (наличие спроса, поддержка органов власти, уровень конкуренции). Высокую и значимую степень влияния имеют соответственно региональные (уровень поддержки региональной экономики) и макро-экономические факторы (уровень инфляции, ставки по банковским кредитам).

На основе анализа факторов влияния на уровни рисков, для разных уровней экономической системы предложен подход к оценке усиления факторов влияния на хозяйственный риск.

В соответствии с предложенным подходом анализируемые факторы ранжируются по степени уменьшения влияния на деятельность муниципальной хозяйствующего субъекта для последующего определения величины риска только для наиболее существенных факторов.

К факторам риска в сфере деятельности муниципальных хозяйствующих субъектов относятся:

- несоблюдение условий контракта (нарушение дисциплины поставок по срокам, качеству материалов и др.);

- немотивированный отказ оптовых потребителей оплатить полученную ими готовую продукцию;

- самоликвидация или банкротство предприятий-контрагентов;

- неверный выбор рынка сбыта продукции хозяйствующего субъекта и т. п.

Следует отметить, что риск зависит от случайного характера процессов в деятельности хозяйствующего субъекта и случайного характера внешних влияющих факторов и сопровождается тремя одновременно выполняющимися условиями: наличием неопределенности; потребностью в выборе альтернативного варианта; возможностью определения вероятности реализации выбранных альтернативных вариантов.

Хозяйственный риск – это риск, который возникает как при любых видах производственной деятельности, связанной с производством продукции и предоставлением услуг, их реализацией, товарно-денежными и инвестиционно-финансовыми операциями, так и при осуществлении научно-технических проектов. Классификация хозяйственных рисков включает в себя политическую, психологическую, юридическую, медико-биологическую, природно-естественную, социальную, экономическую и экологическую составляющие.

В тяжелых хозяйственных ситуациях отдельные специфические риски могут присутствовать в классификационной системе другой категории хозяйственных рисков. Причин возникновения рисков ситуации бывает множество. Как правило, под причиной возникновения риска понимается какое-то обстоятельство, вызывающее неопределенность.

Значимость факторов возникновения хозяйственных рисков муниципальных хозяйствующих субъектов определяется в зависимости от степени их влияния на формирование и осуществление социально-экономической политики муниципальных образований, которая должна строиться по-разному для управления объективными и субъективными рисками. Под объективными понимаются неуправляемые риски, которые либо принимаются и обеспечиваются ресурсами муниципальных образований, либо страхуются (продаются); субъективные риски – это управляемые риски, которые либо принимаются и обеспечиваются ресурсами муниципальных образований, либо регулируются путем увеличения или уменьшения.

Следует отметить, что при осуществлении местных заимствований муниципальными предпринимательскими структурами могут возникать следующие виды рисков:

- риск инфляции,
- риск ликвидности,
- риск изменения законодательства,
- кредитный,
- политический,
- рыночный,
- юридический,
- операционный.

В основу предложенной классификации факторов возникновения хозяйственных рисков муниципальных хозяйствующих субъектов положены следующие признаки: источник возникновения риска (первый признак) и разновидность деятельности или осуществляемых функций муниципальных хозяйствующих субъектов, которые принимают на себя возникающие риски (второй признак). Оценка результатов классификации позволила выявить, во-первых, все существующие типы рисков, среди которых определены хозяйственные риски, и, во-вторых, установить связи между типами рисков и факторами, определяющими их возникновение.

Библиографический список

1. Останкова Л.А., Шевченко Н.Ю. Анализ, моделирование и управление экономическими рисками: учеб. пособие. Краснодар: Центр учебной литературы, 2011. 149 с.
2. Хозяйственный риск и методы его измерения / Бачкай Т., Месена Д. [и др.]. М.: Экономика, 1979. 195 с.
3. Догиль Л.Ф. Управление хозяйственным риском: учеб. пособие. Минск: Книжный Дом; Мисанта, 2005. 124 с.

4. Малец А. Теоретические аспекты определения рисков местных заимствований // Экономический анализ. 2010. № 5.311 с.
5. Менар К. Экономика организаций. М.: ИНФРА-М, 1996. 147 с.
6. Уильямсон О. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, отношен-ческая контрактация. СПб.: Лениздат; SEV Press, 1996. 741 с.
7. Еремян В.В. Муниципальная история России: Древняя Русь от общины-рода к общине государства: учебник. М.: Академический проект, 2005. 154 с.
8. Качалов Р.М. Управление хозяйственным риском. М.: Наука, 2002. 198 с.
9. Стратегический анализ экономического развития муниципальных образований: методический подход // Экономический анализ. 2010. № 5. С. 138.
10. Кохно П.А., Кохно А.П., Артемьев А.А. Риск-менеджмент: монография. Тверь: ТвГТУ, 2020. 263 с.

RISKS OF MUNICIPAL ECONOMIC ENTITIES: CLASSIFICATION AND THEIR DETERMINING FACTORS

P.A. Kokhno

All-Russian Research Institute «Centr», Russia, Moscow

The article considers the problems of risk management of municipal economic entities. A comprehensive classification of risks is presented, as well as factors determining them are identified. In addition, the types of risks in local borrowing are presented and described. The natural-ecological, political and socio-economic factors of economic risk in the activities of municipal economic entities are considered in detail. Factors of economic risk occurrence of municipal economic entities are ranked by degree of importance. The components of the subsystems of the municipal economic entity have been identified. A matrix of possibilities of the economic system of the municipal economic entity is presented.

Keywords: risks, municipal economic entity, risk classification, risk determining factors.

Об авторе:

Кохно Павел Анатольевич – доктор экономических наук, профессор, профессор аспирантуры ФГУП «ВНИИ «ЦЕНТР», г. Москва. E-mail: pavelkohno@mail.ru

About the author:

Kokhno Pavel Anatolyevich – PhD (Economical Sciences), Professor, Professor of Aspirantury of All-Russian Research Institute CENTR, Moscow. E-mail: pavelkohno@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПЛОЩАДИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

О.С. Лазарева, Е.А. Зайцева, П.Н. Головин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Лазарева О.С., Зайцева Е.А., Головин П.Н., 2020

В статье рассматриваются вопросы современного изменения площади сельскохозяйственных земель, расположенных на территории Тверской области; проанализированы статистические данные по состоянию и использованию земель за период 2010–2018 года, а также выявлены причины этих изменений. На основании этих сведений сделаны выводы об изменении качества земельных ресурсов. Сохраняется тенденция к зарастанию сельскохозяйственных угодий и усилению деградационных процессов в почве. Однако, несмотря на негативные общие процессы, наметилась положительная тенденция к использованию земельных ресурсов по назначению, т. е. возвращению их в сельскохозяйственный оборот.

Ключевые слова: *земли сельскохозяйственного назначения, категория земель, использование земель, сельскохозяйственный оборот.*

Тверская область расположена в северо-западной части Центрального федерального округа. Общая площадь территории области в административных границах на 2019 г. составляет 84,1 тыс. га. Распределение площади земель области по категориям по состоянию на 1 января 2019 г. представлено на диаграмме (рис. 1) [2]. Все земли (земельные ресурсы), расположенные на территории региона, представлены в виде земельного фонда, т. е. совокупности земельных участков, относящихся к соответствующей категории земель. Наиболее ценная из них – земли сельскохозяйственного назначения. Общая цель управления земельным фондом заключается в организации функционирования сложной и эффективной системы земельных отношений региона как элемента общественных отношений для извлечения максимальной выгоды от использования земельных ресурсов при одновременном сохранении благоприятной среды обитания [5]. Частной целью управления земельным фондом является достижение баланса состояния и использования земель региона (в первую очередь это касается земель сельскохозяйственного назначения). Для достижения представленных целей требуется постоянное наблюдение не только за состоянием земель и использованием сельскохозяйственных земель по назначению, но и за изменениями их площадей.

Из анализа приведенной на рис. 1 диаграммы можно сделать вывод о том, что наибольшую площадь занимают земли лесного фонда. Они представлены в основном смешанными, широколиственными и светлохвойными лесами. При этом лесистость в отдельных частях Тверской области неодинакова. Наиболее лесистыми являются северо-западные и северные районы [3].

Рис. 1. Распределение земель Тверской области по категориям

Второе место по площади занимает земля сельскохозяйственного назначения. Эти земли наиболее ценны, поскольку согласно статье 78 Земельного кодекса Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ они «могут использоваться для ведения сельскохозяйственного производства, создания защитных лесных насаждений, научно-исследовательских, учебных и иных связанных с сельскохозяйственным производством целей, а также для целей аквакультуры (рыбоводства)» [1]. Земли сельскохозяйственного назначения подлежат особой охране. Поэтому предоставление их для нужд, не связанных с сельскохозяйственной деятельностью, допускается только в исключительных случаях.

Пригодность земель для ведения сельского хозяйства главным образом зависит от почвенного состава, точнее, от толщины плодородного слоя. Территория Тверской области преимущественно состоит из супесчаных дерново-подзолистых почв, являющихся наиболее плодородными среди подзолистых почв. Часть земель области занята крупными массивами торфяно-болотными почвами, образованными при избыточном увлажнении атмосферными осадками и грунтовыми водами. Наиболее плодородными землями характеризуется восточная часть области, представленная Кесовогорским, Краснохолмским, Кашинским и Калязинским районами, а также юг средней части (Торжокский, Старицкий, Зубцовский, Ржевский районы).

По результатам анализа статистической информации, содержащейся в региональных докладах «О состоянии и использовании земель в Тверской области», а также государственных докладах «О состоянии окружающей среды

на территории Тверской области» за период с 2010 по 2018 г. включительно была составлена диаграмма изменения площади сельскохозяйственных земель за указанный период (рис. 2).

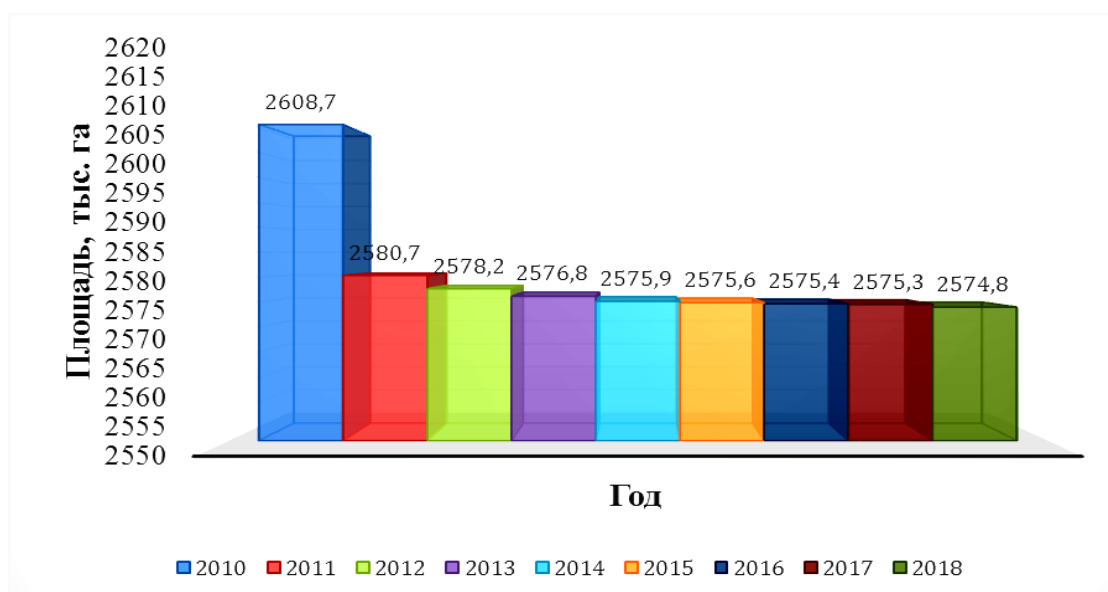

Рис. 2. Динамика изменения площади сельскохозяйственных земель в Тверской области

На диаграмме видно, что площадь сельскохозяйственных земель в 2018 г. составила 2 574,8 тыс. га, что на 33,9 тыс. га (1,3 %) меньше, чем в 2010 г. Наиболее распространенными причинами этого являются следующие:

- 1) перевод в категорию земель населенных пунктов;
- 2) перевод в категорию земель промышленности и иного специального назначения;
- 3) перевод в категорию земель лесного фонда;
- 4) смена разрешенного использования.

Еще одним фактором сокращения площади сельскохозяйственных земель является процесс деградации почв в связи с ненадлежащим использованием земель собственниками, землевладельцами, землепользователями, арендаторами и другими физическими и юридическими лицами. Состояние земель ухудшается из-за того, что культурно-технические работы проводятся минимально. Прогрессируют процессы зарастания сельскохозяйственных земель кустарником и мелколесьем. Это приводит не только к уменьшению площадей кормовых угодий, но и оказывает негативное воздействие на качественные изменения травостоя лугов и пастбищ.

Серьезным препятствием в условиях ведения сельскохозяйственного производства является каменистость земель, наличие эрозионных процессов. В связи с подтоплением земель и большим количеством атмосферных осадков в Тверской области распространены переувлажненность и заболоченность сельскохозяйственных угодий, что приводит к снижению плодородия почвы.

Из-за слабой материально-технической базы не используются предоставленные сельскохозяйственным предприятиям существенные площади земель, что отрицательно сказывается на их состоянии.

В категории земель сельскохозяйственного назначения по состоянию на 2019 г. учтено 250,8 тыс. га осушаемых и 5,1 тыс. га орошаемых мелиорированных земель (сельскохозяйственных угодий). Из них 189,1 тыс. га осушаемых и 1,5 тыс. га орошаемых земель находятся в неудовлетворительном состоянии [2]. Это означает, что необходимо улучшение технического уровня мелиоративных систем.

В связи с вышеперечисленными негативными факторами значительные площади земель исключаются из сельскохозяйственного оборота.

Можно сделать вывод, что использование земель сельскохозяйственного назначения в Тверской области находится на низком уровне. Решение данного вопроса состоит в проведении органами муниципальной власти необходимых землеохранных и землевосстановительных мероприятий. Среди них следует выделить три основных направления по совершенствованию использования сельскохозяйственных земель в Тверской области.

Первое направление – охрана земель – связано с недопущением ухудшения их качественных показателей. Это достигается путем усиления надзора за использованием земель. Второе – восстановление качества земель посредством проведения мероприятий по рекультивации – предотвращает деградацию земель и восстанавливает их плодородие посредством ликвидации последствий загрязнения почвы, восстановления плодородного слоя почвы и создания защитных лесонасаждений. И третье направление – улучшение состояния земель – связано с проведением мелиоративных мероприятий.

Все эти элементы находятся в тесной взаимосвязи друг с другом, и только их комплексное использование поможет грамотно использовать особо ценные сельскохозяйственные земли.

Как к органам местного самоуправления, так и к собственникам, землепользователям и арендаторам земельных участков (в том числе на землях сельскохозяйственного назначения) предъявляются определенные законодательно закрепленные требования по их надлежащему использованию. Согласно Земельному кодексу Российской Федерации земельные участки следует использовать «в соответствии с их целевым назначением способами, не наносящими вред земле как природному объекту»; при этом нельзя «допускать загрязнение, истощение, деградацию, порчу, уничтожение земель и почв и иное негативное воздействие на земли и почвы» [1].

Однако все же надо отметить, что в последнее время наметилась положительная тенденция. Так, по данным Регионального доклада в 2018 г. введено в сельскохозяйственный оборот 6,5 тыс. га неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения [2].

Библиографический список

1. Земельный кодекс РФ: Федер. закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения: 05.02.2020).
2. Региональный доклад о состоянии и использовании земель в Тверской области 2018 год: Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии. URL: <https://rosreestr.ru/site/open-service/statistika-i-analitika/regionalnyy-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-zemel-v-tverskoy-oblasti-za-2018/> (дата обращения: 10.05.2020).

3. Крылова В.В., Лазарева О.С. Земельные ресурсы лесного фонда: оценка эффективности управления // Вестник Тверского государственного университета. Серия: География и геоэкология. 2019. № 4 (28). С. 64–72.
4. Комов Н.В. Эффективное управление земельными ресурсами – основа государственности и богатства народа // Экономика и экология территориальных образований. 2017. № 2. С. 6–14.
5. Лазарева О.С. Оценка эффективности управления земельными ресурсами региона // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2019. № 2 (46). С. 220–227.

MODERN CHANGES IN AREA OF AGRICULTURAL LANDS AND THEIR USE IN THE TVER REGION

O.S. Lazareva, E.A. Zaitseva, P.N. Golovin

Tver State Technical University, Tver

The article deals with the issues of modern changes in the area of agricultural land located on the territory of the Tver region. statistical data on the state and use of land for the period 2010-2018 are analyzed, and the reasons for these changes are identified. Based on this information, conclusions are made about the General trend of changes in the quality of land resources not for the better. There is still a tendency for overgrowth of agricultural land and an increase in degradation processes in the soil. However, despite the negative General processes, it was revealed that there is a positive trend of using agricultural land for its intended purpose, that is, their return to circulation.

Keywords: *agricultural land, land category, land use, agricultural turnover.*

Лазарева Оксана Сергеевна – старший преподаватель кафедры геодезии и кадастра ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: lazos_tvgu@mail.ru

Зайцева Елизавета Алексеевна – студентка инженерно-строительного факультета направления «Землеустройство и кадастры» ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: zaitseva98@yandex.ru

Головин Павел Николаевич – студент инженерно-строительного факультета направления «Землеустройство и кадастры» ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: p.golovin2715@yandex.ru

About the authors:

Lazareva Oksana Sergeevna – senior lecturer of the Department of geodesy and cadaster of Tver State Technical University, Tver. E-mail: lazos_tvgu@mail.ru

Zaiceva Elizaveta Alekseevna – student of the faculty of civil engineering of the direction «Land Management and cadastre» of Tver State Technical University, Tver, E-mail: zaitseva98@yandex.ru

Golovin Pavel Nikolaevich – student of the faculty of civil engineering of the direction «Land Management and cadastre» of Tver State Technical University, Tver, E-mail: p.golovin2715@yandex.ru

УДК 658:004

ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

А.Н. Бородулин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Бородулин А.Н., 2020

В статье рассматривается современное состояние банковского сектора российской экономики и актуальные вопросы развития его информационных технологий в условиях пандемии COVID-19. Оцениваются статистические параметры, приводится анализ существующего уровня, прогнозируется развитие отдельных направлений ИТ-разработок в финансово-кредитной сфере Российской Федерации.

Ключевые слова: финансы, банковские услуги, экономика России, информационные технологии.

Финансы в настоящее время представляют собой одну из тех отраслей, в которой отечественная экономика по основным показателям освоения цифровых технологий находится в числе мировых лидеров. Между тем развитие отечественного финансового сектора определяется условиями, сформировавшимися в последние годы, во многом уникальными как и в историческом смысле, так и в контексте общемировых экономических тенденций. Ключевым же фактором в динамике российского финансового сектора в ближайшее время, очевидно, окажется влияние на отечественную и мировую экономику кризисных явлений, вызванных пандемией COVID-19.

Мировой рынок в последние годы и так показывал устойчивую тенденцию к замедлению роста. В конце февраля 2020 г. старт глобальной экономической рецессии вызвал резкий спад промышленного производства в Китае в связи с введением карантина, что привело к существенному падению цен на рынках нефти и энергоресурсов. За этим последовали ограничительные мероприятия практически во всех странах мира, обусловленные распространением COVID-19, и на глобальных рынках оказались парализованы не только заблокированные логистические цепочки и гражданские перевозки, но и целые отрасли экономики.

Все эти факторы напрямую влияют на капитализацию и финансовую устойчивость в банковском секторе. Справедливо ожидается замедление роста объемов кредитования и выручки, и это при том, что более 60 % всех банков в мире в последние годы, согласно исследованиям международной консалтинговой компании McKinsey, фактически подвержены процессам разрушения своей рыночной стоимости [4].

При этом цифровизация банковского сектора неминуемо ведет к структурным сдвигам в организации работы всех финансово-кредитных учреждений. Каждый новый мировой экономический кризис, существенно снижая все

показатели эффективности работы банков, одновременно приводил к увеличению роли информационных технологий в их деятельности. Так, со времени последнего крупного спада в 2008 г. было закрыто примерно 27 % отделений банков по всей Европе путем перевода их деловых процессов в цифровой формат или интеграции в работу более крупных бизнес-единиц на основе внедрения новых компьютерных систем, а оптимизация российских банковских структур на фоне развития цифровых сервисов только за последние два года вызвала закрытие 10 % всех филиалов и операционных офисов [5].

Все эти количественные показатели очевидной трансформации тем не менее происходили на фоне развития вполне ощутимых отрицательных трендов развития ИТ-технологий российского и мирового банковского сектора, основными из которых являются следующие:

1. Востребованный и даже модный в настоящее время термин «искусственный интеллект» в финансово-кредитной сфере зачастую стал подменяется просто усложненными алгоритмами принятия решений и их исполнением по заранее заложенным картам действий и образцам. При этом развитие «настоящего» искусственного интеллекта не давало существенного выигрыша в складывающихся рыночных условиях из-за слишком больших затрат.

Например, широкое применение в работе с клиентами технологий роботизации на основе чат-ботов позволяет существенно снизить себестоимость колл-центров только в отношении самых простых запросов. Однако в историческом контексте они уже сыграли свою роль в повышении отдачи от деятельности колл-центров. Пока же оказывается, что выгоднее использовать живых людей, чем вкладывать серьезные финансовые средства в роботизацию. Подтверждением тому может служить тот факт, что в последние годы общая доля задач, в решении которых хотя бы частично можно положиться на чат-бота или робота-помощника, в отечественных банках демонстрирует лишь небольшой рост и, как и во всем мире, не превышает 12–13 % [2].

2. Совершенствование технологий обработки больших данных (англ. big data), развитие распределенных вычислений и, следовательно, более активное инвестирования в расширение вычислительных мощностей банковских data-центров в последние несколько лет существенно замедлилось.

Так, углубленное исследование «настоящих» больших данных на основе обработки информации о клиентах в соцсетях, данных операторов мобильной связи и ритейлеров превращается в достаточно дорогостоящее мероприятие с неочевидной эффективностью, причем сопряженное со значительными законодательными ограничениями. При этом информационную базу для эффективной организации кросс-продаж банковских продуктов российским банкам значительно проще получать понятным и вполне рутинным для них способом – путем обработки текущих запросов своих структурных подразделений.

Внедрение распределенных вычислений и основанных на них блокчейн-технологий в отечественной банковской сфере также существенно затруднено из-за многолетней неопределенности в решении правовых вопросов. И как

следствие, они находят применение только в узкоспециализированных проектах по торговому финансированию и в сфере инвестиционного бизнеса [2].

3. Расширение использования российскими банками биометрических данных и основанных на них средств идентификации клиентов в настоящее время также не может рассматриваться как фактор, способствующий росту доходности финансового сектора. В том виде, в каком биометрия продвигается на рынке (например, на инструментах, представленных Единой биометрической системой от «Ростелекома» [1]), она не приводит к снижению банковских затрат.

Проекты такого рода нужны прежде всего государству для решения чисто управленческих и социальных задач. Поэтому оно и выступает своеобразным локомотивом этого процесса через подконтрольные банковские структуры. Последние, вместе с другими присутствующими на рынке частными банками, вынужденно вкладывают серьезные средства в развитие многочисленных служб и сервисов, обеспечивающих в первую очередь надежность и безопасность финансовой системы страны, но не приносящих явную выгоду конкретным ее представителям.

Собственно, именно на фоне описанных выше проблем произошло существенное замедление развития современных ИТ-технологий в российском банковском секторе. Так, несмотря на рост в 2018–2019 гг. чисто финансовых показателей рынка банковских ИТ-разработок на 8–9 % в год, этот показатель почти вдвое уступает динамике увеличения инвестиций на проекты информатизации финансово-кредитных организаций в России за последнее десятилетие.

Кроме того, следует отметить и серьезный уровень монополизации и концентрации ресурсов как в рамках крупных компаний-разработчиков, так и вокруг основных заказчиков, представленных в первую очередь банками с государственным участием. Так, только на пять ведущих ИТ-разработчиков в банковской сфере приходится около 63 % от общей выручки крупнейших 30 компаний и более половины всего рынка разработок проектов информатизации на российском финансовом рынке [2].

На фоне отмеченных тенденций складывающаяся в настоящее время в связи с пандемией COVID-19 ситуация на финансовом рынке и в ИТ-отрасли может повлиять на процессы цифровизации неоднозначным, на первый взгляд, образом.

С одной стороны, уже сейчас очевиден рост затрат многих экономических субъектов, в том числе финансово-кредитных учреждений, на организацию удаленной работы своих сотрудников. Вместе с тем внезапный характер произошедших изменений по сути способен спровоцировать лишь вынужденное увеличение расходов на дополнительные аппаратные и программные решения в чрезвычайной ситуации. Обоснование серьезных инвестиций в развитие инновационных цифровых технологий в такой ситуации очень проблематично и, по всей вероятности, внедрение их большинством ИТ-служб как российских, так и зарубежных банков будет отсрочено.

В настоящее время российский банковский сектор в большей степени сосредоточен на наблюдении за развитием макроэкономических финансовых

показателей и на решении организационных проблем в новых условиях работы. Информационные ресурсы банков скорее «пристраиваются» для заполнения второстепенных рынков и решения задач, носящих скорее социальный, а не коммерческий характер.

Так, например, Тинькофф Банк, уже ранее полностью отказавшийся от классического «физического» взаимодействия с клиентами, продолжая развитие своей цифровой инфраструктуры, запустил платформу, предназначенную для дистанционного открытия брокерских и индивидуальных инвестиционных счетов и организации биржевых торгов. А Сбербанк, в свою очередь, решил использовать мощности имеющихся у него вычислительных ресурсов и систем искусственного интеллекта для информирования населения о текущем и прогнозируемом развитии ситуации с распространением коронавируса [3].

В плане необходимости приспособливаться к решению срочных ИТ-задач экономики и финансов показательна ситуация, сложившаяся в связи с перегруженностью служб занятости и налоговых органов в США на фоне пандемии. Срочная потребность в модернизации старого программного обеспечения вскрыла малоизвестный факт: значительная часть не только правительственных, но и информационных банковских систем, а также более 90 % сети банкоматов в мире и даже ядра международной системы межбанковских платежей SWIFT функционировали на «мертвом» языке программирования COBOL с уже фактически 60-летней историей [6].

Собственно давно стоявшая перед международными финансовыми институтами задача модернизации банковских систем даже в прежние «благополучные» годы относилась к числу сверхзатратных и трудно-реализуемых. На фоне же чрезвычайных обстоятельств этого года единственным решением в условиях серьезной экономической неопределенности стала мобилизация разработчиков-«пенсионеров», еще способных обслуживать оказавшиеся под дополнительной нагрузкой информационные системы.

Таким образом, в настоящее время, на фоне охватившей значительную часть стран мира пандемии, еще крайне трудно прогнозировать какие-либо изменения в ИТ-технологиях банковского сектора. Экономические последствия возникшего кризиса будут еще долгое время оказывать существенное влияние на весь мировой рынок и его финансовый сектор. Вместе с тем очевидный в первые месяцы развития кризисной ситуации рост нагрузки на технологические платформы дистанционного обслуживания и работы может выступать фактором, способным стабилизировать ситуацию. Это позволит выиграть время для взвешенного планирования дальнейшего развития, а возможно, послужит стимулом к серьезной трансформации существующих или появлению новых технологических и экономических решений.

Библиографический список

1. Единая биометрическая система. URL: <https://bio.rt.ru/> (дата обращения: 30.04.2020).
2. Российский рынок банковской информатизации. TADVISER. URL: http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Российский_рынок_банковской_информатизации (дата обращения: 30.04.2020).

3. СБЕРИНДЕКСЫ. URL: <https://www.sberindex.ru/> (дата обращения: 30.04.2020).
4. Цифровая Россия: Новая реальность. Digital McKinsey. URL: <https://www.mckinsey.com/ru/~media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx> (дата обращения: 30.04.2020).
5. Цифровая трансформация российских банков. TADVISER. URL: http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цифровая_трансформация_российских_банков (дата обращения: 30.04.2020).
6. New Jersey needs volunteers who know COBOL, a 60-year-old programming language. CNBC. URL: <https://www.cnbc.com/2020/04/06/new-jersey-seeks-cobol-programmers-to-fix-unemployment-system.html> (дата обращения: 30.04.2020).

PROSPECTS FOR DIGITAL TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN BANKING SECTOR IN THE CONTEXT OF THE PANDEMIC

A.N. Borodulin

Tver State Technical University, Tver

The article discusses the current state of the banking sector of the Russian economy and current issues of its information technology development in the context of the COVID-19 pandemic. Statistical parameters are evaluated, the analysis of the existing level and the forecast of the development of certain areas of it development in the financial and credit sphere of the Russian Federation is provided.

Keywords: *finance, banking services, Russian economy, information technology.*

Об авторе:

Бородулин Алексей Николаевич – кандидат технических наук доцент кафедры бухгалтерского учета и финансов ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: bor74@mail.ru

About the author:

Borodulin Alexey Nikolayevich – PhD (Engineering), Associate Professor of Department of Accounting and Finance, Tver State Technical University, Tver. E-mail: bor74@mail.ru

УДК 349.41

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ ЗЕМЕЛЬ

О.С. Лазарева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

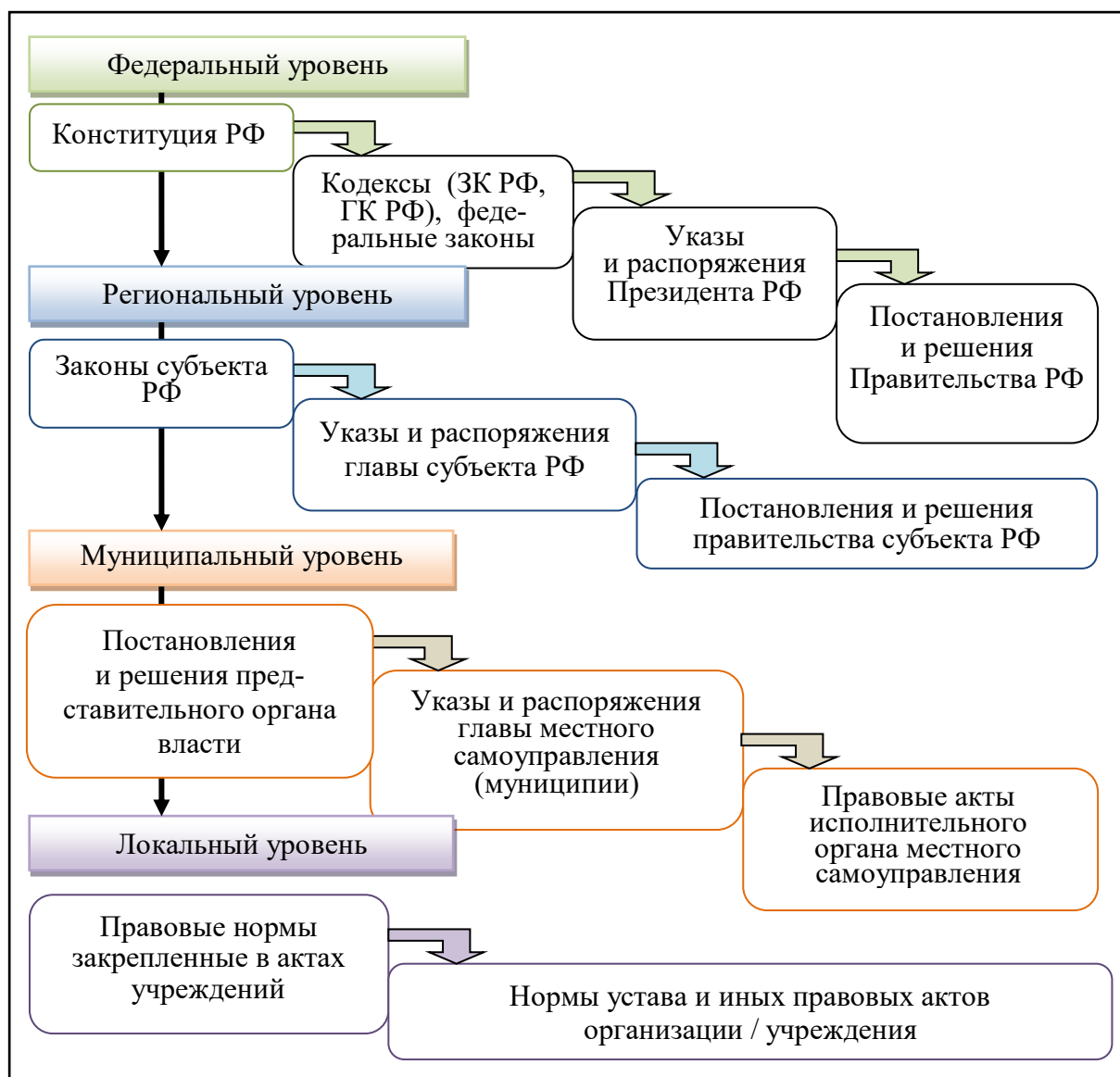
В статье анализируется развитие и организация нормативно-правового обеспечения землепользования и управления земельными ресурсами РФ в современных условиях. Установлено, что на протяжении многолетней истории земельных отношений государства и общества сформировалась система земельного законодательства, претерпевающая изменения в соответствии с преобразованиями и развитием государственного строя. Кроме того, проведенные исследования позволяют сделать вывод о том, что нормативно-правовое обеспечение использования и охраны земельных ресурсов организовано по иерархичной структуре, что соответствует общей структуре государственного устройства. Однако темпы развития общества и экономики государства зачастую опережают темпы законодательской деятельности в сфере земельных отношений, поэтому система нормативно-правового обеспечения находится в режиме реформирования.

Ключевые слова: *нормативно-правовое обеспечение, земельные отношения, иерархия, реформирование.*

Работа системы управления собственностью и взаимодействие государственных органов регламентированы законодательными и нормативными правовыми актами [5]. Земельные отношения в РФ регулируются конституционными нормами, а также рядом кодексов: Земельным (ЗК РФ), Гражданским (ГК РФ), Лесным (ЛК РФ), Водным (ВК РФ). Помимо этого, земельные отношения регулируются экологическим законодательством, законодательством о недропользовании и иными нормативных актами, относящимися к земельному, гражданскому, административному законодательству.

В ходе исследования национального законодательства установлено, что для осуществления деятельности в сфере управления земельными ресурсами и их использования государство регламентирует земельные отношения путем развития нормативно-правового обеспечения. Нормативно-правовое обеспечение представляет собой совокупность нормативных документов и правовых актов, где закреплены как меры воздействия, так и должного поведения, с помощью которых устанавливаются способы, условия и нормативы использования земель, осуществляется выкуп или изъятие земель для государственных и муниципальных нужд, устанавливаются предельные размеры земельных участков, совершаются сделки с объектами земельной собственности и т. д.

Кроме этого, проведенные исследования позволяют сделать вывод о том, что нормативно-правовое обеспечение использования и охраны земельных ресурсов, как государственное устройство, организовано иерархично как по вертикали, так и горизонтали (рисунок).

Структура системы нормативно-правового обеспечения использования и охраны земельных ресурсов РФ

Согласно представленной на рисунке законодательной иерархии, главным правовым документом, в котором содержатся основные положения нормативно-правового обеспечения системы управления и использования земель, является Конституция РФ. Именно в ней определены формы собственности на землю и закреплено право собственности. Земельный кодекс РФ (далее – ЗК РФ), следующий по важности документ, регулирует нормативно-правовые отношения в сфере использования и охраны земель. Он является основой земельного законодательства и решает значительную часть нормативных и правовых проблем использования и охраны земель. На ЗК РФ базируются действующие нормативно-правовые акты, регулирующие управление земельными ресурсами и их использование. В ЗК РФ закреплён один из основных принципов земельного законодательства в РФ – учёт значения земли как основы жизни и деятельности человека.

В соответствии с этим принципом регулирование отношений по использованию и охране земель осуществляется исходя из представлений о земле как о природном объекте, охраняемом в качестве важнейшей составной части природы; природном ресурсе, используемом в качестве средства производства в сельском хозяйстве и лесном хозяйстве; основе осуществления хозяйственной и иной деятельности на территории РФ и, как о недвижимом имуществе, об объекте права собственности и иных вещных прав на землю [1].

При этом и в Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ) имеются основополагающие элементы, которые определяют гражданско-правовые начала управления земельными ресурсами в РФ. ГК РФ определяет права собственности, владения, пользования и распоряжения земельными участками в РФ, а также права ограниченного пользования чужими земельными участками (сервитуты). Эти положения, а также основные принципы прекращения прав на землю (изъятие земель) содержатся в гл. 17 ГК РФ [2]. Совершение сделок с объектами, относящимися к земельным ресурсам, также регламентируется ГК РФ.

Право собственности на землю является одним из коренных, базисных социально-экономических отношений любой общественно-экономической формации. В экономической теории под правом собственности понимают совокупность властных прав, санкционированных поведенческих отношений, складывающихся между людьми по поводу использования ими экономических благ [6].

В правовом понимании собственность на землю – это правомочия собственника по владению, пользованию и распоряжению объектами, составляющими земельные ресурсы. В системе земельных отношений собственности отводится ключевая роль [3]. Главное условие эффективного использования ресурса – четкое определение прав собственности на него и сведение транзакционных издержек к нулю [4]. Определение прав собственности на землю опирается на грамотное и адекватное законодательство, соответствующему уровню земельных отношений в государстве.

К сожалению, современные тенденции развития экономики нашей страны свидетельствуют о том, что это условие не всегда выполняется на протяжении всего периода развития (реформирования) земельного законодательства. Поэтому процесс реформирования законодательства на сегодняшний день далек от завершения.

Библиографический список

1. Земельный кодекс РФ: Федер. закон [принят Гос. Думой 28.09.2001, по состоянию на 17.03.2020]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/
2. Гражданский кодекс РФ (часть первая): Федер. закон [принят Гос. Думой 21.10.1994, по состоянию на 07.04.2020] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

3. Волков С.Н. Землеустройство: в 9 т. М.: Колос, 2001. Т. 1: Теоретические основы землеустройства. 494 с.
4. Коуз Р. Фирма, рынок и право. М.: Дело ЛТД, 1993. 192 с.
5. Лазарева О.С. Структура и развитие методов управления земельно-имущественными отношениями в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 2. С. 333–336.
6. Нуреев Р.М. Основы экономической теории: микроэкономика. М.: Высшая школа, 1996. 447 с.

LEGAL SUPPORT OF LAND USE AND PROTECTION

O.S. Lazareva

Tver State Technical University, Tver

The article analyzes the development and organization of legal support for land use and land management in the Russian Federation in modern conditions. It is established that over the long history of land relations between the state and society, a system of land legislation has been formed, which is undergoing changes in accordance with the transformations and development of the state system. In addition, the research conducted allows us to conclude that the organization of legal support for the use and protection of land resources is based on a hierarchical structure, which corresponds to the General structure of the state structure. However, the pace of development of society and the economy of the state is often faster than the pace of legislative activity in the field of land relations, so the system of legal support is in the mode of reform.

Keywords: *normative-legal provision of land relations, hierarchy, reform.*

Лазарева Оксана Сергеевна – старший преподаватель кафедры геодезии и кадастра ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь.
E-mail: lazos_tvgu@mail.ru

About the author:

Lazareva Oksana Sergeevna – senior lecturer of the Department of geodesy and cadaster of Tver State Technical University, Tver, E-mail: lazos_tvgu@mail.ru

УДК 336.201:336.221

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ, МЕТОДОЛОГИИ И ПРАКТИКИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРФОДОБЫВАЮЩЕЙ ОТРАСЛИ ТВЕРСКОГО РЕГИОНА

Т.Б. Яконовская, А.И. Жигульская

В статье исследуются вопросы теории, методологии и практики исчисления налога на добычу полезного ископаемого (НДПИ). Рассматривается тенденция к динамике ресурсных платежей по предприятиям горнопромышленного комплекса Тверского региона. В качестве мер по оптимизации налогообложения торфодобывающих предприятий предложены варианты снижения налогооблагаемой базы по расчету НДПИ и использование рентного налога взамен НДПИ.

Ключевые слова: торфяные предприятия, НДПИ, оптимизация налогообложения, торфяная рента, рентный налог.

Отрасли добычи минерально-сырьевых ресурсов являются фундаментом национального хозяйства России и главным источником формирования доходов бюджетной системы страны и ее регионов. В 2019 г. доля сырьевых налогов на горнопромышленный комплекс в России составила около 43 %. В европейских странах этот показатель изменяется в диапазоне от 33 до 46 %. Особенности взимания ресурсных платежей на горных предприятиях характерны не только для стратегических видов ресурсов недр, но и для общераспространенных минерально-сырьевых ресурсов. Ввиду несовершенства законодательства (не учитывается отраслевая специфика) одни отрасли добывающего сектора экономики испытывают сильное налоговое бремя, в то время как другие недооблагаются. В современных экономических условиях налогообложение предприятий добывающего сектора не учитывает рентную составляющую доходов недропользователей.

Как известно, идентичных месторождений полезных ископаемых в природе не существует и все они значительно отличаются друг от друга по многим качественным характеристикам. Геологические свойства полезных ископаемых на месторождении, глубина их залегания и сложность экскавации, а также место расположения и окружающая инфраструктура определяют прибыльность того или иного месторождения. Уровень доходов существенным образом отличается на каждом месторождении и даже на каждом участке в границах месторождения на величину рентной составляющей.

В этой связи использование плоской шкалы налогообложения с одинаковой ставкой налога на добычу для всех месторождений одного вида полезного ископаемого приводит к тому, что богатые месторождения получают сверхприбыль, которую оставляют себе и недооблагаются, а в другие участки недр, с худшими природными условиями и высокими издержками добычи, – платят непомерно высокий налог. Такой способ налогообложения не стимулирует рациональное использование месторождений.

Целью налогообложения пользователей месторождений является получение государством рентных доходов и комплексное, рациональное использование недр [1].

Проблемой рентного налогообложения в отраслях природопользования занимались многие ученые. Наиболее значимыми трудами в области общей теории налогов можно назвать работы Д. Рикардо, А. Смита, Д. Фридмана, Дж. Кейнса, М. Лоре, А. Лаффера. Классическая теория ренты была разработана А. Смитом и развита в трудах А. Маршалла, Д. Милля, К. Маркса, Д. Рикардо.

Современные исследования ренты представлены работами Н.Н. Лукьянчикова, Д.С. Львова, О.С. Монастырных, Ю.П. Белова, В.Н. Богачева, С.А. Кимельмана, Ю.В. Разовского, Л.Г. Хазанова, Т. Гвортни, К.Г. Гофмана, М.А. Комарова, Б.В. Хакимова, Э.М. Халимова, Е.С. Мелехина, Р.А. Хромова.

Актуальны исследования проблем налогообложения в области добычи минеральных ресурсов, проводимые такими учеными, как М.А. Смолянов, К.Н. Трубецкой, Н.В. Гусев, П.Н. Манц, В.И. Гошков, А.Е. Бернуни, Г.Г. Бойков, П.В. Резовский, А.И. Быбочкин, Т.Л. Гольдман, И.П. Воронкова, Д.Д. Кузнецов, С.Я. Горюшкина, К.И. Рури, А.М. Поваленко, Ф.Д. Ларичкин, В.А. Шексин, В.С. Ливиненко, Ю.В. Трусс, В.А. Соловьева, В.В. Майников, С.В. Федосеев, Д. Хан, Х. Нотеллинг, А.Д. Шеремет, С.В. Чумаченко, А.Е. Ферсман, В.А. Фосеев.

Теоретический базис разработки системы налогообложения содержится в работах А.И. Перчика, В.В. Понкратова, М.В. Романовского, Т.Ю. Сафоновой, Е.С. Вылковой, Л.И. Гончаренко, В.А. Кашина, Д.Г. Черника, Т.Ф. Юткиной, А.В. Ефимова, В.Г. Панскова, В.Г. Панскова, Л.П. Павловой, Г.П. Толстопятенко, В.В. Понкратова, М.М. Юмаева, Л.П. Павловой [2].

Научные исследования вышеперечисленных авторов, посвященные анализу существующей практики налогообложения горнодобывающих предприятий на базе ставок горной ренты (НДПИ) для различных видов твердых полезных ископаемых, недостаточно проработаны. И тем более это актуально для предприятий, разрабатывающих месторождения общераспространенных минерально-сырьевых ресурсов, так как в большинстве случаев именно непомерно высокая и неадекватная ставка налога на добычу полезных ископаемых составляет основную угрозу экономической безопасности.

Налог на добычу полезных ископаемых является базовым (прямым) федеральным налогом, который взимается с горных предприятий ежемесячно, однако в российскую налоговую систему введен относительно недавно, с принятием гл. 26 НК РФ 1 января 2002 г. Налоговая база по НДПИ определяется как стоимость добытых полезных ископаемых и зависит от типа минерально-сырьевого ресурса. Она строго учитывает НДПИ по установленным ставкам, которые определяются отдельно по каждому виду добытого полезного ископаемого [3]. Так, НДПИ по торфу составляет 4 % (наравне с углем и сланцами); по нерудным полезным ископаемым, используемым в строительной отрасли (таким как глина, песок, гравий), НДПИ составляет 5,5 % от стоимости добычи.

Горнопромышленный комплекс Тверского региона представлен предприятиями, добывающими торф и нерудные строительные ресурсы (песок, щебень, гравий, известняк и т. д.). Динамика платежей НДС по всем добывающим предприятиям приведена в таблице. Однако в структуре доходов доля ресурсных платежей не превышает 1 % (рис. 1).

Как показывают данные таблицы, налогооблагаемая база по НДС с началом общего экономического кризиса в стране (2014–2016 гг.) резко сократилась, что в свою очередь негативно отразилось на величине поступившего в бюджет региона налога. Причем если в 2016 г. в структуре добывающего сектора Тверской экономики на долю предприятий торфяной отрасли приходилось 13 %, то с 2017 г. – менее 7 %.

Таким образом, количество предприятий торфяной отрасли уменьшилось почти в два раза. Настораживает и общая стойкая тенденция к сокращению числа предприятий в добывающей отрасли региона. Средний уровень доходности по предприятиям торфяной и нерудной отрасли не превышает 8 %. При этом для торфяной отрасли средняя рентабельность составляет 5 %.

Налог на добычу полезных ископаемых горнопромышленного комплекса
Тверского региона*

Показатель	Год						
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Стоимость добытых полезных ископаемых, тыс. руб.	654 864	555 124	158 450	410 320	797 810	838 084	819 647
Сумма уплаченного НДС, тыс. руб.	35 950	30 440	8708	22 555	43 884	46 093	44620
Сумма НДС, не поступившего в бюджет, тыс. руб.	117	126	334	289	308	69	53
Количество налогоплательщиков НДС, ед.	68	70	53	59	57	56	56
Рентабельность нерудной отрасли, %	8,5	7,9	4,6	7,7	8,8	9,5	8,9
Рентабельность торфяной отрасли, %	8,10	7,50	4,10	5,20	3,20	3,50	3,50

*Примечание. Таблица составлена авторами по данным ежегодной отчетности налоговой службы Тверского региона [4].

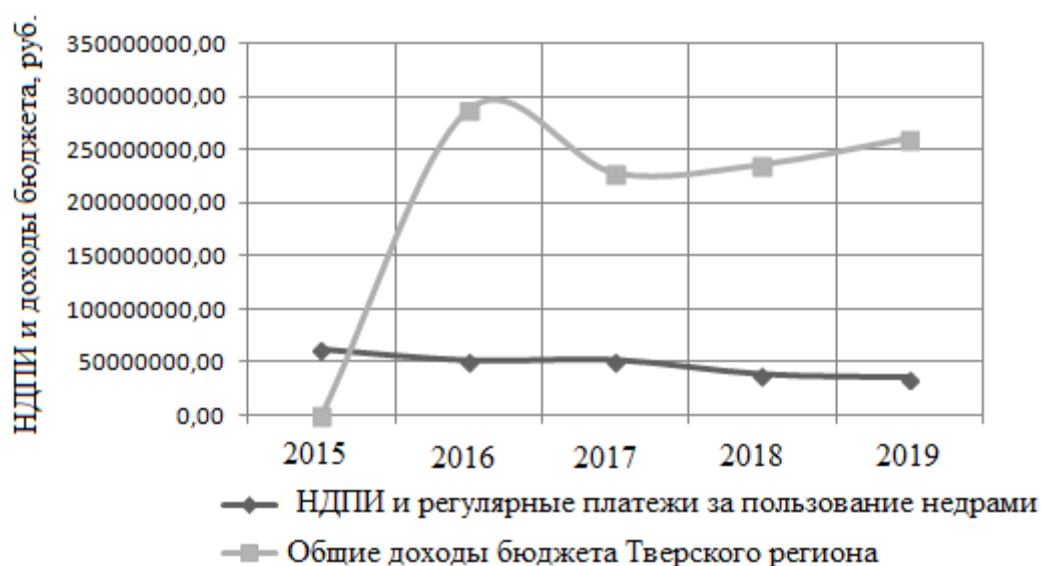

Рис. 1. Динамика НДС, регулярных платежей за пользование месторождениями и общей величины доходов бюджета Тверской области [составлено авторами]

Анализ графика на рис. 1 показывает, что с 2015 г. до настоящего времени объём НДС и других регулярных платежей за пользование тверскими недрами демонстрирует устойчивую отрицательную динамику, что доказывает отсутствие стратегических программ развития добывающего сектора и низкую эффективность использования минерально-сырьевой базы региона. Поэтому в качестве базовых мер, направленных на повышение эффективности добывающего производства на горных предприятиях, используют оптимизацию налогообложения в части поиска способов снижения НДС. Эта задача довольно сложная, но специалисты бухгалтерской службы совместно с инженерными работниками предприятия могут найти возможности уменьшить эту часть расходов. Как правило, налог на добычу полезного ископаемого принято определять двумя методами [4; 5]:

$$\text{НДС} = \text{НБСВ} \cdot \text{НС}\%, \quad (1)$$

$$\text{НДС} = (\text{ОБ} / \text{ОНВ} \cdot \text{ОДВ}) \cdot \text{НС}\%, \quad (2)$$

где НБСВ – налоговая база НДС в стоимостном выражении в отчетном налоговом периоде; НС% – налоговая ставка в процентах; ОБ – выручка в отчетном налоговом периоде; ОНВ – объем реализации в натуральном выражении в отчетном налоговом периоде; ОДВ – объем добычи в натуральном выражении. Применительно к торфодобывающим предприятиям уменьшить величину НДС можно, если за налогооблагаемую основу взять стоимость непосредственно технологической операции, в процессе которой происходит экскавация торфа (эксплуатационные расходы по операции фрезерования).

Использование дифференциальной ставки НДС (согласно рентной концепции) позволило бы более объективно рассчитывать величину налога на добычу, но пока на практике действует единая шкала ставок НДС, построенная по виду полезного ископаемого, а не по природному качеству [6]. Так, например, на предприятии по добыче торфа ООО «Тверьрегионторф» ресурсные платежи

(НДПИ, аренда месторождения и т. д.) составляют до 35 % от выручки (общее налоговое бремя достигает 70 %), причем льготные схемы и налоговое администрирование не дают существенных результатов (рис. 2).

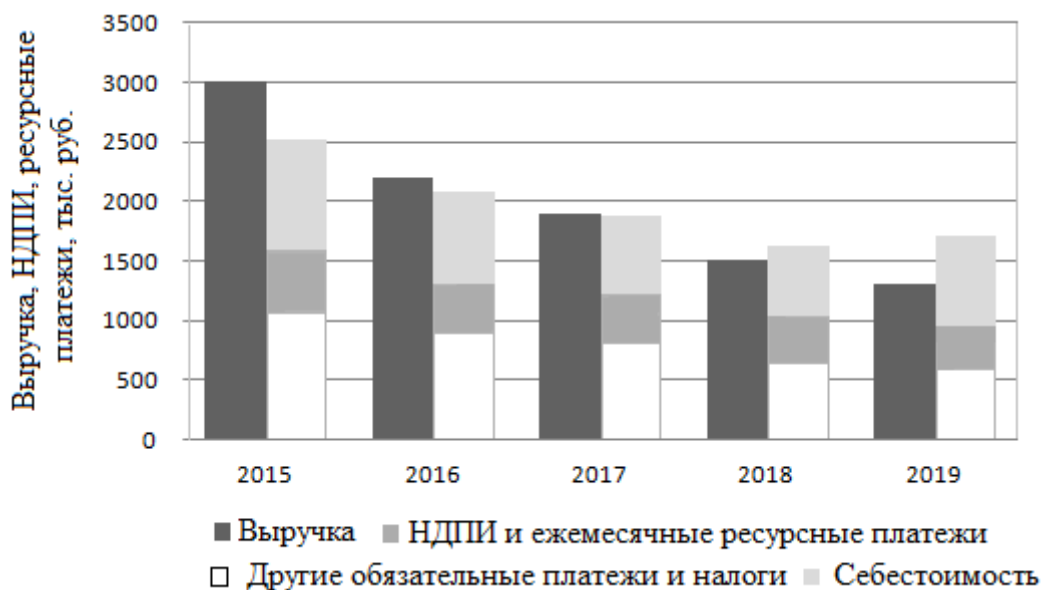

Рис. 2. Величина НДС и ресурсных платежей в структуре выручки ООО «Тверьрегионторф» [составлено авторами]

Льготную ставку НДС (0 %) торфопредприятия используют при учете потерь добытого торфа в пределах технологических нормативов (5–15 %), которые вычитаются из годового объема добычи торфа. Однако здесь существует противоречие, так как для повышения объемов сезонной добычи торфа и для оценки качества используемой технологии производства торфа инженер-технолог стремится снизить различные потери торфа в производственном процессе добычи. Для определения величины налогооблагаемой базы НДС необходимо правильно рассчитать количество добытого торфа, которое определяется напрямую с использованием автоматизированной системы учета, расположенной на корпусе бункера торфоборочной машины. Однако в технологиях, где отсутствует такая машина, применяют косвенный способ определения фактического объема добытого торфа путем измерения объема штабеля и насыпной плотности торфа. Таким учетом должны заниматься инженеры предприятия, однако бухгалтер при оптимизации налоговых платежей должен знать величину неизбежных нормативных потерь добытого полезного ископаемого. Между тем, как правило, НДС начисляется на основе инженерно-технического проекта разработки месторождения. Разумнее было бы установить налоговую ставку НДС для торфяных месторождений в лицензионном договоре на право пользования недрами. Расчет и величина нормальной прибыли также прописываются в лицензии. Действующая схема взимания налоговых платежей в горнопромышленной сфере национального хозяйства России несовершенна, а именно [2; 6; 7]:

1) отсутствует принцип учета горной ренты в практике налогообложения добывающих предприятий;

2) налог на добычу полезных ископаемых не отражает величину торфяной ренты;

3) установлена неадекватная общая сумма налоговых платежей для горных предприятий с разной доходностью;

4) для низкорентабельных горнодобывающих предприятий совокупная величина ресурсных платежей завышена, что приводит к убыточности их хозяйственной деятельности;

5) используемая в настоящее время система налогообложения носит дестимулирующий характер и не содействует росту инвестиционной привлекательности разработки месторождений торфа.

Реализация рентного принципа платности пользования торфяными участками устранил отмеченные выше негативные моменты. Область применения рентного налога предлагается распространить не только на торф, но на все виды полезных ископаемых как для новых, так и для действующих месторождений. Обеспечение законодателем стабильных условий налогообложения добывающих предприятий и получения ими требуемой нормы прибыли будет способствовать привлечению инвесторов в торфяную отрасль [7].

Существующая система платежей за пользование природными ресурсами не стимулирует развитие отрасли и не способствует рациональному управлению. Региональные власти часто используют НДС и высокие ставки ресурсных платежей как способ значительного увеличения местного бюджета, а это негативно отражается на деятельности торфодобывающего предприятия. Однако объективная, четкая и понятная субъектам добывающего комплекса схема расчета НДС и взимания сопутствующих рентных платежей способна создать уникальный и благоприятный для эффективного развития малых добывающих предприятий инвестиционный климат.

Библиографический список

1. Investment potential of extractive industry in regional economy / Vyakina I.V., Aleksandrov G.A., Skvortsova G.G., Yakonovskaya T.B. // International conference on European science and technology Materials of the IX international research and practice conference. Munich: Vela-Verlag (Waldkraiburg – Munich – Germany); Strategic Studies Institute. 2014. С. 287–293.
2. Жигульская А.И., Яконовская Т.Б., Зюзин Б.Ф. Анализ правовой базы управления торфяной отраслью РФ // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2014. № 7. С. 276–280.
3. Налоговый кодекс РФ от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 27.12.2019). Доступ из справ. системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 03.04.2020).
4. Федеральная налоговая служба. URL: <https://www.nalog.ru/rn77/taxation/taxes/ndpi/> (дата обращения: 03.04. 2020).
5. Открытый бюджет Тверской области. URL: <https://portal.tverfin.ru/Menu/Page/302> (дата обращения: 03.04. 2020).

6. Куликова Т.Б. Рентоориентированная система платежей и некоторые проблемы недропользования // Становление и развитие системы антикризисного управления: теория, практика, инфраструктура: материалы всероссийской научно-практической конференции / под ред. Г.А. Александрова. Тверь: Альба Плюс, 2006. С. 254–260.
7. Яконовская Т.Б. Совершенствование экономического механизма управления промышленными предприятиями: дис. ... канд. экон. наук. М.: РГБ, 2009. 175 с.

PROBLEMS OF THEORY, METHODOLOGY AND PRACTICE OF TAXATION OF ENTERPRISES OF THE PIAT INDUSTRY OF THE TVER REGION

T.B. Yakonovskaya, A.I. Zhigulskaya

Tver State Technical University, Tver

The article examines the issues of theory, methodology and practice of calculating the tax on mineral extraction (НДПИ). The analysis of the severance tax dynamics for enterprises of the mining complex of the Tver region is given. As measures to optimize taxation, options have been proposed to reduce the tax base for the calculation of mineral extraction tax and the use of rental tax to replace mineral extraction tax.

Keywords: mining enterprises, common mineral resources, tax optimization, mineral extraction tax, rent, rental tax.

Об авторах:

ЯКОНОВСКАЯ Татьяна Борисовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления производством, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: tby81@yandex.ru

ЖИГУЛЬСКАЯ Александра Ивановна – кандидат технических наук, доцент кафедры технологических машин и оборудования, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: 9051963@mail.com

About the authors:

YAKONOVSKAYA Tatyana Borisovna – PhD (Economic Sciences), Associate Professor, Department of Economics and Production Management, Tver State Technical University, Tver. E-mail: tby81@yandex.ru

ZHIGULSKAYA Alexandra Ivanovna – PhD (Technical Sciences), Associate Professor, Department of Technological Machines and Equipment, Tver State Technical University, Tver. E-mail: 9051963@mail.com

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ

Статья должна отвечать тематике основных разделов журнала и содержать ранее не публиковавшиеся результаты исследований. Объем статьи – от 5 до 16 полных страниц формата А4. Статья должна сопровождаться метаданными и иметь библиографический список. Состав авторского коллектива не должен превышать четырех человек.

Не допускается дословное цитирование без кавычек чужих и своих источников; допускается опубликование ранее опубликованных иллюстраций и уравнений, если это требуется для понимания текста. Иллюстрации из чужих источников нежелательны, кроме случаев, когда без их дублирования статью невозможно понять; в этом случае они должны быть снабжены ссылками на эти источники. Статья должна содержать новые научные результаты и соответствовать тематике журнала.

Библиографический список не должен превышать 15 (для обзорных статей – 25) наименований: приводятся только источники, на которые есть ссылки в тексте (ссылки на неопубликованные и нетиражированные работы не допускаются). При этом ссылки на собственные публикации не должны преобладать (желательно, чтобы их количество не превышало 25 % от общего числа ссылок).

Представление статей на бумажном носителе и сопровождающих их материалов осуществляется по адресу редакционной коллегии. К сопровождающим материалам относятся метаданные статьи и заполненная форма лицензионного договора.

Метаданные статьи необходимы для помещения статьи в Российскую электронную научную библиотеку и включают тематический рубрикатор – УДК; название, аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах (ФИО полностью, должность, место работы каждого автора, адрес электронной почты для каждого автора, SPIN-код), библиографический список по ГОСТ 7.1-84 на русском языке; название, аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах на английском языке.

При подаче статьи для публикации в журнале авторы должны заключить *лицензионный договор* с Тверским государственным техническим университетом о предоставлении права использования произведения. Форма договора представлена на сайте ТвГТУ в разделе «Вестник ТвГТУ». Представление электронных версий статей и метаданных осуществляется по адресу электронной почты: vestnik-tstu@mail.ru. Электронная версия должна содержать один файл, подготовленный с использованием редактора Microsoft Word.

Файл с названием ФИОавтора.doc (указывается фамилия первого автора) содержит текст и метаданные статьи.

Параметры страницы: формат А4, ориентация – книжная, поля – все по 25 мм, переплет – 0 см, отступ на колонтитулы – 1,25 см.

Параметры форматирования текста: шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 12 пт, абзацный отступ – 1,25 см (не задавать пробелами), выравнивание – по ширине, междустрочный интервал – одинарный; заголовок – полужирным с выравниванием по тексту прописными буквами; перед заголовком статьи – УДК без отступа. Далее пропуск одной строки, после заголовка пропуск одной строки, затем пропуск одной строки, далее инициалы и фамилии авторов – шрифт полужирный курсив, между инициалами имени и отчества после точки пробел не ставится. Затем пропуск одной строки, затем текст, после текста – пропуск строки и библиографический список.

Не допускаются два и более пробела, табуляция, форматирование красной строки с использованием табуляции, автонумерация (нумерованных и маркированных списков), автоматическое проставление сносок, нумерация страниц.

Формулы: все формулы должны быть набраны с использованием редактора **Microsoft Equation**, расшифровка обозначений в формулах обязательна.

Дополнительные требования: единственная таблица, рисунок и формулы, на которые нет ссылок, не нумеруются; должны различаться тире (длинное) и дефис (короткий); между инициалами и фамилией (А.С. Пушкин), между числом и единицей измерений (96 км/ч) и перед сокращениями должен стоять неразрывный пробел (Shift + Ctrl + пробел); ссылки на рисунки и таблицы по тексту обязательны; ссылки на библиографические источники приводятся в квадратных скобках.

Нумерация рисунков сквозная по тексту статьи: Рис. 1. Название (точка в конце названия не ставится). В случае одного рисунка наименование «Рис.» перед названием не ставится. Для таблиц нумерация сквозная по тексту: Табл. 1. Название (точка в конце названия не ставится).

Все рукописи проходят проверку системой «Антиплагиат.ВУЗ»

Редакционная коллегия:

Рассадин Сергей Валентинович – главный редактор, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Филиппченкова Светлана Игоревна – зам. главного редактора, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Дьяченко Ярослав Олегович – ответственный секретарь, кандидат философских наук, доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Члены редакции:

Евстифеева Елена Александровна – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Майкова Элеонора Юрьевна – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Буланов Владимир Владимирович – доктор философских наук, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет»

Михайлов Валерий Алексеевич – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Сиротюк Алла Леонидовна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой дошкольной педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Рубцова Надежда Евгеньевна – доктор психологических наук, доцент, главный специалист Управления координации научных исследований Российской академии образования (г. Москва)

Артемьев Алексей Анатольевич – доктор экономических наук, профессор, декан инженерно-строительного факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Розов Дмитрий Викторович – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления производством ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Беденко Надежда Николаевна – доктор экономических наук, заведующая кафедрой экономики предприятия и менеджмента ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Казак Тамара Владимировна – доктор психологических наук, профессор кафедры инженерной психологии и эргономики Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (Республика Беларусь, г. Гомель)

Газнюк Лидия Михайловна – доктор философских наук, заведующая кафедрой гуманитарных наук Харьковской государственной академии физической культуры (Украина, г. Харьков)

Учредитель: ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет».

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер: серия ЭЛ № ФС 77 – 74959 от 25.01.2019 года.

Индексируется в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 170026, г. Тверь, наб. А. Никитина, д. 22, каб. 425А.

Телефон редакции: (4822) 784190, доб. 1, адрес электронной почты: vestnik-tstu@mail.ru